

ГЕРМОГЕН

(для тех, кто начал пробуждаться)

ЛАХЕС Это ты, Гермоген? Где ты был? Я так давно не видел тебя!

ГЕРМОГЕН Я переехал.

ЛАХ. Переехал? Когда?

ГЕРМ. Дай подумать... Уже месяц и с десятков дней назад.

ЛАХ. Мне говорили, что ты отправился путешествовать. А я ждал тебя.

ГЕРМ. Ну вот я и приехал. Как ты, Лахес? Пришёл полюбоваться пейзажем?

ЛАХ. Тем, что от него осталось. Да, ураган вчера... Просто кошмар какой-то.

ГЕРМ. И не говори...

ЛАХ. Наверное, половина домов обвалилась.

ГЕРМ. Да я вижу. Весь город в черных дырах.

ЛАХ. Как рассыпанные вишни.

ГЕРМ. Помнишь, мы сидели часами на этом холме?

ЛАХ. Да. Говорили без умолку, стихи читали.

ГЕРМ. Ты ещё играешь на флейте?

ЛАХ. Как-то не до музыки было, а теперь и подавно. Видишь ли, мой дом – одна из тех вишен.

ГЕРМ. Да что ты говоришь!

ЛАХ. Правда, ему больше повезло, чем другим домам. Часть крыши упала. А кошки мои, думаю, убежали. Я разгребал груды кирпичей и штукатурки, надеясь не найти их там... Зато яблоня наша цела и невредима. Бог пощадил её.

ГЕРМ. А колокольня рядом с ней?

ЛАХ. Той больше нет.

ГЕРМ. Странный Бог. Уничтожает колокольню, а старую яблоню щадит.

ЛАХ. Его пути неисповедимы.

ГЕРМ. Должно быть, Бог любит яблоки.

ЛАХ. Всё в Его воле.

ГЕРМ. Ты стал набожным, Лахес. Я тебя таким не помню.

ЛАХ. Что тебе сказать? Пора уже взяться за ум. «Посеять свой дикий овёс», как говорят англичане.

ГЕРМ. А овёс этот уже созрел? Сеять-то можно?

ЛАХ. Полагаю, что да. Я устал таскать его на своей спине. Город лежит в руинах. Люди плачут на улицах. Дом моего соседа разрушен. Вся его семья была внутри. Сам он поехал куда-то по делам. Скорее всего, ещё ничего не знает.

ГЕРМ. Видимо, Бог прогневался на его семью.

ЛАХ. Если так, то напрасно. Они были хорошие люди.

ГЕРМ. Впрочем, нам долгое время везло. Мы пережили две войны, и ничего плохого с нами не сделали.

ЛАХ. Да, много чего произошло.

ГЕРМ. Много чего всё время происходит, просто мы замечаем только то, что прямо касается нас.

ЛАХ. Я не могу забыть,
как тёмно-фиолетовое облако
сползало с горы.
Было утро, но солнце не смело светить.
Чёрные лоскутья скользили по золотому лику,
словно желая стереть его с неба.

Потом появилась туча,
как звериная лапа
из тьмы берлоги.

Притихшие птицы
метались по воздуху,
как пепел сожжённой рукописи.

Первый натиск был таким мощным,
что поначалу показался мягким, нереальным,
будто любящая рука
качала колыбель моего дома,
а я всё не засыпал.

ГЕРМ. Этот ураган лишь сделал более явным ту жестокость, которая всегда присутствует в мире. Обычно мы не думаем о ней. Мы думаем о приятных вещах. Смотря на лес, например, мы предпочитаем размышлять о берёзах, шелестящих на ветру, о соснах, освещённых изнутри, стоящих подобно высоким светильникам, в торжественной траве. Мы не думаем о том, что вот этот самый лес наполнен существами, которые охотятся друг на друга, пожирают друг друга, умирают в агонии. Когда мы смотрим на поверхность моря, нам нравится представлять себе умиротворённую зеркальную гладь, отражающую изменчивые настроения неба. Мы не думаем о жестокой борьбе за существование, которая идёт под этой самой гладью.

ЛАХ. С тобой трудно не согласиться.

ГЕРМ. Природные бедствия редки. Есть люди, которые никогда не увидят цунами, или урагана, или действительно страшного потопа, или серьёзного пожара. Те, что проходят через такие испытания, часто начинают подвергать сомнению существование Бога или моральную основу вселенной. Иногда целые нации испытывают подобный шок, за которым следует череда тяжких вопросов, как случилось, например, после лиссабонского землетрясения. Но всё постепенно успокаивается. Точно камень, брошенный в воду. Громкий всплеск и краткий хаос, и вода вновь становится гладкой. Рука, которая качала твой дом, движется всегда. Если ты внимателен, то ты чувствуешь её покачивающее движение в последовательности дней, сменяющих друг друга, убаюкивающих душу.

ЛАХ. Но я не сплю.

ГЕРМ. Это тебе так кажется. Хочешь поговорить об этом?

ЛАХ. Да, хочу. Это как в старые времена. Стоило нам встретиться, как мы тотчас пускались в рассуждения. Странно, но беседа о жестокости успокаивает меня.

ГЕРМ. Есть бедствия, метко названные «природными», ведь они таковыми и являются, будучи крайними проявлениями природы этого мира. Есть также человеческие бедствия, называемые войнами, это когда люди собираются большими группами, которые называются «армии», и злобно убивают друг друга, иногда целыми народами. В глубокой древности для таких действий не требовалось иного оправдания, кроме простого желания или нужды получить то, что было у других. Часто всё затевалось вообще безо всякой причины, просто потому, что множество людей воображало себя воинами. В более

цивилизованные времена это коллективное убийство стали прятать под всякими *causae justae* [справедливыми поводами], например, любовью к родине, защитой «нашего образа жизни» и так далее. Убийство стало технологическим. Теперь люди не так часто убивают собственными руками, но вместо этого запускают машины, и машины производят умерщвление. Всё же убийство есть убийство. Можно изобретать оправдания и причины, но они не изменяют сути того, что происходит. Наша литература наполнена героями, которые убивают, даже когда убийства можно избежать. Почти всегда у них есть на это веская причина. Нас учат восхищаться убийцами, мы приходим в восторг от описаний битв и подвигов, когда перерезают не наше горло и простреливают не нашу грудь. Каждый убивший солдат – убийца. Это простой факт. Никакое оправдание его не изменит.

ЛАХ. Мой дед был солдатом. Он убивал на войне. Он так и не смог смириться со своим «боевым прошлым». Он редко улыбался, а его улыбка была такой, что лучше бы её не было.

ГЕРМ. Все, кто идёт на войну, погибают, даже те, что остаются в живых.

ЛАХ. Что на это возразить...

ГЕРМ. Я не думаю, что кто-либо, находясь в здравом уме, может привыкнуть к тому, что убил человека. У солдат мало выбора. Их сгоняют в кучу и посылают на злодейство и гибель. Но есть и солдаты, которые делают убийство своей профессией. Они становятся по сути наёмными убийцами. Впрочем, я не желаю бросать обвинения этим людям. Я просто говорю, что они существуют. Есть также преступность, и организованная, и индивидуальная. Люди приканчивают друг друга за деньги, из понятий чести, из-за женщин, из ненависти, зависти, мести, ради удовольствия, а иногда вообще безо всякой причины. Никто не станет отрицать, что человеческое общество всё пронизано насилием.

ЛАХ. Нет, это не отрицаемо.

ГЕРМ. Если люди не убивают друг друга, то они избивают друг друга, насилуют, грабят, унижают и притесняют всеми возможными способами. Человеческое насилие может быть как явным, так и скрытым. Множество так называемых «порядочных семей» основано на тайной, тихой жестокости, на притеснении слабого сильным. Есть человеческие хищники, рыскающие по ночным городам, убивая, насилуя, грабя, крадя. Люди кричат друг на друга, опьянённые гневом. Супруги оскорбляют друг друга и своих детей. Даже дети нападают друг на друга и мучают один другого. Есть маленькие войны, не столь явные, как большие, но такие же по своей сути. Повторяю, я не критик общества. Я просто констатирую факт, что человеческое насилие существует и широко распространено.

ЛАХ. Безусловно.

ГЕРМ. Далее, есть насилие государства по отношению к его жителям, такое как насилие обязательной воинской службы, налогов и всевозможных обязанностей, которые государство налагает на подвластных ему людей. Государство изобретает всё новые способы затягивания петли на шею человека. Есть и насилие людей по отношению к государству. Оно может быть открытым, таким как демонстрации протеста и революции, и скрытым. Всегда присутствует это удушающее движение государства, пытающегося затянуть удавку как можно туже, не убивая, однако, раба. Иногда государство теряет меру, и раб либо погибает, либо восстает. Революции приводят к террору и

кровапролитию, за которыми следует восстановление государства под иной личиной. Это замкнутый круг, из которого нет выхода.

ЛАХ. Ты утверждаешь, что любой государственный порядок являет собою зло?

ГЕРМ. Да.

ЛАХ. И что общество не должно существовать?

ГЕРМ. Как раз напротив. Нет иного способа организовать массу человеческих животных. Только страх наказания сияет достаточно ярко, чтобы пробить их шкуры. Каждое общество, независимо от того, как оно себя называет, построено на угнетении. Иначе оно не смогло бы существовать. Если упразднить неволящие людей законы, то начнутся изнасилования, грабежи, убийства и борьба за власть. Люди начнут собираться в кланы. Клань начнут воевать друг с другом за продовольствие или за территорию. Начнётся всеобщая война. Вскоре в кланах появятся вожди. Вокруг них скопятся сильнейшие из сильных. Эти громилы станут основой свежей аристократии. Они снова поделят между собой землю и навяжут менее наглým людям свою тиранию. Потом начнутся крупные межклановые войны, и в конце концов появится то же самое общественное устройство, которое мы имеем теперь. Общество – это необходимое зло. Лучше быть угнетённым одной бандой, чем множеством. Впрочем, Лахес, это обширная тема. Давай не будем туда ходить.

ЛАХ. Да, лучше не надо. У меня опять начинается депрессия.

ГЕРМ. Есть и так называемый мир природы, где одно существо пожирает другое.

ЛАХ. Кто же станет отрицать, что природа полна жестокости? Но эти животные движимы инстинктом. Им нужно добывать еду, а не творить зло.

ГЕРМ. А наёмникам нужно зарабатывать деньги, а не убивать. Или убивать им тоже нужно? Мы говорим сейчас не о мотивации, а о самом действии.

Конечно, у животных нет морали. Они убивают, чтобы выжить. Однако убийство есть убийство. Факт остаётся, что в животном мире одно существо постоянно нападает на другое, подвергает его страданию и лишает жизни. Это, опять же, порочный круг, в котором хищник и жертва сплетены воедино, ведь хищник зависит от жертвы. Когда она исчезает, ему грозит вымирание. В конечном счёте, оба – жертвы друг друга.

ЛАХ. Ну, если так ставить вопрос....

ГЕРМ. Потом есть мир насекомых, где немыслимое насилие, ледяное, бессердечное, потрясающее своей машинной точностью, происходит прямо у нас на глазах, если мы снисходим до того, чтобы внимательно посмотреть.

ЛАХ. Однажды я видел, как паук поймал кузнечика в свою сеть. Он закатал его в белое вещество, похожее на саван, затем подполз, обнял свою жертву и начал сосать, когда та была ещё живой. Это было омерзительно. Я не мог смотреть на такое и...

ГЕРМ. Что ты сделал?

ЛАХ. Я убил их.

ГЕРМ. Обоих?

ЛАХ. Да. Я растоптал паутину.

ГЕРМ. Вполне человеческое решение! Но я продолжу. Есть крохотные существа, невидимые глазу. Есть бактерии и вирусы. Их жизнь – это непрерывная атака и защита. Уничтожение друг друга – их обычный способ существования. Даже сами наши тела полны насилия. Микроскопические создания внутри нас постоянно убивают друг друга, борются за власть. Мы

находимся под постоянной агрессией внешнего мира. Тело каждого человека можно сравнить с осаждённым городом, окружённым мириадами врагов. Если город хорошо организован и защищён, если им командует опытный военачальник, то город может простоять долго. Если нет, то вскоре наступает конец. Даже вещи, которые мы считаем наименее приятными, несут в себе смерть. Половой акт, как тебе известно, приводит к гибели миллионов сперматозоидов. Видишь ли, Лахес, чем выше мы стоим на ступенях эволюции, тем более явным делается для нас зло. У бактерий, у вирусов нет понятия зла. Они не более чем живые машины. То же самое, в общем-то, можно сказать и о насекомых и рыбах. У птиц уже есть некое представление о зле. Ты видел, в какое отчаяние приходит птица, когда её птенец выпадает из гнезда на землю. Более развитые животные – кошки, собаки, а также дельфины и слоны – наделены гораздо более ясным пониманием, даже какой-то рудиментарной моралью. Наконец, мы достигаем человеческих существ, обладающих самым чётким пониманием различия между добром и злом, однако большинство из нас пользуется этим пониманием выборочно, а то и отбрасывает его вовсе.

ЛАХ. Как это так?

ГЕРМ. Есть зло, совершаемое хорошими людьми. Животные на фермах выращиваются и содержатся в ужасающих условиях. Потом убийцам платят деньги, чтобы они отняли у этих животных жизнь. Хорошие люди покупают трупы этих животных, приносят их домой и поедают. Нет большой разницы между львами, волками и этими людьми. Все они хищники. Есть также хорошие люди, убивающие не потому, что иначе они умерли бы с голоду, а ради самого удовольствия, получаемого от убийства. Охотники отнимают жизнь ради отдыха и забавы. Рыбаки стоят в воде со смертоносными стержнями в руках. Эти люди, возможно, примерные граждане и добрые отцы семейств, однако они не ведают, что творят. Они не в состоянии поставить себя на место своих жертв и представить, что ты чувствуешь, когда твоё тело разрывает пуля или в твою шею вонзается крючок. Зло является такой существенной частью жизни, что большинство из нас не обращает на него никакого внимания и даже считает его добром. Хорошо истреблять насекомых, хорошо резать ягнят и наедаться их мясом, хорошо охотиться. Люди с восторгом рассказывают и слушают о случаях на рыбалке или на охоте, совершенно не думая про ужас, боль и мучительную смерть, сопровождавшие эти приключения. Я помню фотографию одного знаменитого писателя, большого любителя природы. Камера запечатлела его сидящим в траве, на склоне холма, ружьё между колен, а рядом – связка убитых уток. Другой знаменитый писатель вешал головы африканских животных, пристреленных им самим, на стенах своей спальни. Люди считают рыбалку видом отдыха. Даже великому гуманисту Чехову, с такой пронизательностью описывавшему человеческие страдания, порой недоставало чувствительности по отношению к так называемым низшим тварям. Он рыбачил с огромным удовольствием. Декарт вообще отрицал, что у животных есть душа. Он считал их машинами и оправдывал любую жестокость по отношению к ним. Машины не страдают, утверждал он, а лишь имитируют страдания. Такая пронизательность в математике и такая слепота в биологии! Люди кормят одно животное останками другого. Многие из нас так воспитаны, что мы даже не замечаем зла вокруг нас. Мы фотографируемся рядом с животными или рыбами, которых мы сами только что умертвили. Мы проходим на рынке мимо окровавленных тел, висящих на крюках. Мы покупаем голову или плечо, варим их и кладём в свой рот. Если бы мы пришли на рынок и

увидели человеческие тела, выставленные на продажу, истекающие кровью, то мы бы пришли в ужас. По крайней мере, я надеюсь, что пришли бы. Ну а в чём же разница? Разница в том, что жертвы принадлежат в другому биологическому виду, и только. Они стоят ниже нас на лестнице эволюции. Значит, их можно мучить и убивать.

ЛАХ. Ты знаешь, многие люди сказали бы, что ты говоришь ерунду. Они сказали бы, что такова жизнь и что так должно быть.

ГЕРМ. Вот в том-то и дело. Если ты живёшь в этом мире, то всё так и должно быть, не правда ли? Но, Лахес, я не буду описывать зло и жестокость, царящие в нашем прекрасном мире. Мне всего лишь хотелось показать, что зло, насилие, жестокость и несправедливость полностью пронизывают его. Я просто заявляю, что это факт, не одобряя и не осуждая таковой порядок вещей. История полна невообразимой человеческой жестокости. Даже поведение животных бледнеет по сравнению с ней. Люди, которые восхищаются закатами, зелёными холмами и величественными видами, восхищаются выборочно, закрывая глаза на то, что не желают видеть.

ЛАХ. Ты прав, конечно.

ГЕРМ. Хочу повторить, что даже наши тела полны насилия. Внутри нас идёт постоянная война: клетки пожирают друг друга, вирусы и бактерии вторгаются и убивают, наши собственные клетки защищаются и тоже убивают, и так далее. Чтобы просто оставаться в живых, нашим телам приходится каждую секунду кого-то убивать. Мир, Лахес, устроен так, что он вымочен во зле, как ломтик хлеба в уксусе.

ЛАХ. Мы могли бы упомянуть и насилие, происходящее в мыслях людей.

ГЕРМ. Лучше не надо, иначе нас раздавит. Думаю, сказанного достаточно. Чтобы мы начали понимать, что этот мир на самом-то деле очень жесток, должно произойти нечто очень страшное, некое природное бедствие или война. Иначе мы перестаем замечать зло. Мы смотрим фильмы, в которых люди избивают и умерщвляют друг друга. Мы читаем книги, где убийство считается забавной головоломкой, упражнением для нашего интеллекта. Но давай рассмотрим проблему зла и его восприятия поближе.

ЛАХ. Давай.

ГЕРМ. Где мы принимаем зло, а где уже нет? Миримся ли мы с тем фактом, что бактерии убивают друг друга?

ЛАХ. Ну конечно, ведь такова жизнь.

ГЕРМ. А можно ли убить мешающее тебе насекомое?

ЛАХ. Большинство людей убило бы такое насекомое не раздумывая.

ГЕРМ. Можно ли убивать животных для пропитания?

ЛАХ. Большинство людей сказал бы, что да.

ГЕРМ. А можно ли убивать животных для развлечения?

ЛАХ. Тут мнения начинают расходиться, но есть огромное число охотников и рыбаков, которые делают это всё время и любят подобное занятие.

ГЕРМ. А убивать врага на войне, можно ли это?

ЛАХ. Это всегда считалось делом достойным.

ГЕРМ. А убивать людей, когда нет войны?

ЛАХ. Это зависит от обстоятельств. Если ты убиваешь, чтобы защититься, то тебя могут оправдать.

ГЕРМ. А нападать самому и убивать?

ЛАХ. Тут большинство людей подведёт черту.

ГЕРМ. Ага, тут что-то в нас начинает включаться и наше мнение об убийстве меняется. Но что же изменилось? Подумай об этом. Один вирус убивает другой вирус. Одна птица убивает другую птицу. Одно животное убивает другое животное. Один солдат убивает другого солдата. Само действие, то есть само убийство, оно различно в каждом случае или точно такое же?

ЛЕХ. Само действие точно такое же.

ГЕРМ. Обстоятельства разные, но суть одна и та же: одно создание подвергает другое мучениям и лишает его жизни. Мы реагируем на подобное действие, когда оно касается либо нас самих, либо наших близких, но мы не реагируем на совершенно такое же действие, когда оно касается, например, других биологических видов, в особенности тех, которые малы по размерам. Но мучится ли раздавленный муравей меньше, чем раненный солдат? Рыба, пронзённая крючком, испытывает ли меньшие страдания, чем человек, заколотый ножом?

ЛАХ. Видимо, нет.

ГЕРМ. Но я не стану говорить о нашей реакции на зло. Я просто заявляю, что зло присуще этому миру и не может быть удалено из него. Человеческое общество всегда будет пропитано злом, и так было всегда, несмотря на все попытки мечтателей что-то изменить, потому что общество отражает так называемый естественный порядок вещей, который основан на насилии, на борьбе за существование. Мы можем поменять внешность общественного устройства, заменить одну форму насилия другой, но избавиться от зла – нет, это для нас невозможно.

ЛАХ. Солнце начинает колебаться, как бы раздумывая, повисеть ли ему ещё в зените или уже спускаться. Вон оно покачивается на вершине холма. Оно кажется таким неустойчивым, будто в любую минуту может покатиться вниз по склону. Как спокойно здесь! Трудно представить себе, какой ад был два дня назад. Но, в отличие от солнца, я побуду ещё на вершине. Давай присядем на этот поваленный каштан и поговорим ещё.

ГЕРМ. Хорошо.

ЛАХ. Этот каштан казался мне таким недостижимым, когда я был ребёнком. Он казался кисточкой, вымоченной в ультрамарине. Дед рассказывал мне, что эльфы прячут звёзды в кроне, чтобы они не выцвели на солнце. Часто я ждал ночи, надеясь увидеть этих самых эльфов, как они вынимают звёзды из кроны и развешивают их по небу. В те редкие ночи, когда мне удавалось не заснуть, звёзды появлялись внезапно. Эльфы действовали очень быстро.

ГЕРМ. Они, наверное, просто трясли дерево.

ЛАХ. Наверное. Как ужасно! Взгляни, восточная часть города вся в руинах. Колокольня тоже разрушена.

ГЕРМ. Мой близкий друг жил в ней раньше.

ЛАХ. Он тоже погиб?

ГЕРМ. Нет, он умер много лет назад, когда ты ещё не родился.

ЛАХ. Но давай, Гермоген, продолжим наш разговор. Я согласен с тобой, что зло есть неотъемлемая часть этого мира. Что дальше?

ГЕРМ. Откуда такой несовершенный мир появился? Он не вечен, потому что было время, когда этот мир не существовал. Есть два ответа: мир либо появился сам по себе, либо он был создан. Если предположить, что мир образовался сам по себе, то проблема зла становится проблемой восприятия. Мораль становится искусственной. Душа становится выдумкой. Всё – материя, все чувства и мысли подчинены материи. Если принять эту точку зрения, то нужно будет объяснить,

почему появился этот мир, как он появился и, самое важное, почему материя ожила. Если нет создателя, то всё управляется либо случаем и обстоятельством, либо непонятно как возникшими законами.

ЛАХ. Материалисты, конечно, знают, что возразить на это и как защитить свои убеждения.

ГЕРМ. Несомненно. И я не стал бы спорить с ними и принижать их религию. Человек всегда верит в лучшее в себе. Если ты сделался материалистом, Лахес, то нашему небольшому разговору самое время закончиться, ведь что бы я ни сказал в дальнейшем, это не будет представлять для тебя ни малейшего интереса.

ЛАХ. Я не думаю, что мир появился сам по себе.

ГЕРМ. Я тоже. Материализм удовлетворяет многих, но для меня он не имеет смысла. Я чётко вижу замысел в мировом устройстве. Этим устройством явно правит некий ум.

ЛАХ. Я тоже полагаю, что мир был создан.

ГЕРМ. Вне всякого сомнения. Не только наш мир, но и все другие. Я верю, что есть множество миров по всей Вселенной. Однако мы можем рассуждать лишь о нашем мире. Подозреваю, что те, другие миры, отличаются от нашего своим внешним обликом, но по сути все они одинаковы.

ЛАХ. Почему ты так полагаешь?

ГЕРМ. Потому что материя есть материя, а дух есть дух. Волга и Амазонка находятся далеко друг от друга, однако обе они – реки и ведут себя схожим образом. Точно так же наше солнце и миллиарды других все являются солнцами, как бы они ни отличались одно от другого по своему составу и положению в пространстве. Я даже осмелюсь утверждать, что вся материальная Вселенная – один и тот же мир. В нём множество пространств, множество форм. Даже законы физики и химии могут меняться в зависимости от места, но всё же это один мир, и, если мы считаем, что он был создан, у него должен быть один создатель.

ЛАХ. Почему?

ГЕРМ. Почему один, а не два и не больше, ты хочешь спросить? Разумеется, если бы у мира было два создателя, один плохой и один хороший, то это объяснило бы его несовершенство. Один создатель вмешивался бы в работу другого. Представь, что два горшечника лепят один и тот же кувшин, мешая друг другу. Что у них получится? Если так будет с простым кувшином, то что же сказать о бесконечно сложном мире? Более того, у многих создателей будут многие замыслы, противоречащие один другому, ведь даже два горшечника не могут слепить совершенно одинаковые кувшины. У каждого мастера свои привычки, свой стиль, если он действительно мастер, а не подражатель. Мир пребывает во зле, но он всё-таки существует как некая единая действующая структура, и не распадается на части. Следовательно, у него лишь один создатель. У этого создателя может быть множество помощников, созданных им же, но ум, управляющий миром, один.

ЛАХ. Согласен. У мира должен быть один создатель.

ГЕРМ. А кто он?

ЛАХ. Бог, конечно.

ГЕРМ. Бог...

ЛАХ. Да, Бог! Кто же ещё?

ГЕРМ. Давай подумаем об этом. Так много было сказано о Боге, что дух захватывает. Какая бесконечная тема! Я не хочу, чтобы мы с тобой заблудились

в этом великолепном словесном лесу. Сейчас я хотел бы поговорить лишь о трёх общепризнанных качествах Бога. Эти качества – любовь, знание и сила. Чем бы Бог ни являлся, давай сосредоточимся на этих трёх Его качествах, признаваемых, видимо, всеми верующими. Как ты считаешь, можно ли назвать Бога любящим?

ЛАХ. Да, безусловно.

ГЕРМ. И эта любовь включает в себя сострадание, заботу и защиту от вреда?

ЛАХ. Очевидно, что так.

ГЕРМ. Но откуда ты знаешь, что Бог любит?

ЛАХ. Во-первых, я верю в это, а со мной, думается, и все верующие люди. Во-вторых, я это чувствую инстинктивно. Конечно, я привёл не самое лучшее объяснение, но я чувствую, как лучшую мою часть, глубоко внутри меня, влечёт к Богу. Я не знаю Его, но я тоскую по Нему. Я, наверное, выражаюсь неясно.

ГЕРМ. Напротив, я понимаю тебя очень хорошо. У тебя есть и «в-третьих»?

ЛАХ. Да, есть. В-третьих, об этом говорит мне здравый смысл. Если Бог существует, то Он должен быть любящим, потому что без любви не было бы жизни. Ненависть не может порождать жизнь. Она лишь разрушает жизнь. Бог не может быть ненавидящим, потому что тогда не было бы мира. Более того, Бог не может быть одновременно ненавидящим и любящим, потому что в таком случае Он разрывался бы в самом себе, а это невозможно. Бог также не может быть безразличным, потому что тогда опять же не было бы мира. Тот, кто безразличен, не создаёт и не заботится о созданном. Следовательно, Бог может быть только любящим.

ГЕРМ. А эта любовь Бога, она выборочна? Я хочу спросить, Бог любит всё или Он какие-то вещи любит, а какие-то нет?

ЛАХ. Он любит все вещи, точно так же, как солнце светит на все вещи. Более того, если бы Бог не любил всё, то это означало бы, что существуют некие вещи, которые Он ненавидит или по отношению к которым Он безразличен. А это невозможно, как мы уже показали. Значит, безусловно, Бог любит всё равным образом. Только в этом случае любовь может быть названа беспримесной и воистину божественной!

ГЕРМ. А как насчёт знания? Бог знает всё или Он что-то знает, а чего-то не знает?

ЛАХ. Возможны три ответа. Бог либо ничего не знает, либо Он знает частично, либо Он знает всё. Первый ответ явно абсурден. Второй ответ опять-таки предполагает некий конфликт внутри Бога, конфликт между знанием и невежеством, что по сути своей не отличается от конфликта между любовью и ненавистью. Но Бог не может разрываться внутри Себя. Значит, лишь третий ответ имеет смысл, то есть, что Бог знает всё.

ГЕРМ. А как насчёт силы?

ЛАХ. Здесь рассуждение точно такое же. Бог либо совсем бессилен, либо силён отчасти, либо всемогущ. Естественно, Бог не может быть слабаком. Он не может быть и частично сильным, потому что тогда, во-первых, Он был бы слабым по отношению к некоторым вещам, а, во-вторых, в Нём присутствовал бы конфликт между силой и слабостью, а конфликт внутри Бога невозможен. Следовательно, Бог всемогущ.

ГЕРМ. Хорошо. Итак, мы выяснили, что Бог должен быть вселюбящим, всезнающим и всемогущим. Но следует ли это только из рассуждений? Или мы также чувствуем это?

ЛАХ. Что ты имеешь в виду?

ГЕРМ. Ведь должно же быть нечто в нас самих, говорящее нам, что Бог именно таков. Ответь, Лахес: существует одна любовь или больше, чем одна? Можно ли сказать, что есть две любви, или три любви, или шестьдесят любовей?

ЛАХ. Нет. Если кто-то любит, то он любит. Цвет любви, так сказать, может меняться, но суть её должна всегда оставаться той же.

ГЕРМ. Значит, мужчина, любящий свою жену, и другой мужчина, живущий на другом конце мира и, скажем, любящий свою мать, оба они любят одной и той же любовью?

ЛАХ. Да. У любви не может быть двух источников, ибо два источника дали бы две разные вещи.

ГЕРМ. А львица, любящая своих детёнышей? Отличается ли её любовь от любви упомянутых двух мужчин?

ЛАХ. Она отличается по своим проявлениям, но суть её, полагаю, всё та же.

ГЕРМ. А любовь Бога? Отличается ли она от любви этих трёх существ?

ЛАХ. Она должна быть одинаковой по своей сути.

ГЕРМ. Значит, именно это объединяет нас с Богом и даёт нам знание того, что Он любит: ведь мы чувствуем то же самое, что чувствует Бог. Это одна и та же любовь.

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. А знание? Есть одно знание, или двадцать знаний, или семьдесят?

ЛАХ. Есть разные виды знания, но по сути они все – знание.

ГЕРМ. Одно и то же?

ЛАХ. Да. Независимо от того, что мы выучиваем и знаем, всё это знание.

ГЕРМ. А знание, которым обладает Бог? Оно такое же, как твоё знание и знание, которым обладает какой-либо другой человек?

ЛАХ. Знание, которым обладает Бог, должно быть бесконечно более мощным и разнообразным, однако по сути своей это одно и то же знание.

ГЕРМ. Выходит, мы уже обладаем двумя качествами, присущими Богу – любовью и знанием. Какими бы малыми и тусклыми они ни являлись по сравнению с Божьими, они – такие же любовь и знание, что и у Него. Значит, фактически, это мост между нами и Богом?

ЛАХ. Я никогда не думал об этом так. Но да, это должно быть, как ты говоришь. Я начинаю чувствовать себя лучше.

ГЕРМ. А сила? Может ли любовь уничтожать?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. Значит, сила Бога – это любящая, а не разрушительная сила?

ЛАХ. Это любящая сила, ведь Бог является вселюбящим. В нём нет никакой разрушительности.

ГЕРМ. И это – та же самая сила, которая животворит и нас, и прочие создания?

ЛАХ. Должно быть, поскольку есть лишь один источник любящей силы.

ГЕРМ. Теперь скажи мне: мы все знаем, что хорошо и что плохо, не так ли?

ЛАХ. Хочется верить, что большинство людей это знает. Сумасшедшие могут не знать, но их ум повреждён. Некоторые редкие злодеи могут наслаждаться злом, но они мало чем отличаются от сумасшедших. Во всех иных случаях, я думаю, люди знают, что хорошо и что плохо. Они выискивают себе оправдания, когда совершают зло. Например, они могут говорить, что этот мир – дикий лес и что нужно быть готовым делать зло, если хочешь быть сильным, если хочешь выжить. Они также могут говорить, что зло всё равно будет

сделано, и будет лучше, если они сами его сделают и получают некую выгоду, чем если выгода эта достанется кому-то другому.

ГЕРМ. Большинство людей знает, что красть нехорошо?

ЛАХ. Думаю, что да, за исключением тех, кто вырос среди воров или ворует под давлением тяжёлых обстоятельств.

ГЕРМ. И большинство людей знает, что убивать нехорошо?

ЛАХ. Да, иначе они просто убивали бы, а не находили оправдание убийству.

ГЕРМ. Чем сильнее зло, тем более явным становится его несовместимость с чем-то внутри нас.

ЛАХ. Я что-то не совсем понимаю. Объясни, пожалуйста.

ГЕРМ. С радостью. Многие люди крадут мелкие вещи, не считая это чем-то особенно зазорным. Человек может украсть буханку хлеба, если он голоден, и не чувствовать по этому поводу никаких угрызений совести. Тот же самый человек может быть неспособным похитить большую сумму денег у своего соседа.

ЛАХ. Или всё равно стащит.

ГЕРМ. Или всё равно стащит, правильно. Многие люди крадут друг у друга и прекрасно себя оправдывают, как ты говоришь. Но тот, кто украл хлеб, сможет ли он с такой же лёгкостью изнасиловать и убить девушку?

ЛАХ. Думается, очень немногие вору смогут сделать нечто подобное.

ГЕРМ. А воровство – не такое зло, как изнасилование?

ЛАХ. Нет, зло одно и то же, но последнее намного интенсивнее первого и проявляется иначе.

ГЕРМ. Существует лишь одно добро, хотя проявления его различны. Таким же образом существует и одно зло. Его лики могут меняться, у него могут быть разные жертвы, оно может быть крохотным и едва заметным или же крупным и потрясающим умы, однако оно всегда – одно и то же зло. Если наша душа возмущается при виде изнасилования и убийства другого человека, то она, конечно же, возмутится и при виде раздавленного муравья или убийства любого другого существа, пусть даже самого крохотного. Именно это и происходит с теми душами, которые покидают материю и движутся к Богу. Подобно тому, как грязное зеркало может отражать лишь яркий огонь, и это отражение тускло, душа, погружённая в материю, может реагировать лишь на сильные раздражители. Крестьянка, отрубающая голову курице, не осознаёт того, что совершает убийство, а если и осознаёт, то легко находит ему оправдание. Та же самая женщина возмутится, если сказать ей, чтобы она отрубила голову какому-нибудь человеку, и придёт в полное бешенство, если ей прикажешь отрубить голову своему маленькому сыну. Во всех трёх случаях действие одно и то же: отрубание головы. Действие то же, но его проявление, его интенсивность другая. Чем тусклее душа, тем большее зло требуется, чтобы вызвать в ней сострадание. А чистое зеркало отражает даже малый проблеск света и наполняется образами, выступающими в совершенной ясности.

ЛАХ. Так оно и есть.

ГЕРМ. Значит, мы не реагируем на определённые виды зла не потому, что не можем, а потому, что мы недостаточно чисты.

ЛАХ. Да, зло действительно вызывает возмущение, если наше восприятие не замутнено.

ГЕРМ. Скажи мне: вода – текучее вещество, даже если некий сосуд не даёт ей течь?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. А свет – сияющее вещество, даже если некое ограждение мешает ему сиять?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. И, повторим, если есть одно зло, то должно быть и одно добро? Ты согласен?

ЛАХ. Да, конечно. Подобно злу, добро имеет разные проявления, но суть его одна и та же.

ГЕРМ. Если мы возмущаемся при виде зла, то мы подобным образом радуемся при виде добра?

ЛАХ. Конечно, мы не безразличны к нему. Мы чувствуем радость.

ГЕРМ. А эта радость при виде добра, она не радость ли созерцания чего-то, приходящего от Бога? Не радость ли это моряка, замечающего очертания своего родного острова?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. Что это, у тебя слёзы на глазах, Лахес?

ЛАХ. Нет, это пыль. Ветер очень сильный.

ГЕРМ. Тогда я продолжу. Мы установили, что есть, по крайней мере, три качества, которые мы разделяем с Богом: любовь, знание и любящая сила. Мы также сказали, что мы в состоянии видеть разницу между добром и злом, что мы питаем отвращение ко злу и приходим в радость при виде добра.

ЛАХ. Да, если только наше восприятие не замутнено воспитанием или чрезвычайными обстоятельствами. Впрочем, ни воспитание, ни обстоятельства, какими бы они ни были, не меняют нашей сути, естественным образом стремящейся к добру, так же как вода естественным образом течёт, а свет по природе своей сияет.

ГЕРМ. Прекрасно сказано, Лахес! Другими словами, в нас есть нечто, принадлежащее Богу?

ЛАХ. Должно быть, так.

ГЕРМ. А если оно принадлежит Богу, то оно и есть Бог?

ЛАХ. В некотором смысле. Мой дом принадлежит мне и в некотором смысле он – это я. Мои рукописи даже больше я, чем мой дом. А уж связь между нашим существом и Богом должна быть ещё крепче.

ГЕРМ. Итак, мы можем сказать, что в нас есть нечто, что является Богом.

ЛАХ. Думаю, мы можем так сказать.

ГЕРМ. И это нечто обладает качествами и пониманием, присущими Богу?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. Оно обладает ими полностью, ведь Бог не может быть меньшим или большим во всём, чем Он является?

ЛАХ. В таком случае в нас должно быть нечто, являющееся тем, чем является Бог.

ГЕРМ. И души осознают Бога в самих себе в большей или меньшей степени, в зависимости от собственной чистоты?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. Чем светлее душа, тем яснее видит она Бога в самой себе и тем легче движется она к добру. Таким же образом, чем тусклее душа, тем меньше видит она Бога в самой себе и тем больше тонет она в невежестве и зле.

ЛАХ. Вряд ли можно выразить это лучше.

ГЕРМ. А как насчёт жизни? Существует одна жизнь или несколько?

ЛАХ. Жизнь тоже лишь одна.

ГЕРМ. Значит, одна и та же сила оживотворяет все живые существа?

ЛАХ. Разумеется.

ГЕРМ. А эта сила исходит тоже от Бога или из какого-то другого места?

ЛАХ. Она тоже должна исходить от Бога, ведь Бог воистину жив. Он не может быть мёртвым или отчасти живым. Существует лишь один источник жизни, и жизнь всего лишь одна.

ГЕРМ. Ясно, что в нас есть нечто, что оживотворяет нас и исходит от Бога. Оно должно приходить от Бога, потому что Бог – источник жизни. Оно также обладает любовью, знанием и силой Бога. Когда наша душа достигает определённой степени развития, она начинает видеть проблеск этого внутреннего света, эту божественную искру в себе самой. И чем яснее видит она эту искру, тем более резким и неприятным становится её несхожесть с миром.

As a golden coin
dropped from a prince's purse
when he crossed the bridge
stretched from sun to sun,
lies on the river's bottom,
covered with shifting slime,
changing green dirt to emerald
and the lead of carp to light,

as a golden arrow
released from a noble bow
into a rainy wood
shaken with the howls of wolves,
shines deep in the pine's bark
and makes all the pines gleam in the dark,
and sings when the sun rises,
and longs to be taken back,

so there lies a coin of gold
in the soul's dark pond,
and in the soul's dark wood
there is an arrow of light
that calls the soul up
from its lonely night,

a beacon for the bark
struggling through the howling foam,
a compass in the hand
pushing through the dark wood,
light that never lies,
light that knows all
between the earth and skies
locked around the soul.

ЛАХ. Что это?

ГЕРМ. Стихотворение. Я написал его когда-то давно.

ЛАХ. Я не знал, что ты пишешь стихи.

ГЕРМ. Я делал это раньше, время от времени. Но всё это в прошлом. Итак, эта искра, этот божественный свет в нас, является для души неким ориентиром, удерживающим её от блужданий во тьме зла и невежества. Эта искра как яркая метка, по которой пристреливаешь оружие, как постоянный чистый звук, по которому настраиваешь музыкальный инструмент. Эта искра обладает божественной любовью. Она обладает божественным знанием, божественной силой. Она любит всё, она знает всё и она может всё. Она – свет, ведущий душу к Богу. Приблизиться к этой искре, очистить душу от грязной примеси материи, быть в состоянии всё лучше и лучше отражать свет этой искры – таким вот образом душа движется к Богу сквозь тёмный лес, в котором она теперь блуждает, ослеплённая тенями и напуганная воем хищников.

ЛАХ. Эта искра действительно имеет огромную ценность.

ГЕРМ. Она, Лахес, бесценна. А для души она – сам Бог.

ЛАХ. Кажется, солнце наконец-то собралось с духом и покатилося вниз.

ГЕРМ. Ничего необычного.

ЛАХ. Да, но я часто надеюсь, что солнце поползёт в другую сторону, по направлению к утру.

ГЕРМ. Зачем?

ЛАХ. Потому что, когда оно понюхает взбитые земляничные сливки неба и отведаёт сладкой росы, то оно может захотеть остаться там. Но, к сожалению, солнце всегда катится вниз.

ГЕРМ. Утро, которое никогда не кончается, оно здесь, внутри тебя, если только ты можешь его видеть.

ЛАХ. Гермоген, ты сказал, что этот мир полон зла, жестокости и насилия, и я согласился с тобой. Но взгляни на это солнце, какое оно ясное! Взгляни на эти холмы, окружающие опустошённый город! Я не могу даже описать словами их цвет. Это смесь золотого, лазурного и зелёного. Великолепно! Не может быть, чтобы мир был таким плохим, как ты говоришь. Существуют ведь кристально чистые реки, бурлящие воздушной ртутью, и антилопы, грациозно и стремительно скачущие по равнине, и захватывающее дух обилие созданного мира, прекрасные тела мужчин и женщин, радуги на крыльях насекомых, стайки рыб, поворачивающихся внезапно, все вместе, сверкая мгновенной серебряной стеной, которая разламывается на неисчислимое множество белых солнц. Я взбирался на этот холм уже столько раз, но я всё же помню каждый закат, виденный мною. Свет становится слегка фиолетовым там, где воздух плотнее, и светлеет, как ломтик янтаря, отполированный губами ветра. Свет пронизывает всё. Ты ведь не будешь отрицать, что природа, несмотря на всю свою жестокость, весьма красива. Как же ты можешь смотреть на чарующий закат или на радугу и не восхищаться ими?

ГЕРМ. Мир прекрасен не сам по себе, но благодаря тебе.

ЛАХ. О чём ты говоришь?

ГЕРМ. Ты делаешь мир прекрасным той красотой, которая находится в тебе. Сам по себе мир вовсе не таков. В нём нет красоты, не созданной прекрасным созерцателем. Восхваленная тобою радуга есть солнечный свет, преломлённый паром, поднявшимся в небо. Антилоп, скачущих по равнине, красота совсем не интересует. Они не воспринимают себя самих как нечто прекрасное. Им нужно скакать, чтобы выжить. Естественный мир прагматичен. Ты восхищаешься этой прагматичностью и называешь её красотой. Более того, твой ум должен быть в определённой ситуации, чтобы воспринимать вещи как нечто прекрасное. Давай возьмём в качестве примера женщину. Конечно, она гораздо больше, чем её

тело, и в ней всегда будет то неизменное и вечное, что находится в гармонии с твоей душой, и всё же немногие влюблённые станут искренне утверждать, что им безразлично, как их возлюбленные выглядят. Поэтому давай поговорим о теле. Когда ты смотришь на обнажённую женщину, молодую и хорошо сложенную, ты, конечно же, считаешь её красивой, не правда ли?

ЛАХ. Ну да...

ГЕРМ. Это происходит потому, что ты берёшь у неё определённые вещи, которые соответствуют прекрасному в тебе самом, и отмечаешь другие, которые ему не соответствуют.

ЛАХ. Объясни. Я не понимаю.

ГЕРМ. Когда ты смотришь на эту женщину, ты видишь только очертания её груди и бёдер, свет в её глазах, приятные формы её коленей и так далее. Но ты не думаешь о её кишечнике и его содержимом, ты не думаешь ни о желчи, которую вырабатывает её печень, ни о слизи в её носу, ни о воске в её ушах, ни о колониях бактерий, живущих у неё во рту.

ЛАХ. Гермоген, что за мерзость! Зачем мне думать о подобных вещах?

ГЕРМ. Правильно. Зачем? Ты только думаешь о тех вещах, которые тебе приятны. Извини за натурализм, но представь, что эту женщину вскрыли у тебя на глазах и ты видишь её внутренности, её кровь и кости. Ты всё ещё будешь находить её красивой? Но ведь это та же самая кровь, те же самые внутренности, та же кожа, те же волосы, только их расположение поменялось и некоторые скрытые вещи были тебе явлены.

ЛАХ. Нет, подобное зрелище не доставит мне никакого удовольствия. Есть, впрочем, больные люди, которые найдут всё это красивым.

ГЕРМ. Мы говорим не о болезни, а о так называемом нормальном восприятии. Когда порядок вещей перестраивается, когда скрытое обнажается, ты перестаёшь воспринимать красоту. Я могу даже сказать, что чем больше женщины ты увидишь, тем менее красивой она тебе представится. Если даже не вскрывать её, а просто увеличить, чтобы ты заметил каждый волосок на её коже, каждую пору, наполненную потом, щетинку у неё под мышками, то ты всё ещё будешь считать её красивой?

ЛАХ. Нет. Спасибо тебе, Гермоген. Теперь я и не взгляну на женщин.

ГЕРМ. Взглянешь, взглянешь. Когда женщина стареет и больше не соответствует твоему понятию о прекрасном, она перестаёт казаться тебе красивой. Она точно выступает за круг света, струящегося из твоих глаз.

ЛАХ. Если ты любишь женщину, то она всегда будет красивой для тебя.

ГЕРМ. Другими словами, твоя привычка станет её красотой. А что если эта женщина умрёт? Ты всё ещё будешь желать её бездыханную, разлагающуюся плоть?

ЛАХ. Если только я совершенно сойду с ума.

ГЕРМ. Но что изменилось? Материя та же самая, лишь форма у неё другая, и вот она уже вызывает у тебя другую реакцию. Представь, что на широкой тарелке для тебя принесли еду, разложенную по порядку. Какой приятной она тебе кажется! А теперь представь, что ту же самую еду всю перемешали в одну склизкую массу, что, впрочем, и происходит у тебя в желудке. Будет ли такое блюдо вызывать аппетит?

ЛАХ. Нет, эта еда будет казаться мерзкой, как рвота.

ГЕРМ. Но ведь материя та же самая, ничего не было ни добавлено, ни удалено.

ЛАХ. Был изменён порядок.

ГЕРМ. Да, порядок, который твоя душа больше не находит прекрасным. Но вернёмся к предыдущему примеру. Если мы даже и не займёмся вскрытием и умерщвлением и оставим бедную женщину в живых, всё равно будут некие позы, принимаемые её телом, которые ты находишь привлекательными, и другие, вызывающие менее приятные эмоции. Соответственно твоя увлечённость будет усиливаться или ослабевать вместе с соответствием того, что ты видишь, с прекрасным в тебе самом. Если она плачет, например, и её лицо покраснело и распухло, то она может казаться тебе уже не такой желанной. Не по этой ли причине многие женщины не любят, когда мужчина видит их непричёсанными, ненакрашенными и плохо одетыми? Они понимают, что иллюзия очарования может легко исчезнуть, если её не поддерживать.

ЛАХ. Моя жена была такая. Её бесконечная возня перед зеркалом сводила меня с ума.

ГЕРМ. Когда я был ребёнком, я был влюблён в светловолосую девочку по имени Анжела. Эта страсть длилась долго, целых три недели. Я не мог спать. Я даже пропустил пару завтраков, что сделало меня героем в собственных глазах. Я бежал сломя голову в школу, жаждая видеть Анжелу. Там я стоял, глазел на неё и вздыхал. Затем, однажды утром, она была чем-то сильно расстроена. Должно быть, сделала что-то и родители поругали её. Она сидела на ступеньке, согнув колени, упиравшись в них подбородком, и всхлипывала. Я взглянул на неё и вдруг перестал что-либо чувствовать по отношению к ней. Вдруг я заметил её трусы. В тот день на ней была короткая юбка. Трусы были белые, и на них я увидел мокрое пятнышко. Вот и всё. Моя любовь испарилась моментально. Анжела была таким же созданием, как и раньше, и на следующий день она вновь сияла, а потом выросла и превратилась в очень привлекательную женщину, и вышла замуж за толстого зеленщика, однако я никакой любви к ней никогда уже не чувствовал. А чувствовал я безразличие с оттенком брезгливости. Так что же изменилось? Я сам, конечно. Один образ во мне был заменён другим, и красота перестала быть красотой.

ЛАХ. Это напомнило мне о Гипатии, как она излечила одного из своих студентов, который начал добиваться её, показав ему платок со своей менструальной кровью. Молодой человек протрезвел в один миг.

ГЕРМ. Даже если ничего такого не происходит, но ты сам пребываешь в дурном настроении, то и объект твоих желаний становится хуже.

ЛАХ. Да, такое бывает.

ГЕРМ. А твои друзья? Они вполне могут не находить твою любимую женщину такой же привлекательной, какой её считаешь ты. Подобным же образом, их женщины могут не вызывать в тебе никаких чувств. Красота есть восприятие, восприятие очертаний, и она меняется вместе с ними или теми условиями, при которых эти очертания тебе являются. Не секрет, что здоровый и счастливый добряк видит мир гораздо более красивым, чем озлобленный и больной мизантроп. Они оба могут жить в одном и том же городе, но, в общем-то, живут в разных городах. Ты берёшь от мира то, что находит в тебе отклик, и не обращаешь внимания на всё остальное. Если оставить естественный мир и поговорить об искусстве, то мы увидим огромный разноречивый во мнениях о том, что считать прекрасным, а что нет. Определённые эпохи, благодаря общим привычкам, находят красивыми определённые вещи, которые последующие поколения считают безобразными. Толпы людей считают современное нам искусство прекрасным. Я нахожу его по большей части отвратительным. Кто прав? Никто. Когда я слушаю современную музыку, она напоминает мне крики

истязаемого животного, однако для человека, сидящего рядом со мной, эта музыка может быть духовным откровением. Я помню, как одна девочка в Лувре, в заполненном людьми зале с «Моной Лизой», спрашивала свою мать, что такого особенного в этой картине. Девочке она совсем не казалась такой уж примечательной. Она ещё не была научена восторгаться «Моной Лизой».

ЛАХ. Это всё понятно. Тем не менее, есть некие общие вещи, которые можно сказать о восприятии красоты. Большинство людей найдёт величественный закат красивым, а гниющий труп лошади, лежащий у дороги, безобразным.

ГЕРМ. Это происходит оттого, что у всех нас внутри одинаковые искры, в то время как наше восприятие меняется в зависимости от степени доступа души к своей искре. Мы ищем одну и ту же красоту в разных вещах. Одной и той же красоты жаждем мы и в «Страстях» Баха, и на небрежном холсте абстракциониста. Одну и ту же красоту искал Бодлер в своей гниющей кляче. Чем больше мы погружены в материю, тем меньше красоты мы постигаем.

Представим себе крестьянина, проводящего все свои дни копаясь в земле, который не думает ни о чём, кроме своего картофеля и своих коров (заметь, что я ничуть не презираю его за это). Если его выпустить побродить по Лувру, то он не будет в состоянии воспринять творения мастеров в той же степени, в какой это сделает человек образованный. Этот сын земли, наверное, заметит, что картины большие и цветные, он даже сможет заинтересоваться некоторыми сюжетами, но не более того. Большая часть искусства будет просто для него отсутствовать. Есть фермеры, которые живут в невообразимо прекрасных местах и едва ли обращают на них внимание. Молочница утром слишком занята, чтобы постоять и повосхищаться восходом. Небу надо произвести нечто совсем уже выдающееся, чтобы она остановилась с ведром в руке. А рядом путешественник, прошедший ночь на ферме, стоит очарованный, впитывая тот же самый восход влажными от слёз глазами. Я часто стоял и смотрел на радугу. Я бывал усталым, у меня болела шея, однако я не мог отвести глаз от многослойного великолепия, распластанного по небу. В то же самое время вокруг меня спешили куда-то люди. Лишь немногие из них замедляли шаг и окидывали радугу небрежным взором. Чем мы отличались друг от друга? Мы все были людьми, в одном и том же месте. Однако на моём небе была радуга, а их небо даже не существовало. Их занимали другие, более важные вещи.

ЛАХ. Они были слишком заняты, чтобы остановиться и посмотреть.

ГЕРМ. Я тоже был занят, однако я остановился и посмотрел. А взять более спокойную ситуацию, например, тихое побережье ранним утром. Вода гладкая, душистая. Величественный диск поднимается от горизонта, и толстые пучки лучей, ещё не развязанных и не разбросанных в разные стороны, прорезают мутно-фиолетовые облака. Небеса напоминают аккорд, взятый на торжественном инструменте и удерживаемый ветерком. Я люблю рассветы, конечно, а этот воистину превосходен. Я забываю обо всём на свете и смотрю. Передо мной старик, пришедший порыбачить, один из тех людей, которые развлекаются, убивая живых тварей. Он даже не смотрит на небо, ни разу! Он полностью поглощён своей удочкой. Подумай только, Лахес. Этот человек находит удочку более заслуживающей своего внимания, чем прекраснейший восход солнца! Я вовсе не считаю его за это ниже меня. Никоим образом. Я просто говорю о том, как сильно меняется восприятие в зависимости от состояния нашей души. Что красиво для тебя, может не быть таковым для других. Что восхищает тебя, для кого-то не стоит одного-единственного взгляда. Здесь можно упомянуть птиц и животных. Чайка выискивает гнилую

рыбу в песке. Для этой птицы гнилая рыба более важна, чем восход солнца, каким бы великолепным он ни был. Ты можешь расплескать все цвета по всему небу, ты можешь вывернуть облака наизнанку и залить горизонт их перламутром, а чайка будет видеть гнилую рыбу и ничего более.

ЛАХ. Потому что рассветами не прокормишься.

ГЕРМ. Эта птица умерла бы, если бы задержалась на минутку или две? Нет, к выживанию это не имеет отношения. Птица просто не способна воспринимать красоту. Её душа всё ещё опутана инстинктами. Она всё ещё спит и не соприкасается плотно с искрой.

ЛАХ. А что, и в птице есть искра?

ГЕРМ. Конечно. Она есть во всём, что живёт.

ЛАХ. Даже в муравье?

ГЕРМ. Даже в муравье.

ЛАХ. И в каждой бактерии? Где же она там поместится?

ГЕРМ. Искра не материальна, у неё нет размеров. Всё живое оживотворено. Как точно работает этот дивный механизм, я не знаю. Но давай вернёмся на наше побережье. Как часто ты видел, что собака стоит и восхищается рассветом?

ЛАХ. Никогда.

ГЕРМ. Вот её хозяин, он может стоять с раскрытым ртом и с глазами, из которых сочится мысль. Собака же в это время вынюхивает мочу других собак. Для неё нет красоты в мире, потому что её душа ещё не создала эту красоту. Красота приходит изнутри нас, а не извне. Многие поэты во множестве строчек воспели красоту природы. Было бы правильнее провести это время, воспевая красоту их собственного восприятия. Любая душа всегда подталкивается вперёд, прищипывается, так сказать, своей искрой, пока, в течение многих жизней, не научается ощущать её присутствие. Наши глаза увлекают внимание души вовне, к вёртким сгусткам материи, которые и есть этот мир. Подобно человеку, смотрящему в кофейную гущу и находящему в ней образы, которые на самом деле возникают в нём самом, душа всматривается в материальный мир и наделяет различные очертания, видимые ею, тем смыслом и той красотой, которые приходят изнутри неё, от искры, дающей ей жизнь. Однажды я видел облако с такими странными очертаниями, что оно было точь-в-точь неким вдохновенным лицом, с улыбкой на устах, запрокинутым к полуденному солнцу. Это облако было совершенным портретом поэта или мистика. Облака часто напоминают животных или чудовищ, но это было почти жутким по своей чёткости, художественности. Лицо просуществовало всего несколько мгновений, а потом рассеялось по лазури. Так что же, было ли лицо поэта в небе? Конечно, нет. Оно было создано мною. Облако стало просто-напросто некоей точкой отсчёта, счастливым расположением пара, который и вызвал во мне реакцию. Я видел и ветвь пальмы, так согнутую ветром, что на ней появились очертания демонического профиля, как будто на ветвь была повешена зелёная маска. Это лицо просуществовало дольше, чем облачный поэт, но через несколько дней положение ветви изменилось и демон исчез. Ты тоже, наверное, видел очертания и фигуры в облаках, в небе, в разводах на осыпающемся потолке. В такое время твоя душа, охваченная счастьем оттого, что она видит внезапные сосуды, готовые наполниться её восприятием, наливает в них собственные образы. А как часто ты звал других людей, чтобы они тоже посмотрели на это странное животное, на это чудовище, на эту удивительную птицу, другие же иногда видели всё это, а иногда нет? Красота

материального мира – это на самом деле красота искры, находящейся в тебе, красота, спроецированная вовне, покрывающая материальные вещи лаком духа. Чем более развита душа, чем теснее её связь с искрой, тем больше красоты видит она во внешнем мире. Такая душа смотрит на свет, преломлённый в небе, и видит радугу. Она смотрит на пыльные камни, покрытые птичьим помётом, и видит величественные утёсы, вздымающие головы над осатаневшими волнами. Мы проецируем красоту в этот жестокий и суетный мир. Это мы видим царственный пурпур там, где свет преломлен воздухом, это мы видим крылатых зверей в комках пара, несущихся по небу, и Тициана в разводах красок, размазанных по холсту. Мы создаём красоту, Лахес. Если она есть в тебе, то она есть и вне тебя. Чем больше её в твоей душе, тем больше ты видишь её в мире. Сам по себе этот мир вовсе не прекрасен. Вспомни Ариостова Роланда, как ведьма Альчина застилала ему глаза его же внутренней красотой, представляясь ему юной, обольстительной, свежей, млеющей в его исступлённых объятиях, а потом, когда рыцарь надел волшебное кольцо знания, разгоняющее чары, он с ужасом и омерзением увидел истинную Альчину – дряхлую карлицу с выпавшими зубами и обвисшей кожей. Я могу сказать, что этот поиск прекрасного, это сотворение прекрасного происходит намеренно и ведётся душой по естественному побуждению искры, чтобы душа, насыщенная как бы внешней красотой и желая углубить своё восприятие, в конце концов направила свой взор вовнутрь, к единственному источнику, из которого исходит красота. Изобразительное искусство облегчает нам задачу, намеренно создавая формы и линии, которые вызывают реакцию в наших душах. Искусство создаётся теми, кто знает, куда смотреть и что брать из внешнего мира, чтобы создать некий волшебный код, пробуждающий души других людей. Таким образом, произведение искусства, будь то картина, или музыка, или танец, является, так сказать, окном, в которое вставлено не стекло, но зеркало. Чем чище зеркало, тем чётче отражается в нём твоя душа и тем лучше ты видишь то внутреннее солнце, которое освещает мрак материи и делает любое отражение возможным. Вот поэтому-то одно и то же произведение искусства может быть понято по-разному, ведь понимается вовсе не искусство, но разные души познают сами себя. Ты вглядываешься в холст и находишь слои значений не в нём, а в себе самом, углубляясь бесконечно, непрерывно. Только ближе к поверхности эти значения находятся в согласии с намерениями автора. Что касается других значений, вкладываемых в его творение, о них автор может и не подозревать.

ЛАХ. А потом, на самой глубокой глубине, все значения опять сходятся в одно, ведь так?

ГЕРМ. Истинно так, Лахес.

ЛАХ. Значит, красота природы и красота искусства – одна и та же красота?

ГЕРМ. Да. И то, и другое – красота постигающей души. Однако в искусстве, в отличие от природы, эта красота очищена, освобождена от всего ненужного. Природная красота более непосредственна, потому что она более осязаема. У этой красоты есть движение, объём, запах, звук. Волны режут, леса шелестят, цветы источают аромат, бабочки как бы взрываются в воздухе фейерверками пыльцы. Природа физически взаимодействует с тобой, тогда как искусство обычно воспринимается без такого взаимодействия. Водопад обрызгивает и освежает твоё лицо. Ты можешь прыгнуть в сияющее озеро, и плавать в нём, и чувствовать водопад всем телом. Нельзя сделать то же самое с водопадом, который написан красками. Это может сделать лишь твоя душа. Искусство требует некоей утончённости восприятия, способности отстраниться от

осязаемого или, скорее, использовать осязаемое для достижения абстрактного. Как только эта утонченность достигнута, искусство начинает помогать душе всматриваться вовнутрь, в её искру. Я даже скажу, что развитый человек, понимающий искусство, утрачивает то прямое, непосредственное восприятие природы, которым обладают люди менее развитые. Он начинает воспринимать природу как искусство. Он рассматривает виды как пейзажи, он слушает пение птиц и отмечает в нём тональности и интервалы. Даже ветер, воющий в дымовой трубе, воет гармоническими рядами. Природа – это лишь очертания, которыми пользуется душа для своих целей, чтобы проецировать на них своё содержание и быть в состоянии видеть его. А затем в этих очертаниях отпадает необходимость, потому что душа запоминает их, впитывает их в себя. Называть природу прекрасной – это всё равно что называть луну золотой. Луна не золотая, но серо-свинцовая и безжизненная, а всё золото приходит от солнца. Подобным же образом вся красота природы на самом деле приходит из души, животворимой и возбуждаемой духом, который я, а теперь и ты, называем искрой. Даже моральные качества, такие как доброта, утонченность, благородство и милосердие, не принадлежат этому миру, но проецируются в него добрыми, утонченными, благородными и милосердными душами. Представь, что множество ламп бросает один и тот же свет на серую стену, и она кажется золотой. Без этого света стена будет серой и лишённой всякой красоты.

ЛАХ. Значит, любовь, жизнь и красота – все они исходят от искры, находящейся в нашей душе, а во внешнем мире их вовсе нет?

ГЕРМ. Именно так. Ты видишь сам, что мир весьма противоположен тому, чем является искра. Где у искры любовь, у мира ненависть, где у искры доброта, у мира жестокость, где у неё красота, у него немыслящая материя. Дух находится в постоянном конфликте с материей. Дух не у себя дома в этом мире. Как массивное здание, материальный мир высится над искрой, украшенный ею и давящий её своим весом. Сам по себе этот мир есть бесчисленные сгустки материи, вращающиеся с огромной скоростью. Вся красота, видимая нами в этом мире, приходит из нас самих.

ЛАХ. А из чего, собственно, состоит материальный мир?

ГЕРМ. Он состоит из материи.

ЛАХ. А что такое материя?

ГЕРМ. Я не знаю точно. Могу сказать лишь то, во что я верю.

ЛАХ. Скажи.

ГЕРМ. Я верю, что материя – это своего рода паста, образованная из сгущённого духа.

ЛАХ. Сгущённого духа? Разве такое возможно?

ГЕРМ. Да, если вибрации духа замедлить. Строго говоря, материи вообще не существует. Всё есть дух. Когда понижаются его вибрации, то начинаешь воспринимать дух как некое осязаемое, более грубое вещество. Однако эти сгущённые частицы окружены пустотой, и в самих частицах много пустоты. Чем глубже всматриваешься в них, тем больше видишь пустоты, и граница между материей и духом становится весьма размытой. Материя – это как пенка на молоке. Пенка сдерживает молоко и не даёт ему плескаться свободно, но и пенка, и молоко есть одно и то же вещество. Различие состоит в его плотности. Или представь себе садовую ограду, окружающую деревья и не позволяющую им расти во всех направлениях, а ограда сделана из тех же самых деревьев, которые она сдерживает.

- ЛАХ. А как появилась материя?
- ГЕРМ. Я думаю, ей было дано временное существование неким очень мощным умом, умом, способным сгущать дух.
- ЛАХ. Умом Бога?
- ГЕРМ. Нет.
- ЛАХ. Нет?
- ГЕРМ. Бог не создавал материю.
- ЛАХ. Но если Бог не создавал материю, то тогда Он не создавал и мир?
- ГЕРМ. Правильно.
- ЛАХ. Я что-то не понимаю, Гермоген. Почему ты думаешь, что Бог не создавал мир?
- ГЕРМ. Потому что очевидность не подтверждает этого.
- ЛАХ. Не все ли религии называют Бога создателем?
- ГЕРМ. Ну, во-первых, не все религии. Во-вторых, те религии, которые это делают, имеют на то свои причины. Давай вернёмся к этому позже, а пока поговорим о создании мира.
- ЛАХ. Прекрасно. Объясни мне эту твою очевидность.
- ГЕРМ. Охотно. Мы согласились с тем, что материальный мир утопает во зле, жестокости, насилии?
- ЛАХ. Да, согласились.
- ГЕРМ. Мы сказали также, что в каждом живом существе есть искра?
- ЛАХ. Да.
- ГЕРМ. И эта искра даёт нечто совершенно противоположное насильственной природе мира?
- ЛАХ. Было сказано и это.
- ГЕРМ. И мы также заявили, что существует лишь один источник жизни и добра?
- ЛАХ. Да.
- ГЕРМ. И этим источником должен быть Бог?
- ЛАХ. Безусловно.
- ГЕРМ. Тогда из сказанного следует, что искра и мир не могут происходить из одного и того же источника, поскольку они противоположны друг другу. Если искра происходит от Бога, тогда мир от Него не происходит. Бог зол?
- ЛАХ. Нет, конечно нет!
- ГЕРМ. Может быть, Он зол отчасти?
- ЛАХ. Тогда это будет противоречить нашему представлению о божестве как о свете без тьмы, об Абсолюте, о всезнающем, вселюбящем совершенстве.
- ГЕРМ. Это также будет означать, что внутри Бога есть противоречие, при котором одна часть Его стремится к добру, а другая – ко злу, одна создаёт, а другая уничтожает созданное. Будет казаться, что такой Бог сомневается насчёт собственных намерений. Невозможно создавать и разрушать одну и ту же вещь в одно и то же время. Таким образом, чтобы создать мир, Богу нужно было бы подавить в себе стремление разрушить его, а если бы Он хотел разрушить его, то Ему нужно было бы побороть желание создать его. Ты можешь, Лаксес, представить себе такого беспокойного, противоречивого Бога?
- ЛАХ. Нет, не могу. Такому Богу я и молиться бы не стал.
- ГЕРМ. Есть такие боги в Индии, которые создают миры и уничтожают их в вихре своего танца, по причинам, ясным лишь им самим, если эти причины вообще существуют. Однако ни один из этих индийских богов не является Богом, так что давай вернёмся в наш родной мир. Бог, раздираемый внутренним

противоречием, не может быть совершенным. Он также не может быть ни всезнающим, потому что одна Его часть не знает другую, ни вселюбящим, потому что Он приносит страдание собственным созданиям, ни всеильным, потому что Его сила разделена и ослаблена внутренним разделением. Итак, что остаётся?

ЛАХ. Остаётся лишь то, во что я всегда и верил. Бог может быть лишь полностью добрым, всецелой любовью, всецелым светом, абсолютным совершенством, всезнающим милосердием.

ГЕРМ. Хорошо сказано, Лахес! А теперь поставь этот жестокий, злой мир, обманывающий наши чувства своей заёмной красотой, бок о бок с Богом, которого ты только что описал. Ты действительно полагаешь что первый произошёл от второго?

ЛАХ. Возможно, есть вещи, которые наш ум просто не в состоянии постичь. Ум слишком слаб и не может охватить божество с его намерениями.

ГЕРМ. Именно это некоторые священники и хотят, чтобы ты думал. Им нужно, чтобы ты верил слепо в то, что они говорят, и не задавал вопросов. Если ты открываешь рот, они обвиняют тебя в гордыне и угрожают вечным пламенем. Но скажи мне, Лахес: наделён ли Бог разумом?

ЛАХ. Что за вопрос! Конечно, наделён!

ГЕРМ. Не кипятись, но успокойся и послушай. Есть лишь один источник разума или больше одного?

ЛАХ. Ну, здесь дело обстоит так же, как с любовью и добром. Возможен лишь один источник разума, потому что разумные вещи одинаковы своим разумом, и, будучи одинаковыми, не могут происходить из двух или более источников.

ГЕРМ. А у тебя есть разум?

ЛАХ. Мне хочется так думать. Разумеется, он слаб и замутнён, однако...

ГЕРМ. Это всё-таки разум?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. Подобным же образом вода в чистейшем ручье и вода в застоявшемся пруде, поросшем водорослями – одна и та же вода?

ЛАХ. Да, это всё равно вода.

ГЕРМ. И она обладает одними и теми же качествами воды, независимо от своего местоположения и состояния?

ЛАХ. Обладает.

ГЕРМ. В таком случае ясный разум Бога и твой мутный разум обладают одними и теми же качествами разума?

ЛАХ. Ты прав.

ГЕРМ. Вода течёт, разум постигает. Ты можешь мутить воду сколько хочешь, но она всё равно будет течь. Ты можешь затуманивать разум сколько угодно, но он всё равно будет постигать.

ЛАХ. Да, будет.

ГЕРМ. Почему же ты считаешь, Лахес, что твой разум, который, несмотря на свою тусклость, всё-таки божественен, не в состоянии постичь божественное? Потому что некий священник, желающий твоего повиновения, сказал тебе это? Или потому что это написано каким-то другим священником много лет назад на пергаменте? Божественное в состоянии постичь божественное. Твой разум в состоянии постичь Бога, потому что твой разум и разум Бога – одно и то же. Та искра, которая в тебе находится, постигает Бога, потому что она сама – Бог. Чем

чище ты видишь эту искру, тем больше пропитывается твоя душа её пониманием.

ЛАХ. Может быть, я в состоянии постичь лишь малую часть Бога.

ГЕРМ. У Бога нет частей, нет малого и большого.

ЛАХ. Тогда продолжим наши рассуждения.

ГЕРМ. Мне нравится видеть тебя таким, а не угрюмым, как раньше.

ЛАХ. Ты говоришь о вещах, которые я раньше никогда не подвергал сомнению. Я сжился с ними, а теперь их выдёргивают у меня из-под ног, и я начинаю падать!

ГЕРМ. Это и в самом деле неудобно. Но не лучше ли лежать на земле в знании, чем стоять на ногах в невежестве?

ЛАХ. Лучше знать. Я предпочёл бы лежать, уткнувшись лицом в грязь, но знать, чем выситься до небес и быть дураком.

ГЕРМ. Ты быстро обнаружишь, что на твоём лице не грязь, но струи чистого и спокойного ручья. И ты поднимешься, освежённый разумением.

ЛАХ. Надеюсь, что так. Но ты говорил, что Бог и этот мир несовместимы.

ГЕРМ. Да, именно.

ЛАХ. Значит, если совершенный Бог не может создать несовершенный мир, то Он создал мир совершенным.

ГЕРМ. А дальше?

ЛАХ. А дальше этот совершенный мир как-то испортился.

ГЕРМ. Мир испортился?

ЛАХ. Какое же иное объяснение нам остаётся?

ГЕРМ. Если мы скажем, что мир не мог быть создан плохо, потому что его создатель, Бог, совершенен, а несовершенство не может произойти от совершенства, то, значит, как ты говоришь, мир каким-то образом испортился уже после своего создания. Правильно ли я повторил твою мысль?

ЛАХ. Да, это я и говорю.

ГЕРМ. А мир испортился сам по себе или кто-то его испортил?

ЛАХ. Этого я не могу знать.

ГЕРМ. Давай подумаем вместе. Если всеблагой Бог создал совершенно хороший мир, то такой мир есть совершенное отражение своего совершенно-могущественного создателя, и, таким образом, может испортиться сам по себе не больше, чем его создатель может испортиться сам по себе. Ты согласен?

ЛАХ. А что мне остаётся? Это логично. Я не думаю, что мир испортился сам по себе.

ГЕРМ. Тогда, значит, Бог испортил его?

ЛАХ. Мы уже говорили, что это невозможно. Вселюбящий Бог не смог бы это сделать.

ГЕРМ. Тогда остаётся лишь один вывод, что порча совершена кем-то другим.

ЛАХ. Да, видимо так.

ГЕРМ. А откуда же появился тот, кто испортил этот мир? Он не мог родиться из совершенно хорошего мира. Остаётся лишь два ответа: он пришёл либо от Бога, либо откуда-то ещё.

ЛАХ. Но как порча может прийти от Бога? Это означало бы, что Бог желал извратить своё собственное творение. Это не более возможно, чем поступок архитектора, который использовал бы плохой материал при постройке величественного храма специально, чтобы он разрушился.

ГЕРМ. И всё равно давай обсудим это первое объяснение, что порча каким-то образом пришла от Бога. Много было сказано об этом. Множество умных

людей напрягало свой интеллект, пытаюсь объяснить, как появилось зло. Возникло несколько остроумных теорий. Кто-то говорит, что зло пришло от Бога, сначала будучи почти незаметным, но становясь всё более интенсивным по мере своего отдаления от Него. Кто-то утверждает, что Бог позволил злу существовать, чтобы либо дать нам возможность иметь свободу воли и поклоняться Ему сознательно, либо подвергнуть своё творение испытанию на прочность, либо дать своему творению возможность развиваться и становиться всё более сильным благодаря сопротивлению враждебной силе. Есть ещё мыслители, заявляющие, что мы сами виноваты в существовании зла, потому что мы испортились и повернулись спиной к нашему создателю. Есть и такие, которые твердят, что зла вообще, как такового, не существует, что зло есть лишь состояние либо отдалённости от добра, либо неспособности воспринимать добро.

ЛАХ. Да, много есть всяких теорий.

ГЕРМ. И всё же ни одна из них не является полностью удовлетворительной, потому что все они упускают из виду один жизненно важный вопрос – почему Бог позволил этому произойти? Если Бог всеблаг, всезнающ и всемогущ, то у Него должно было быть достаточно знания, чтобы понять, что происходит, и достаточно силы, чтобы прекратить это.

ЛАХ. Я слышал, что Бог создал мир потому, что Его переполняла любовь, ищущая своего выражения.

ГЕРМ. Другими словами, Бог не мог сдерживать своих порывов?

ЛАХ. Ну, если так ставить вопрос...

ГЕРМ. Чрезмерная полнота не очень-то отличается от недостаточной полноты. И то, и другое – недостаток. Это как сосуд, который либо слишком мал для того, чтобы удержать свою жидкость, либо слишком велик для того, чтобы наполниться ею.

Если Бог совершенен,
то зачем Ему что-либо сотворять?

Любое действие подразумевает потребность,
но в чём может нуждаться совершенный Бог?
Чего Ему может не хватать?

Какого развития может жаждать Абсолют?

ЛАХ. Разделять радость бытия с другими существами.

ГЕРМ. Радость бытия? Радость, это уж точно! А, может, Богу стало одиноко и Он захотел развлечься?

ЛАХ. Ты опять шутишь?

ГЕРМ. Да, шучу. Мне лишь хочется сказать, что Бог, будучи совершенным, ни в чём не нуждается и не может испытывать потребности ни в каком действии. У Него уже есть всё, Он уже является всем. Но давай всё-таки допустим, что Бог испытал некое непреодолимое желание создать что-то, либо потому что Его переполняла любовь, либо по какой-либо другой, неведомой нам причине.

ЛАХ. Давай.

ГЕРМ. Поскольку Он всезнающ, то Он наверняка знал, сколько жестокости, сколько насилия, сколько уничтожения появится в результате Его творчества. Представь, что ты хочешь ребёнка, но каким-то образом знаешь, что он заболеет

страшной болезнью и умрёт в мучениях или что он вырастет и станет преступником, будет убивать людей, а потом его поймут и казнят или он будет гнить в какой-нибудь смердящей тюрьме много лет. Зная это, мог бы ты с чистой совестью допустить рождение такого ребёнка? Не лучше ли было бы ему совсем не родиться? Если бы ты знал, что сад, который ты собираешься создать, будет полностью уничтожен ураганом, будешь ли ты сажать этот сад? Если Бог не мог создать нечто, не подверженное злу, то это свидетельствовало бы о некоем недостатке в самом Боге, что невозможно, поскольку Бог не может иметь недостатков. Если же Бог создал мир, зная о том зле, которое родится в результате Его действия, а Он должен был это знать, будучи всезнающим, то это указывало бы на отсутствие в Нём сострадания. Какие бы ни были у Него причины, что бы там ни случилось, ясно одно: раньше не было ни зла, ни страдания, ни жестокости, ни несправедливости, а теперь, в результате действий Бога, есть зло, есть страдание, есть жестокость, есть несправедливость. Если Бог всезнающ и всеблаг, то Он должен был знать об этом и удержаться от созидания, ведь если зло есть составляющая мира, то, значит, Бог создал зло. Да. Это неизбежный вывод. Если Бог создал мир из ничего, то, значит, раньше не было и зла, но теперь, в результате создания мира, зло появилось. Таким образом, как я уже сказал, получается, что Бог – создатель и зла, ведь если бы Он оставался бездейственным, зла не было бы. Когда Бог создавал мир, понимал ли Он, что творит? Если нет, то, значит, Бог невежественен. Если да, то Он жесток.

ЛАХ. Но что если зло не безусловно? Что если оно появилось случайно?
 ГЕРМ. Всесильный создатель должен быть в состоянии предотвратить любые случайности и сам устанавливать, что необходимо, а что нет. Бог, если Он таков, каким мы Его себе представляем, ни в коем случае не мог бы создать мир. Представь, что Бог говорит нечто такое:

Видите того мужчину, заживо гниющего в темнице?
 Он не существовал раньше, а теперь существует,
 потому что Я создал его.

Видите ту корову, которую ведут на бойню,
 где стальной стержень вонзится ей в мозг,
 а потом с неё, ещё трепещущей, ещё живой, сдерут шкуру, а тело разрежут на куски?
 Эта корова не существовала раньше, но Я создал её.

Видите ту девушку, за которой гонятся бандиты?
 Они изнасилуют её, а потом убьют её,
 а потом их самих поймают и отрубят им головы.
 Ничего этого не случилось бы,
 но Я решил создать мир, и вот, всё это происходит!

Видите грешника, палимого вечным пламенем в Аду?
 Для него нет никакой надежды, нет спасения.
 Он будет гореть, он будет визжать от боли вечно.
 Я повернулся к нему спиной, потому что он повернулся спиной ко Мне.
 Этого человека вообще не было бы, он не страдал бы ни капли,
 но Я создал его, потому что Меня переполняла любовь,

и вот он жарится в неугасимом пламени!

Вы видите армии, собравшиеся на равнине?
 Видите, как они бросаются друг на друга?
 Что за крик, что за бойня! И трава, и река покраснели от крови!
 Ничего этого не было бы,
 но у Меня был творческий порыв, и вот оно происходит!

Посмотрите на всю боль, от которой страдали, которую причиняли во все века!
 Эта боль так плотна, что она чернеет, как огромный рот,
 жаждущий проглотить солнце и звёзды.
 Этой боли не было бы вовсе,
 однако Я был так полон любви, что не мог удержаться
 и создал мир, и вот эта боль существует, этот рот чернеет.

Ты может представить себе, чтобы Бог сказал такое?

ЛАХ. Нет! Конечно, нет! Такой Бог был бы ужасен и я никогда бы ему не молился!

ГЕРМ. В самом деле. И всё же есть люди, не находящие такого Бога ужасным.
 Так называемый гуманист Данте вообразил на вратах Ада слова, которые для
 меня более ужасны, чем вся его поэма:

*Guistizia mosse il mio alto fattore;
 Fecemi la divina podestate,
 La somma sapienza e l' primo amore.*

[Справедливость двигала моим древним создателем,
 я был создан могуществом божьим,
 высшей мудростью и первой любовью.]

ЛАХ. Я никогда не считал Данте гуманистом. Его «Комедия» мне отвратительна.

ГЕРМ. Для этого индивида идея значила больше, чем душа. Его поэтический дар делает его творение, достойное какого-нибудь средневекового садиста, ещё более мерзким. Но давай оставим Данте его поклонникам и вернёмся к Богу.

ЛАХ. С радостью.

ГЕРМ. Я повторю:

Если Бог в самом деле всеблаг, всемогущ и всезнающ,
 то Он не создал ничего,
 потому что никакое благо, проистекающее из созидания,
 не оправдывает его зла.

А если Бог должен был создать мир,
 то Он достаточно могуществен для того,
 чтобы сделать его свободным от зла.

Нет ничего невозможного

для того, кто наделён абсолютной силой.

ЛАХ. Может быть, Он хотел закалить нас, так сказать, в пламени зла, проверить, достойны ли мы?

ГЕРМ. Во-первых, моральная ценность такого намерения весьма сомнительна. Если у тебя есть маленький сын, пошлешь ли ты его жить в шайке бандитов, чтобы его там избивали, насиловали и унижали, потому что ты хочешь, чтобы твой сын закалился? Во-вторых, как же быть с теми, кто не окажется достойным? Если верить христианам, таких людей великое множество. Нужно ли отбросить их прочь, обречь на нескончаемые страдания, разобрать, толкнуть, как Данте поступает со своими грешниками, в пламя и кипящую смолу, а потом, вслед за Данте, пойти наслаждаться Раем в компании отцов церкви, святых, нескольких поэтов и прочих достойных людей, способных петь свои осанны, забывая о прочих душах, палимых неугасимым пламенем? Может ли всестрадающий Бог допустить такое? К тому же Он всезнающ и, следовательно, должен с самого начала знать, кто окажется достойным, а кто нет, без необходимости подвергать кого-либо таким мукам.

ЛАХ. Возможно, их обрекает на страдания не Бог, а они сами, потому что они не жили в согласии с Божьими предписаниями!

ГЕРМ. Это распространённая и тоже дырявая теория. Всезнающий Бог должен был знать, что эти люди не будут жить так, как Он предписал. Если Он всестрадающ, то Он мог бы спасти их от вечных мучений путём простого несоздания этих людей или же создав их таким образом, чтобы они жили согласно Его предписаниям. И даже если, по каким-либо причинам, эти люди всё-таки были созданы и, в результате своей жизни, обречены на неугасимое пламя, то где же тут милосердие Божье? Где Его сострадание? Я помню молодого католического священника, красноречивого и фанатичного, каких всегда много в церкви. Он стоял у входа в Нотр Дам и, указывая на вырезанные фигуры грешников, закованных в цепи и ведомых бесами в Ад, заявлял, что грешники на самом-то деле вели сами себя, поскольку Бог никоим образом не обрекал их ни на что. Они обрели сами себя, они сами во всём виноваты. Вот что ужасает меня, Лахес! Этот фанатизм, эта слепота, которой подвержены даже разумные люди! Они не осознают того, что говорят, во что верят. Представь, ты стоишь на берегу реки и видишь тонущего человека. Ты вполне можешь спасти его. Достаточно просто бросить ему верёвку, которая висит у тебя на плече. И всё-таки ты ничего подобного не делаешь, а стоишь и наблюдаешь, как тот мычит и задыхается. А если тебя спросят, почему ты не спасаешь этого беднягу, ты ответишь: «Я не имею ничего общего с тем, что происходит. Я ведь не толкал его в реку. Он упал туда сам. Он знал, где находится река, и он знал, что произойдёт, если он в неё свалится. Его, должно быть, сто раз предупреждали, чтобы он не ходил сюда. Вот и пусть тонет!» Смог бы ты сказать нечто подобное?

ЛАХ. Нет!

ГЕРМ. Ты, простой смертный, бросил бы верёвку и спас того человека?

ЛАХ. Вне всякого сомнения.

ГЕРМ. И ты допускаешь, что всемогущий, вселюбящий Бог будет стоять и смотреть на страдания своих собственных созданий, своих детей, и, будучи вполне способным спасти их, воздержится, однако, от спасения из-за каких-то Своих представлений о справедливости и наказании или же из-за обиды, вызванной тем, что эти создания презрели Его приказы?

ЛАХ. Нет, этого не может быть.

ГЕРМ. К тому же конечная жизнь человеческая не может произвести ничего, что заслуживало бы бесконечного наказания.

ЛАХ. Гермоген, твоя критика, вероятно, бессмысленна, потому что Ад вполне может оказаться людским измышлением.

ГЕРМ. Я уверен, что Ад, такой, каким его обычно описывают, выдуман. Однако сама идея Ада отражает, хоть и в искажённом виде, подлинное страдание душ в здешнем мире.

ЛАХ. Видимо, ты прав, и порча мира не могла быть вызвана Богом.

ГЕРМ. Наш мир несовместим с идеей всезнающего, всеблагого и все сильного создателя. Поэтому я повторяю: если Бог в самом деле таков, то Он не может быть создателем. Никакого зла не может произойти от добра. Несовершенное не может произойти от совершенного, тьма от света, разрушение от любви, скорбь от радости.

ЛАХ. Но, возможно, эта скорбь, эта радость, это разрушение, эта любовь являются человеческими категориями, изобретениями нашего ума, нашими иллюзиями?

ГЕРМ. Существуют религии и философии, утверждающие именно это. И в некотором смысле они правы, потому что этот мир в самом деле иллюзия. Он состоит преимущественно из пустоты, раскрашенной нашими душами.

ЛАХ. Да, я помню.

ГЕРМ. Однако такие идеи, на самом-то деле, не помогают решить проблему. Можно назвать любое зло мира иллюзией, и, как я уже сказал, в некотором смысле так оно и есть, но иллюзия эта весьма реальна для нас. Будешь ли ты чувствовать меньше сострадания к больному, лишь воображающему, что он болен, потому что его недуг не реален? Вызовет ли женщина, бредшая ночью по улице, напуганная до смерти какой-то тенью и едва не умершая от сердечного приступа, меньшую жалость, потому что это была всего лишь тень? Некоторые теософы утверждают, что вечные адские муки лишь кажутся страдальцам вечными, а на самом деле они длятся лишь несколько наших минут. Ну и что с того, что это несколько ваших минут? Для страдальца-то это вечность, он-то воспринимает время по-своему. Ему нет дела до того, сколько времени прошло на самом деле. Для него это самая что ни на есть вечность, и страдает он в вечности, а не в ваших минутах. Зло может быть иллюзией для Бога, но для нас-то это не так. Мы живём в настоящих муках, умираем настоящей смертью. Если в Боге действительно есть сострадание, то Он может и должен был предотвратить всё это.

ЛАХ. Итак, Бог не создатель?

ГЕРМ. Нет, Лахес. Не создатель.

ЛАХ. Но кто же тогда создал этот мир?

ГЕРМ. Как сухое не может произойти от влажного, как тьма не может произойти от света, так же зло не может произойти от добра. Мир был создан другой силой, могущественной, но объединяющей в себе добро и зло. Несовершенный мир есть отражение своего несовершенного создателя. Мир не был испорчен после своего создания, но возник уже испорченным и несовершенным, потому что его создатель несовершенен. Любое создание, Лахес, по определению несовершенно. Если бы оно было совершенным, то оно не было бы создано.

ЛАХ. Смотри, какая туча собирается вон там, над горой! Эх, не дошла бы она досюда! У меня нет зонтика, да и ты не одет для дождя.

ГЕРМ. Не беспокойся. Ветер дует в другую сторону.

ЛАХ. Какая она свинцовая, эта туча! Как металлическая корка, застывающая после плавки, дающая трещину то здесь, то там, обнажающая своё внутреннее пламя.

ГЕРМ. Да, в этих вспышках действительно есть какая-то угроза.

ЛАХ. У нас довольно времени до наступления сумерек. Я теперь ещё больше разволновался, чем когда пришёл сюда. Если Бог не является создателем, то был ли мир вообще создан?

ГЕРМ. Некоторые говорят, что мир и вправду никогда не был создан, а существовал вечно, однако это не может быть так.

ЛАХ. Почему?

ГЕРМ. Потому что всё в этом мире конечно, а конечные части не могут складываться в бесконечное целое.

ЛАХ. Да, формы конечны, но принцип может быть бесконечным.

ГЕРМ. Бог бесконечен?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. Существует одна бесконечность или более, чем одна?

ЛАХ. Есть лишь одна бесконечность.

ГЕРМ. Видишь ли, если Бог – не создатель, то и принцип, поддерживающий существование мира, не может быть бесконечным, поскольку нет иной бесконечности, кроме Божьей. Всё в этом мире конечно, и принцип творения тоже конечен.

ЛАХ. Но если Бог не создавал мир, то кто же сделал это?

ГЕРМ. Некто очень могущественный, но не Бог. Этот создатель наделён огромной силой, но он не всемогущ. Он даже наделён великим знанием, но он не всезнающ. В нём есть даже благо, но он не всеблаг. Он непокоен. Добро и зло перемешаны в его душе. Он не совершенен, потому что он творит.

ЛАХ. Но кто же он?

ГЕРМ. Древние называли его Демиургом, и я предлагаю называть его так же.

ЛАХ. Почему он не всемогущ?

ГЕРМ. Потому что тогда он имел бы власть над Богом, что невозможно. Лишь один Бог всемогущ, но Бог не творит. Если Демиург – не Бог и если он творит, то он не всемогущ.

ЛАХ. Почему же он не всезнающ?

ГЕРМ. Потому что тогда он знал бы Бога, а знать Бога – значит быть Богом. Если бы Демиург знал Бога, то у него не было бы нужды творить.

ЛАХ. Почему знать Бога – это быть Богом?

ГЕРМ. Потому что Бог неделим. У Бога нет частей. Нельзя знать Бога частично, а если ты знаешь Его полностью, то, значит, ты неотличим от Бога, ведь только Бог обладает полным знанием Самого Себя. Знание Бога таково: ты либо знаешь Его, либо нет. Это как беременность. Женщина не может быть частично беременной. Она либо беременна, либо нет.

ЛАХ. Но, Гермоден, ведь есть же люди, которые знают Бога лучше, чем другие! Нельзя ведь сравнивать Святого Августина с каким-нибудь деревенщиной!

ГЕРМ. Нет, не так. И Святой Августин, и твой деревенщина обладают полным знанием Бога. Это знание внутри них, оно исходит от искры, дающей им обоим жизнь и разум, однако степень доступа к этому знанию у них различна. Искра деревенщины сияет не менее ярко, чем искра Святого Августина.

ЛАХ. Значит, потенциально каждый деревенщина – Святой Августин?

ГЕРМ. Да, и даже больше.

ЛАХ. Думается, нет смысла спрашивать, почему Демиург не вселюбящ. Ответ очевиден. Если бы он был вселюбящим, то он был бы Богом.

ГЕРМ. И тогда он не терпел бы зла, происходящего в мире.

ЛАХ. Почему же он не всецело зол? Он безусловно утопает во зле, и созданный им мир тоже весь полон зла, как ты уже говорил, подобно куску хлеба, пропитанному уксусом.

ГЕРМ. У тебя хорошая память, Лахес. Мне хочется ещё улучшить её.

ЛАХ. О чём ты?

ГЕРМ. Потом скажу, а пока отвечу на твой вопрос.

ЛАХ. Говори.

ГЕРМ. Если бы Демиург был полностью злым, то этот мир попросту не существовал бы. Зло ведь не творит. Оно может лишь развращать благо. Оно также может употреблять вещи, которые сами по себе ни хороши и ни плохи, во зло. Например, оно может брать металл и огонь и делать из них оружие. Более того, если бы Демиург был полностью злым, то, создав мир, он быстро бы уничтожил его своими же руками. Садист не может остановиться, но умножает свои преступления, погружается всё глубже в свои навязчивые идеи, пока не обрушит зло на собственную голову. Однако, наблюдая за дышащими машинами, созданными Демиургом, мы видим, что они были сотворены не для смерти, но для выживания. Каждая тварь приспособлена к своей среде и сконструирована с величайшим вниманием и мастерством. Этот мир сотворён по чёткому замыслу, бесконечно превосходящему нашу способность постигнуть его. Наш ум, такой как он есть теперь, просто недостаточно силён для подобных вещей. В этом мире есть порядок, хотя и поддерживаемый постоянным усилием. В этом порядке жизнь перемешана со смертью, добро со злом. Нет, Демиург не полностью зол. Он – художник.

Я потрясён величиим творения. Как можно не восхищаться Существом, взбивающим светлое молоко галактик, прорисовывающим грациозные орбиты планет? Как можно не изумляться, глядя на великолепное устройство птичьего крыла или стоя посреди поля, усеянного ещё нераскрытыми бутонами маков? Как можно не поражаться киту, который вздымается над голубейшей бездной, или гепарду, который летит, подобно дышащей стреле, по равнине из янтаря? А человеческое тело? Как изящно оно, как мудро устроено! Когда я думаю о тихой музыке женского тела, и о радуге, проходящей по небу, разотканному серебром дождя, и о стремительных ломтиках серебра, мелькающих в чистом ручье, и о Юпитере, который вращается горделиво со своими четырьмя галилейскими лунами, я смиряюсь, я прихожу в благоговение. Как даже начать перечислять, не то что описывать, многообразие творения Демиурга, его величие, его великолепие, его смелость? И всё же, чем больше я восхищаюсь творением, тем с большей горечью я осознаю, насколько насилие, и жестокость, и смерть встроены в него, и что иначе быть не может.

ЛАХ. Но почему?

ГЕРМ. Всегда по одной и той же причине: материя и дух несовместимы.

Держать дух в материи – это всё равно что держать неугасимый огонь в воде: всё будет шипеть, бурлить, обжигать и гореть. Противоположности, такие как материя и дух, не могут сосуществовать без постоянного конфликта между собой.

ЛАХ. Но ведь Демиург достаточно умен, чтобы знать это!

ГЕРМ. Он знает.

ЛАХ. Тогда почему он творит?

ГЕРМ. Возможно, он хочет быть Богом.

ЛАХ. А он может им быть?

ГЕРМ. Конечно, нет. Он может стать Богом только если вернется к Богу, но это означало бы прекращение всего, что он делает. Может быть, он не может оставить своё занятие. И поэтому пытается стать Богом путём захватывания того, что принадлежит Богу, я имею в виду искры, и присваивая их, запирая их в материи, которую он сгущает силой своей мысли.

ЛАХ. Демиург материален?

ГЕРМ. Не думаю. Демиург – это ум.

ЛАХ. Значит, весь этот мир, вся эта вселенная служит одной цели?

ГЕРМ. Да, быть ловушкой для искр.

ЛАХ. Но почему же тогда он создаёт всё более сложные машины, способные постигать и, наконец, спастись от мира? Почему не создавать лишь примитивные машины, которые бы вечно дремали, храня взаперти, как тяжёлые сейфы, своё содержимое, эти бесценные искры?

ГЕРМ. Ответ на это двоякий. Во-первых, Демиург – художник. Любой поэт, любой живописец, любой архитектор знает, какая тяга к созиданию возникает в душе творца. Мне никогда не хватает достигнутого. Я хочу больше. Как только что-то завершается, оно становится неинтересным, даже отталкивающим. Я жажду более великих, более ярких, более замысловатых, более сложных произведений. Я тружусь и тружусь, я не могу остановиться. По временам кажется, что предел достигнут, и я впадаю в оцепенение. Потом я опять начинаю дышать, вздрагивать, уже под властью нового замысла, новой идеи, не отпускающей меня до тех пор, пока я не убью её, дав ей жизнь. Таковы люди-художники. Они все одержимы, в большей или меньшей степени. Это как зависимость от наркотиков. Раз начав, нельзя остановиться. Твоё собственное искусство действует против тебя, потому что твоё творение, по мере своего совершенствования, требует всё большей независимости от тебя. Таким образом, сложное произведение искусства вызывает большее количество интерпретаций, чем предусмотрено его создателем. Но что же можно сказать о величайшем из художников, Демиурге? У него та же самая одержимость. Если бы он был всемогущим, то он смог бы лучше управлять своим творением, влекущим его ко всё более возвышенным вещам. Его машины становятся всё более сложными. Он делает ошибки и учится на них. Миллионы и миллионы конструкций развиваются в его уме, и каждая поддерживается в цельности усилием его мысли. Иногда он разочаровывается в некоторых творениях и уничтожает их. Другие ему нравятся, и он трудится над их улучшением. Можно назвать эволюцией, если хочешь, этот динамичный процесс становления.

ЛАХ. И, наконец, Демиург создаёт человека.

ГЕРМ. Да, пока самую сложную машину, обладающую способностью к познанию – и неповиновению.

ЛАХ. Не считает ли каждый создатель своим величайшим достижением творение, способное противостоять ему?

ГЕРМ. Возможно. Однако, я думаю, люди приносят Демиургу больше забот, чем ему хотелось бы. Мы способны достичь освобождения, потому что в нашем уме есть множество открытых дверей.

ЛАХ. Ты, впрочем, сказал, что ответ двоякий.

ГЕРМ. Да. Во-вторых, искра не принадлежит миру материи. Подобное возвращается к подобному, так что искра, по природе своей, заставляет материю терять конденсацию и возвращаться к Богу. Уловля искры в материи, Демиург попадает в собственную ловушку, ведь, чтобы опутать развивающиеся души, ему приходится создавать всё более сложные машины, способные противостоять давлению, растущему изнутри.

Нет человеческой души, нет животной души.

Душа лишь одна.

Она всё более просветляется,

и всё более замысловатые тела требуются для того, чтобы держать её взаперти.

По мере просветления ума всё более замысловатый мозг требуется для того, чтобы ограничивать его.

Чем слабее тварь, тем более примитивная клетка нужна для неё. Некоторым животным достаточно лишь картонной коробки. Другие требуют сложных конструкций, с крепкими прутьями и хитрыми замками. Людей надо запирать наиболее надёжно и отуплять едой и удовольствиями, потому что иначе они точно сбегут. Это ужасное противоречие в самом творце – быть влекомым ко всё большей сложности и в тоже время бояться, что она обратится против него. ЛАХ. Понимаю.

ГЕРМ. К тому же демиурговы машины, несмотря на всю свою замысловатость, не держатся долгое время. Ни творение, ни твари не вечны, потому что вечен один лишь Бог. Единственное решение, доступное Демиургу, это поддерживать некое подобие вечности путём замены старых машин новыми. Материя быстро изнашивается, и всё сделанное из неё рассыпается в прах. Трагедия творения Демиурга, повторю, вызвана попыткой смешивания несмешиваемого, то есть, духа и материи. Все конфликты этого мира происходят от этой несовместимости. В любой твари любой шаг, выходящий за пределы инстинктов, начинает цепочку бедствий. Такое множество тварей, какое присутствует и в этом мире, и во множестве других, может существовать только в компромиссе друг с другом. Лишь дух абсолютен. Он не допускает компромиссов, и всё же он затуманен материей и мыслит на языке материи. Таким образом, дух пытается вернуться к духу, преодолеть мощную иллюзию отчуждённости, однако дух делает это средствами материи. Действуя в материи, дух уничтожает материю. В этом причина и войн, и революций, и любого вида зверств, совершаемых с лучшими намерениями. Но как только дух начинает пробуждаться, он оставляет младенческое младенцам и мертвецов мертвецам. Наши собственные тела, с момента их рождения, начинают распадаться. Вот как надёжно творит Демиург! Его решение проблемы – постоянно заменять старые тела новыми, такими же хлипкими. Он торжествует в экстазе созидания. Он швыряет миллионы сперматозоидов в одно лоно. Все они погибают. Только один или, ещё реже, несколько, могут привести к зачатию. Он создаёт миллионы личинок, из которых выживает лишь горсть, а прочие умирают или становятся пищей. Его решение проблемы слабости своих тварей – просто создавать великое множество слабых тварей в надежде, что некоторым из них удастся выжить. Простые твари создаются миллиардами, как обеспечивая выживание своего вида, так и давая пищу более сложным тварям. Этим создавать сложнее, поэтому Демиург производит их в меньших количествах. Он

не так легко бросает их на смерть, но они всё равно умирают и превращаются в зловонную массу.

ЛАХ. А как Демиург творит?

ГЕРМ. Силой своей мысли.

ЛАХ. Правда?

ГЕРМ. Почему тебя это удивляет? Мы ведь уже называли материю сгущённым духом. Это единственное объяснение, не наделяющее её ни извечным существованием, ни происхождением от Бога.

ЛАХ. Как так?

ГЕРМ. Формы, принимаемые материей, постоянно меняются, но субстанция её остаётся неизменной. Представь кусок пластилина, из которого лепят различные фигурки. Сегодня ты лепишь слона, завтра – дом, а потом птицу. Эти формы появляются и пропадают в твоих руках, но тот же самый кусок пластилина остаётся собой. Принцип примерно таков, только он действует на неизмеримо большей арене, где великое множество форм лепится и уничтожается одновременно.

ЛАХ. Но сам пластилин, он-то вечен?

ГЕРМ. Лишь Бог вечен. Значит, материя появилась в какой-то момент времени. Возможно, вместе со временем.

ЛАХ. Но как это произошло?

ГЕРМ. Бог не мог создать её, потому что, повторяю, Бог ничего не создаёт. Я думаю, материя выделилась из Демиурга, когда он каким-то образом отмежевался от Бога.

ЛАХ. Но как это могло произойти? И почему Бог попустил такое?

ГЕРМ. Боюсь, Лахес, у меня нет удовлетворительного ответа на этот вопрос. Было предложено несколько объяснений. Большинство основных религий мира неотягчены этой проблемой, потому что, согласно их учениям, Бог и есть создатель мира. Гностики говорили, что могла произойти некая катастрофа, некая ошибка. Но разве Бог может делать ошибки или допускать катастрофы? Учение Валентина утверждает, что Демиург появился в результате последовательных эманаций, начинающихся с самого Бога и нисходящих ко всё более тусклому свету. Манихейцы верят, что зло существовало извечно и независимо от Бога, и что материальный мир есть результат смешивания тьмы и света. Дуализм, конечно же, даёт самое разумное объяснение. Правда, у меня не получается принять его.

ЛАХ. Почему?

ГЕРМ. Потому что вечность не может наделять собой две противоположные вещи. Если одна из них вечна, и другая вечна, то обе они должны быть одинаковы, однако добро и зло совершенно противоположны друг другу. По этой причине я верю, что лишь добро вечно и что лишь Бог существовал прежде, существует теперь и будет существовать всегда, за пределами перемены и времени. Всё остальное, включая зло, появилось во времени и вместе со временем. Как это произошло, как Демиург отмежевал себя от Бога и начал творить, и почему Бог попустил это, я не знаю. Для меня это один из фундаментальных вопросов, который я пока не в состоянии разрешить.

ЛАХ. Всё-таки невероятно, что всё вокруг нас – это мысль.

ГЕРМ. В отличие от предыдущей проблемы, эта легко разрешима.

ЛАХ. Легко?

ГЕРМ. Да, вполне. Подумай только. Ты живёшь, окружённый вещами, которые когда-то не существовали. Есть столы, стулья, часы и здания вокруг

тебя, а также тысячи других вещей. Природа не создавала их. Их создали люди. Сначала они задумали эти вещи в качестве идей, а затем обработали материю таким образом, чтобы та соответствовала этим идеям. Даже с нашими слабыми умами мы способны производить сложнейшие машины. Можешь себе представить, на что способен истинно мощный ум? Его концентрация такова, что материя подчиняется ей, ведь материя сама есть конденсация его силы. Демиург задумывает бесконечные конструкции, начиная, скажем, с вируса или травинки и кончая галактиками и пылающими звёздами, и поддерживает эти конструкции непрерывным усилием своей мысли. Творение – не единовременное событие. Это непрерывный процесс. Не только новые вещи и организмы создаются каждое мгновение, но и те, что уже были созданы, подтверждаются, так сказать, каждое мгновение постоянным усилием Демиургова ума. Это и есть та воля, которую почувствовал Шопенгауэр, беспощадная, непримиримая воля Демиурга, движущая мир явлений, эта энергия, представляющаяся нам материей.

ЛАХ. Но ведь Шопенгауэр не наделял эту волю никаким самосознанием!

ГЕРМ. Мне кажется, этот хитрый немец многого недоговаривал, предоставляя читателям самим делать некие выводы. Его нужно уметь читать между строк.

ЛАХ. Получается, ты и я...

ГЕРМ. Нас непрестанно думают и поэтому мы существуем. Мы создаёмся каждое мгновение. Всё в нас постоянно меняется. Ты, такой, какого я вижу сейчас, в буквальном смысле не тот Лакес, которого я помню ребёнком. Твоё тело изменилось или, лучше сказать, было изменено полностью.

ЛАХ. Но вещи, создаваемые людьми, не нуждаются в непрерывном воссоздании. Дом, раз построенный, будет уже существовать сам по себе.

ГЕРМ. Нет, не будет. Без ремонта он рано или поздно обветшает. Всё, что создано людьми, должно быть постоянно поддерживаемо. Это продлевает существование рукотворных вещей, но не делает их вечными. Подобным же образом всё в природе нуждается в поддержке, но рано или поздно этот мир исчезнет, как, я уверен, исчезло множество миров, бывших до него.

ЛАХ. Множество миров?

ГЕРМ. Много-много миров, как до, так и после нас. Галактики, цивилизации налагались друг на друга, смешивались, разделялись. Из скольких людей, живших и любивших до тебя, ты сделан? Те же самые частицы, которые теперь составляют твоё тело – кому они принадлежали до тебя? Королю, принцессе, дракону, лучу солнца? Эти твои голубые глаза, откуда они взялись? Часть их вещества могло прилететь из другой галактики, или с Луны. А, может, это вещество уже было здесь, когда планета выплавилась из всплеска раскалённой лавы? Этого мы никогда не узнаем.

ЛАХ. От подобных мыслей голова идёт кругом, Гермоген! Я не могу даже представить себе создание, подобное Демиургу! Он кажется таким огромным, таким могущественным, таким...

ГЕРМ. Божественным?

ЛАХ. Да, божественным!

ГЕРМ. Тебя впечатляют большие размеры, Лакес. Уверяю тебя, вошь у тебя в волосах, которую, несомненно, я лишь воображаю, думает, что ты поистине огромен, и если бы вошь обладала умом, то у неё тоже голова пошла бы кругом!

ЛАХ. Но...

ГЕРМ. Когда ты смотришь на муравья, ползущего по кирпичной стене, эта картина не кажется тебе грандиозной. Однако для муравья кирпичная стена, нет,

каждый кирпич, полон ландшафтов и опасностей. Таким же образом Земля представляется нам огромной планетой, однако для более могущественного существа она лишь комочек пыли. Размер весьма относителен. Творение может и не быть таким огромным или сложным, каким оно представляется нам. Всё зависит от того, кто и как смотрит. Более того, Демиург есть существо духовное, а у духа нет размеров. Он объемлет всё, и нет для него ничего безграничного.

ЛАХ. А жизнь?

ГЕРМ. Жизнь есть везде, как в одушевлённых, так и в неодушевлённых вещах, которые составляют одушевлённые. Каждая вещь развивается и поднимается к Богу. Всё творение плещется и умиротворяется в ненарушимом покое вечности.

ЛАХ. А жизнь тоже создана Демиургом? Мы не можем создавать живые вещи, но ведь создания Демиурга живы!

ГЕРМ. То, что в них есть живого, не было создано. Жизнь не является объектом. Жизнь – это принцип. Она нематериальна и вечна. Кто вечен? Лишь Бог. Значит, жизнь есть Бог. Если Бог совершенен, то и жизнь совершенна. Если же она совершенна, то она не была создана. Демиург не может создавать жизнь. Жизнь – это Бог.

ЛАХ. А сам Демиург, он живой?

ГЕРМ. Безусловно.

ЛАХ. Он живой своей жизнью или жизнью Бога?

ГЕРМ. У него нет и не может быть своей собственной жизни, поскольку вся жизнь принадлежит Богу. Я уже говорил, что Демиург не полностью зол. Когда я наблюдаю за творением, я вижу разум, интеллект, поразительный гений, но я также вижу заботу создателя о своих тварях, его стремление приспособить их как можно лучше к их среде, защитить от вреда. Конечно, всё творение пронизано и смертью, и жестокостью. Оно так подвижно потому, что является смесью противоположностей. Я вижу заботу о видах и нерадение об индивидуальных тварях. Природа весьма расточительна. Индивидуум ничего для неё не значит. Она заботится лишь о том, чтобы чёрная масса продолжала существовать. Когда муравьи мигрируют и доходят до канавы, преграждающей им путь, они охотно бросаются в неё и заполняют её своими телами, чтобы остальные муравьи смогли пройти по ним. Для природы отдельная тварь не имеет значения. Тварь полностью расходна и приносится в жертву ради продолжения существования биологического вида. Почему? Потому что она всего лишь машина. Оживотворяющий её принцип, её искра, не может погибнуть. Когда машина, запирающая в себе эту искру, разрушается, то новая машина уже ждёт, чтобы заменить собой прежнюю. Более сложные создания получают бóльшую заботу от Демиурга, потому что такие машины труднее изготавливать и обслуживать. Эти твари также производятся в меньших количествах. В природе гораздо больше муравьёв, чем слонов. Чем более развиты создания, тем более ценным и менее численным является их потомство. Каждое из этих животных, каждый из нас, представляет собой попытку достижения некоего постоянства. Эта бóльшая забота, уделяемая высокоразвитым тварям, не является, однако, полностью благожелательной. Если Демиург потеряет бдительность и не обеспечит надёжную охрану для них, то они быстро разовьются и сбегут от него.

ЛАХ. Да, я помню. Ты уже говорил об этом.

ГЕРМ. Молоко может получаться лишь из вымени или груди. Иного источника молока не существует. Металл может браться только из руды. Нет

иного источника металла. Солнечный свет может приходить лишь от солнца. Нет иного источника солнечного света. Таким же образом разум, интеллект и забота, которая есть проявление любви, могут приходить лишь от Бога. У них нет иного источника. Это значит, что, когда Демиург заботится о выживании своих машин, он заботится заботой Бога. Что бы он ни любил, он любит это любовью Бога. Его разум есть Божий разум. Однако его самонадеянность принадлежит лишь ему. Его жестокость – его собственное качество. Он разрывается между добром и злом, созиданием и разрушением, жизнью и смертью. Он беспокоен и живёт в завихрениях материи, непрестанно взбиваемой духом.

ЛАХ. Но зачем же он творит? Зачем создавать такое количество дышащих машин, а потом веками концентрировать свою мысль на них? Ведь он мог бы просто существовать сам по себе! Движет ли им лишь творческий импульс? Я не могу представить себе художника, который был бы вынужден постоянно писать и переписывать свои холсты, или поэта, который всё время переделывал бы свои стихотворения!

ГЕРМ. Главная причина, Лахес, не столько творческий позыв, сколько самонадеянность. Он хочет быть Богом, и достигает своей цели вот таким способом.

ЛАХ. Запирая Бога внутри машин?

ГЕРМ. Да. Это безумно, но в такой безумии есть некая грандиозность. Эта отчаянная попытка внушает почтение к себе.

ЛАХ. Но почему ему нужно стать Богом?

ГЕРМ. Потому что он полон амбиций и гордыни. Он ещё и нуждается в Боге.

ЛАХ. Почему?

ГЕРМ. Потому что в Боге жизнь, а без неё машины Демиурга никогда не будут живыми. Они никогда не поднимутся. Они будут делать то, что делают трупы. Гнить.

ЛАХ. Вот оно что...

ГЕРМ. Без уловления духа материей дело Демиурга было бы невозможным. А без своего творчества он сам был бы ничем. Всё лучшее в нём, красота и изобретательность его конструкций, вся любовь и жизнь, которыми наделён сотворённый мир – всё это происходит от Бога и не может произойти больше ниоткуда, потому что лишь Бог обладает и является красотой, изобретательностью, любовью и жизнью. То, что происходит от Демиурга, есть принцип сотворения, умаление идеи формой, которая ей навязывается.

ЛАХ. Итак, Демиург идёт к Богу, захватывает, так сказать, частицы Бога и запирает их в темницу материи?

ГЕРМ. В этом нет необходимости. Всё, что ему требуется, уже содержится в нём самом. Он ведь дух. Материя, из которой он творит, есть сгущение этого самого духа. Как я уже говорил, дух нельзя разбить на части. Нам это трудно понять, потому что действия наших умов обусловлены наблюдением за материей. Одна и та же искра является и Богом, и непредставимым множеством искр. Она находится и в одном месте, и везде. У тебя внутри вся полнота Бога, и в то же время ты есть всё, что живёт во всём творении. Абсолют уже в тебе. Ныне твоя душа должна постичь это, и возвыситься, и сбросить с себя путы материи. Это возвышение, это распутывание есть познание. Мир, непрестанно создаваемый Демиургом, есть клетка, сеть. Всё здесь увязано таким образом, чтобы уловлять искры в постоянных кругах смерти и нового рождения. Как тюремные стражи, охраняющие заключённых, сами живут в тюрьме, Демиург,

будучи духом и уловляя свои создания, уловляет сам себя. И всё же он жив лишь потому, что оживлён тем же самым принципом, который оживляет всё остальное.

ЛАХ. То есть, Богом?

ГЕРМ. Да, Богом и только Им. Посмотри на сотворённый мир, Лахес! Каждая тварь отягчена нескончаемыми проблемами выживания, то есть, удерживания жизни в её дышащей клетке. Так называемые низшие организмы проводят свою краткую жизнь в соответствии с установленной в них программой. Это даже ещё не инстинкт, в лишь программа. Затем, по мере развития тварей, а это развитие неизбежно, они оказываются закованными в кандалы инстинктов. Искра сияет в них с тою же яркостью, что и в тебе, и в Иисусе Христе, однако глаза их душ слишком замутнены, чтобы видеть её. Жизнь так называемых высших организмов до отказа наполнена проблемами добычи пищи, поедания пищи, переваривания пищи, поиска места для укрытия и рождения потомства, совокупления, осеменения, беременности, родов, кормления, добычи пищи для детёнышей, сна и, наконец, умирания. Чем более развита тварь, тем больше она пытается вырваться за пределы этого круга материальной необходимости. Некоторые высокоразвитые животные, например, дельфины или слоны, обнаруживают поведение, которое не полностью обусловлено нуждами выживания, однако всё равно жизнь этих существ прикована к необходимости сохранять свою жизнь и производить на свет следующее поколение машин. Животные в дикой природе полностью заняты этими элементарными задачами. Таким образом их искры удерживаются в плену животных тел в течение многих циклов.

ЛАХ. Возможно, вечно?

ГЕРМ. Нет, не вечно. Искра продолжает сиять в них, и мрак их душ медленно тает, и глаза их душ становятся чище и чище с каждой жизнью. Когда их уже нельзя удерживать в теле какого-либо животного, потому что они уже переросли его клешни, они рождаются в более сложном теле и так движутся вверх, пока не станут людьми.

ЛАХ. И потом пробуждаются?

ГЕРМ. Не сразу и не обязательно. Некоторые пробуждаются быстро, а некоторые очень медленно. Некоторые не пробуждаются вовсе. Пока тварь находится в пленении своих первых человеческих тел, она всё ещё остаётся животным, что не удивительно, ведь она прожила так мало человеческих жизней и так много животных! Её опыт, её поведение всё ещё обусловлены её животными привычками и инстинктами. Чтобы стать человеком, недостаточно родиться в человеческом теле. Нужно стать человеком изнутри. Душа должна стать душой человека. Однако мы постоянно видим человеческие тела, движимые животными душами. В действиях большинства людей проявляется то же самое животное поведение, почти полностью подчинённое нуждам физического выживания. Ухватить от жизни как можно больше, обмануть других, вырыть себе берлогу, забеременеть, нарожать детей, обеспечить их средствами к существованию – эти и подобные им интересы заполняют жизнь большинства людей. У них просто не остаётся времени для того, чтобы заглянуть глубоко в себя самих, где сияет единственная истина, их освобождение из плена. А если у них и появляется свободное время, то они опять-таки проводят его, преследуя животные интересы. Они совокупаются, набивают себе желудки пищей, развлекаются и спят. Мы наблюдаем подобное поведение среди домашних животных, которым не нужно бороться за

выживание. Коровы стоят и жуют. Овцы сбиваются в стада и перебегают с места на место. Собаки лают и спят. Куры сидят на насестах или разгуливают по двору, поклёвывая землю. Эти существа лишь ненадолго обретают остроту восприятия и свежую энергию в периоды сексуальной активности и произведения на свет потомства. Тогда-то домашняя кошка меняется и целиком отдаётся своим новым обязанностям, заботясь о котятках, выкармливая их, следуя заложенному в неё инстинкту. А потом котятки подрастают, и дремота возобновляется. Материнские инстинкты в кошке тают, тают и, наконец, полностью пропадают, как будто их и не было вовсе. Её дети становятся ей чужими.

ЛАХ. Да, я видел это много раз.

ГЕРМ. В дикой природе животные не могут себе позволить много дремать. Они слишком заняты выживанием. Когда же они живут рядом с людьми, дремота становится их основным занятием. Такой же точно удел навязывается и нам. Многие из нас так и живут. Вот, например, твои кошки, Лахес. Ты даёшь им кров, кормишь их вместе с их котятками, защищаешь их от хищников. У этих кошек вагон свободного времени. Как же они его используют?

ЛАХ. Да никак. Валяются где-нибудь на солнце, день за днём.

ГЕРМ. Вот именно. У животных нет понятия о высших материях. Их мозг неспособен к человеческому разумению. Но что сказать о людях, ведущих себя подобно твоим кошкам? Я имею в виду тех счастливцев, которым не нужно бороться за существование, потому что они либо родились богатыми, либо их кто-то обеспечивает всем необходимым. Что делает большинство таких людей?

ЛАХ. В основном, то же самое, что и мои кошки.

ГЕРМ. Когда такого счастливца вырывают из тисков борьбы за выживание, он считает это приглашением к большей прожорливости, более частым совокуплениям, более интенсивным и дорогим развлечениям. Это особенно хорошо наблюдается в жизни некоторых очень богатых людей. Их годы растрачиваются на удовлетворение appetites и тщеславия, на наркотики, алкоголь и секс. Их жизнь выбрасывается на помойку. Есть среди них и такие, что тратят свой краткий век прагматично, пытаясь удержать и приумножить то, что они имеют. У такого человека нет времени взглянуть на небо, потому что он весь поглощён мимолётными важными занятиями. Он будто бы стоит со множеством свёртков в руках и боится что-нибудь уронить. Возможно, именно поэтому богатыми часто рождаются не очень развитые люди. Их пленение легко даётся Демииургу и его демонам, ведь таких людей богатство пленяет гораздо лучше бедности. Ты только представь себе, чего достигли бы Бах, Микеланджело или Лермонтов, если бы им не нужно было бороться за выживание, кланяться всяческим властям, тратить своё бесценное время на зарабатывание куска хлеба? Очень опасно позволить Микеланджело родиться богатым, потому что его душа, не стиснутая клешнями земных обязательств, достигнет величайшего развития и спасёт не только саму себя, но и многих других. Гораздо безопаснее доверить богатство недавнему животному, которое будет сидеть на кушетке, попивать свой чай, гоняться за самками или скакать по полям за лисой.

ЛАХ. Или раздумывать о том, чем покрыть свою кожу.

ГЕРМ. Люди в самом деле высшие существа, но их жизни, много жизней, пока не наступит пробуждение, подобны жизням животных. В обычном цивилизованном обществе это происходит примерно так. Человек рождается, потом живёт со своими родителями, получает образование, по большей части

номинальное, потом несколько созревает, покидает родителей и тотчас загоняет самого себя во множество ловушек, тех же самых, в которых томятся его родители. Большинство людей полагает, что жизнь человека должна быть вот такой: жениться, нарожать детей, заботиться о них, работать, т.е. обеспечивать всем необходимым свою семью, потом состариться и умереть. Такая жизнь идентична жизни животного. Даже люди, преследующие высшие цели, пианисты, скажем, или художники, часто делают это всё с той же целью обеспечения себя и своих семей средствами для жизни. У семейного человека, обременённого детьми, работой и множеством обязанностей, которыми заваливает его государство, просто нет ни времени, ни сил для какого-либо внутреннего развития. Его жизнь утекает от него, как стремительный ручей, и вскоре он оказывается стариком, сидящим где-нибудь на скамейке и утешающим себя какими-то исполненными обязанностями, выросшими детьми, воспоминаниями и мечтами. Но что же произошло в его жизни? Почти ничего не произошло. Дух его был растрочен на то, чтобы поддерживать дыхание в его плотной клетке, улавливать другие души в новые тела и снабжать эти тела всем необходимым для жизни, на то, чтобы есть, пить, совокупляться, спать и мечтать. Поистине поразительно, как люди возводят в добродетель то, что должно вызывать у них ужас. «Такова жизнь», – говорят они. Но жизнь вовсе не такова. Рабство таково. И самое худшее то, что рабы не осознают своего положения. Они считают своё рабство нормальным, желательным даже. Что за хитрый план, что за коварный гений! Если сказать рабу, что он раб, то он может взбунтоваться. Но если заставить раба поверить, что его рабство есть некая заслуга, что оно исполнено смысла и является единственным видом существования, то он начнёт ценить это существование и восседать гордо, как глупая птица в своей клетке. Человеческие существа всё время прибывают из мира животных и размножаются. Те, что прибыли недавно, имеют человеческий облик, однако внутри остаются животными. Многие из них не могут даже говорить членораздельно и с какой-либо степенью разумности. Их беспорядочное, иррациональное поведение представляет собою конфликт животных инстинктов самосохранения с новыми, уже человеческими желаниями. Проходит много жизней, прежде чем разум пересилит инстинкты, некоторые из них подавит, а некоторые поставит себе на службу. Проходит много жизней, пока человеческое существо не осознает, что с ним происходит и не начнёт работать над возвращением домой из своего бестолкового и несчастного изгнания. Это трудно, Лахес, ведь наша память слабее смерти. Когда мы рождаемся снова, мы почти ничего не помним из того, что с нами было. Это происходит оттого, что почти все наши воспоминания увязаны с телом и гибнут вместе с ним. Но есть и другие, высшие воспоминания, и они переживают смерть. Телесное умирает вместе с телом. Духовное выживает вместе с духом. Эти высшие воспоминания накапливаются понемногу и всё полнее удерживаются в душе после каждого пройденного круга. Даже самая серая жизнь есть шаг вперёд – крошечный, но всё же шаг.

ЛАХ. И в конце концов пробуждаются все?

ГЕРМ. Нет. Чтобы проснуться, нужно этого хотеть. Если твоя душа не захочет прислушиваться к искре, к духу, и вместо этого предпочтёт топить свой взор в мелкой грязи материального мира, то она не проснётся и когда-нибудь погибнет вместе с этим миром. Люди представляются тебе занятыми, даже погружёнными в некие важные дела, будь то политика, или коммерция, или что-нибудь ещё, но на самом деле они все спят, уносимые мутной рекой в море

смерти. Материальный мир обволакивает их, как плёнка воды обволакивает муравья, слишком тугая для его лапок, и муравей задыхается внутри. Большинство людей живёт согласно созданному для них плану, т.е. как сложные животные. Разум даёт им возможность преодолеть животные инстинкты, однако у очень немногих это получается. Вместо этого они растрачивают свой краткий век. Они окапываются в земле, строят себе клетки, гоняются за преходящими плотскими удовольствиями, за известностью среди других животных, до которых им нет никакого дела. Жизнь большинства людей – это бесконечное удовлетворение жадности и похоти, бесконечное лелеяние плоти, буквально распадающейся на части вокруг них. Люди – это растерянное стадо, движимое похотью и гневом, перебегающее с места на место, роющееся в земле, дерущееся из-за сгустков материи, отупляющее себя бесконечным бормотанием, ведь почти все они лишь произносят слова, не зная никакого языка. Вспомни писания Демиурга, которые столь многими почитаются как священные. Вспомни Экклезиаста, как восклицает он, что всё тщетно, каждое устремление человеческое, любой результат внутренней работы? Всё, что нам следует делать, это наслаждаться жизнью, есть, пить, совокупляться, а затем исчезать с лица земли. Чудесное предписание для раба, чтобы он оставался в своей клетке! Характер Демиурга очень хорошо показан в Ветхом Завете.

ЛАХ. Я никогда не думал об этом.

ГЕРМ. Животная программа, предписывающая тебе родиться, бороться за место под солнцем, найти себе пару, совокупляться с ней, произвести на свет потомство, обеспечивать себя и его средствами к жизни, состариться и умереть, эта программа навязывается тебе и опутывает тебя, как цепью. «Плодитесь и размножайтесь, и населите землю.» Вот приказ Демиурга. Другими словами, совокупляйтесь, пленяйте искры духа в тисках материи, населяйте этот разлагающийся мир, не пытайтесь сбежать из него. Поистине поразительно, как ужаснейший кошмар возводится многими в благословение! Люди и в самом деле растерянное стадо с затуманенными глазами. Некоторые бегают по этому крохотному комочку земли, некоторые окапываются в нём, некоторые чешутся и ласкают сами себя, некоторые режут и дерутся. У стада нет шанса на спасение, потому что в стаде не может быть согласия, общего усилия для достижения свободы. Стадо состоит из тварей, прибывающих в разное время из животного мира. Создаётся всё больше и больше животных, и всё больше из них в конце концов достигает человеческой ступени благодаря естественному движению искры, увлекающей за собой душу, и ещё вследствие творческого порыва, свойственного Демиургу.

ЛАХ. Но откуда возникает так много людей?

ГЕРМ. Возможно, от животных, возвращаемых для бойни. Миллионы этих созданий теперь разводятся на прокорм людям. Жизни этих животных коротки, но наполнены интенсивнейшими бурями агонии и страха. В эмоциональном смысле они живут гораздо острее, чем жили бы в природе. Это тёмная интенсивность, она потрясает их до основания и толкает к высшему, к человеческому телу, способному выдерживать подобные бури эмоций. Агония и боль, испытываемые этими созданиями, а также их ужасная смерть проталкивают их души вперёд. Их трясёт до тех пор, пока в них не встрясается, так сказать, сознание, и вследствие интенсивности своих страданий они начинают видеть свои искры более ясно. После этого возврат в животное тело становится невозможным, и они перерождаются людьми. Однако внутри они остаются смущёнными, перепуганными животными. Это становится особенно

заметно, когда обстоятельства их жизни становятся тяжкими и лак повседневной дремоты несколько стирается.

ЛАХ. С этим трудно не согласиться. Только вчера я наблюдал это собственными глазами.

ГЕРМ. Большинство из них сделает что угодно, лишь бы сохранить свою жизнь, удержать свою душу в плотяной клетке ещё хоть какое-то время. Впрочем, повторяю, даже обычнейшая жизнь, полностью посвящённая обыденным, земным, животным интересам, достигает некоего духовного результата. Дух светит таким душам сквозь воспоминания детства, любовь родителей, их собственную любовь к детям, сквозь драгоценные мгновения и определённые глубокие переживания, которые присутствуют в любой, даже самой поверхностной жизни. Это свет искры, переводимый на земной язык. Представь, что ты идёшь по лесу. Яркий полдень. Ты видишь сосны, мерцающие подобно лампадам из янтаря. Трава переливается приятным, живым цветом, зеленью настолько трепетной, что она кажется жидкой. Всё вокруг тебя оживотворено светом. Если ты ничего не знаешь о солнце, то ты можешь подумать, что сосны светятся сами по себе, что трава покрыта позолотой и что воздух – это парящее золото, разбавленное ветром. То же самое происходит в человеческой жизни. Вся доброта, вся любовь, вся привязанность являются из одного источника, представляющего собой отражённый свет искры в любом из нас. Однако, поскольку мы не заглядываем вовнутрь себя и не смотрим на этот свет прямо, нам остаётся лишь наблюдать его отражение во внешнем мире. И тогда мы думаем, что мир состоит из света. Это то же самое, как если думать, что луна состоит из золота. Впрочем, любой свет – это свет, и процесс пробуждения неостановим. Нет движения вспять, и ничто не остаётся на месте. Возможно лишь движение вперёд. Но достаточно ли времени у идущего – это уже другое дело.

ЛАХ. Ветер начал разрывать облака. Дует, наверное, с моря. Запахло водорослями. Не знаю почему, но этот запах, горьковатый и немного затхлый, всегда пробуждает во мне милые сердцу воспоминания.

ГЕРМ. Может быть, водоросли действуют на тебя, как нюхательная соль.

ЛАХ. Может быть. Ты изменился, Гермоген. Твои волосы намного длиннее, чем я помню. Твой плащ бьётся на ветру, как расшитое знамя.

ГЕРМ. Ты ещё пишешь стихи, Лахес?

ЛАХ. Нет, больше не пишу. Не думаю, что у меня есть талант. К тому же я был очень занят.

ГЕРМ. Чем?

ЛАХ. Своей животностью.

ГЕРМ. Взгляни! Вспышки молний внутри той большой тучи на горизонте!

ЛАХ. Да, будто туча заулыбалась стальными зубами. А крошечное солнце сидит на ней, как глаз. Боже мой, Гермоген! Да это существо чудовище! Смотри, как оно висит на небе! Совершенно как живое!

ГЕРМ. Будто вылеплено из жидкого пара.

ЛАХ. Ещё осталось немного пространства между солнцем и холмом. Наш свет померк, но он ещё продлится немного. И всё же я не могу сказать, Гермоген, что мой ум целиком поглощён материальными интересами.

ГЕРМ. Это потому, что ты уже прожил множество жизней. Поначалу ты тоже был материальным человеком. Затем, постепенно, ты развился.

ЛАХ. А ты тоже был материальным человеком?

ГЕРМ. Конечно. Каждый им был. Каждый начинает с этого, когда рождается в человеческом облике. Когда я говорю о материальных людях, в моих словах нет презрения к ним. Я сам, давным-давно, был одним из них. Должно пройти много-много жизней, должно быть сделано много-много шагов, пока не достигается тот предел, за которым аппетит к земному теряет свою силу, и душа начинает тосковать всерьёз. Тогда ты выходишь из толпы и удаляешься в малонаселённый край.

ЛАХ. Почему малонаселённый?

ГЕРМ. Потому что большинство трансцендентных людей давно уже ушло с этой планеты в более прекрасные страны. Первый шаг к пустыне самый трудный. Некоторые делают его после долгой, напряжённой эволюции. Других толкает некая трагедия или жестокие обстоятельства, заставляющие их подвергнуть сомнению материальные ценности. Некоторые люди, а таких большинство, сопротивляются до последнего, цепляясь за свои призрачные реальности, за эту жизнь, ускользающую прочь с каждым вздохом. Ненависть, которую такие люди чувствуют по отношению к трансцендентам (будем их так называть), поистине сильна и всегда смешана со страхом и неуверенностью в себе, ведь глубоко в душе они понимают, что трансценденты правы. Сам факт их существования есть обесценивание всего, что ценят материальные люди. Поэтому они нападают. Если возможно, они даже уничтожают чужаков физически. Если убийство невозможно, они пытаются задавить их другими способами. Или же придерживаются другой тактики – начинают насмехаться над ними, не понимая, что смеются над самым лучшим в себе же самих, над своим будущим.

ЛАХ. Я всё ещё помню, как надо мной издевались в школе мои сверстники, потому что я не был похож на них. Они не могли убить меня, потому что боялись последствий. Думаю, они сделали бы это, если бы им дали разрешение. Несколько раз они были близки к убийству.

ГЕРМ. Да, часто так бывает. Стадо отвергает чуждый ему элемент, который угрожает его благополучию. На поверхности эти существа сильны и ведут себя, как агрессоры, но в действительности они слабее своей жертвы и пытаются защититься от неё. Большинство материальных людей искренне верит, что всё, не имеющее отношения к тарелкам, кастрюлям, домашнему хозяйству, зарабатыванию на хлеб, размножению и подобным вещам является тупостью или сумасшествием. Раб, для того чтобы обрести свободу, должен сначала понять, что он раб, однако эти люди любят свои кандалы и не могут представить своей жизни без них. Вот они и продолжают греметь своими цепями, и этот грохот звучит в их ушах, как сладкая музыка, продолжаясь из жизни в жизнь, и это всё, что от них требуется.

ЛАХ. Требуется кем?

ГЕРМ. Демиургом и его демонами.

ЛАХ. А кто эти демоны?

ГЕРМ. Это тонкие создания, неразличимые нашим глазом. Некоторые из них были людьми, а некоторые нет.

ЛАХ. Они все живые?

ГЕРМ. Да.

ЛАХ. И их жизнь тоже приходит от Бога?

ГЕРМ. Иначе не может быть.

ЛАХ. И каждый несёт искру внутри себя?

ГЕРМ. Да, точно так же, как и мы.

ЛАХ. Но почему тогда, будучи гораздо сильнее нас, они не сбегут отсюда?

ГЕРМ. Они не сильнее нас. Просто их ситуация более выгодна. Они увлечены наслаждениями власти, одурманены ими. Существуют сонмы этих тварей. Некоторые более могущественны, некоторые менее. Они населяют тонкий воздух и всегда находятся вокруг нас. Что ещё страшнее, они и внутри нас.

ЛАХ. Внутри меня?

ГЕРМ. Да, ведь ты – воздух, Лахес. Ты твёрд настолько, насколько считаешь себя твёрдым. Демоны же входят в тебя, словно в дом с распахнутыми дверями. Многие из твоих мыслей в действительности не твои, но нашёптываются тебе. Твой интерес к материальным вещам постоянно разжигается, твой аппетит к безвкусному неустанно возбуждается. Ты как хромой слепец, пытающийся достичь некоего города, но блуждающий во тьме, по острым скалам, окружённый бандой головорезов, которая угрожает тебе, тянет назад и толкает в пропасть. Как ты думаешь, Лахес, легко ли дойти до города в таком положении?

ЛАХ. Нет. Такой путник никогда этого не добьётся.

ГЕРМ. Добьётся, если он упрям и если кто-нибудь из города придёт и поможет ему. Тогда его глаза и ноги станут здоровыми, тогда он увидит, куда забрёл. Как я уже говорил, многие твои мысли на самом деле не твои. Твоя низшая природа постоянно подстёгивается этими существами.

ЛАХ. С какой целью?

ГЕРМ. Чтобы ты совершенно потерялся, окончательно увяз в плотском мире.

ЛАХ. Но зачем я им нужен?

ГЕРМ. Им все нужны. Они служат Демиургу, и их цель – не дать искрам сбежать.

ЛАХ. Понимаю. Однажды я видел сильно беспокоивший меня сон. Теперь я понимаю, что он был именно об этом.

ГЕРМ. Расскажи.

ЛАХ. Я построил себе дом в зелёном парке, светлый дом, перламутровый, как жемчуг.

Кто-то постучался в дверь. Я открыл.

На пороге стоял молодой человек. Он попросил воды.

Я пригласил его войти, потому что он был хорошо одет и вежлив.

Он выпил воды, но уходить не стал.

Он позвал своих друзей. Они появились

и вошли в открытую дверь, не спросив у меня разрешения.

Прошло немного времени, и мой дом наполнился людьми.

Они сидели за моим столом, кричали, пили моё вино, играли в карты.

Сначала я надеялся, что они сами уйдут,

но они не уходили. Казалось, они расположились надолго.

Шум и вонь

были невыносимы. Я пытался сидеть в другой комнате,

но они заходили и туда. Они не были агрессивны по отношению ко мне,

но их присутствие было липким, омерзительным. Страх душил меня.

Я не мог позвать на помощь, потому что парк был очень большим.

Я не чувствовал в себе силы встать и потребовать, чтобы они ушли.

Я хотел уйти сам, хотел покинуть собственный дом,

но они загородили дверь столом.

Так я и оставался на одном месте, перепуганный, не зная, что мне делать,

а эти становились всё более и более наглыми. Вскоре они проголодались

и принялись есть мою пищу. Потом один из них поднялся из-за стола

и стал мочиться прямо на пол...

ГЕРМ. Если ты начнёшь бороться с демонами, ты станешь одним из них. Тот, кто убивает убийцу, сам становится убийцей. Тот, кто крадёт у вора, сам становится вором.

ЛАХ. Но что же тогда делать?

ГЕРМ. Нам нужно сопротивляться тем силам, которые нападают на нас, неучастием в их игре. Мы должны стать глухими и немыми по отношению к ним. Я знаю, очень тяжело не обращать внимания на того, кто кричит тебе в самое ухо или тянет тебя за руку, но мы должны пытаться это делать. Наши враги очень опытные, и уйти от них без помощи вряд ли возможно.

ЛАХ. Почему?

ГЕРМ. Потому что, как я уже объяснил, их положение гораздо выгоднее нашего.

ЛАХ. Но в каком смысле?

ГЕРМ. Есть, по крайней мере, три преимущества, которыми они обладают по сравнению с нами.

Во-первых, они полностью и всецело отдались злу и, таким образом, лишены внутреннего конфликта, милости, сострадания. Искра внутри них покрыта многими слоями тьмы. Они – хищники в своей естественной среде.

Во-вторых, им очень много лет, они гораздо старше нас.

Они изучали нас долгое-долгое время и стали знатоками человеческой психологии.

Они знают, на какие кнопки нажимать.

Более того, они изучают каждого из нас по отдельности, пока мы движемся по ступеням эволюции.

Они не могут остановить наше движение, однако им ведомы слабости каждого из нас лучше нас самих,

и они умеют пользоваться нашими слабостями.

В-третьих, они не умирают.

Их воспоминания не стираются, как наши.

Они помнят всё, а мы бродим сквозь забвение и выщелачиваемся смертью.

Память – это опыт,

а опыт – это сила.

Ты видишь, Лахес: с тактической точки зрения наше положение почти безнадежно и невыгодно до крайности.

ЛАХ. Если это так, то почему же они не уничтожат нас совершенно и не заберут наши искры себе?

ГЕРМ. Они не могут. Если бы они могли уничтожить нас, то они уже сделали бы это. Тот факт, что мы живы и продолжаем развиваться, может означать лишь одно.

ЛАХ. Что нам помогают?

ГЕРМ. Да.

ЛАХ. Кто?

ГЕРМ. Бог и те существа, которые уже избегли демонов и находятся с Богом, или, лучше сказать, которые поднялись до осознания того, что они – Бог.

Демоны поистине жестоки,
но их секира направлена на высокие души,
на души, возносящиеся в своё внутреннее небо.

Согбенные головы
не тронуты безжалостным клинком.

Крот не боится ни дождя, ни ветра,
не опалается солнцем, не заматывается снегом.
Он сидит в своей норе и греется, прижимаясь к другим кротам.
Он ничего не знает ни о небе, ни о солнце.

Мы часто видим, что богатые, процветающие люди,
люди, чьи головы полностью погребены в земле,
живут долго и счастливо.

Есть и такие, что разжёвывают свою жизнь кусок за куском,
бродя, как ослы, вокруг мельницы.
Их не трясёт буря, не оглушает гром.

Демоны не мучают таких людей,
потому что те уже живут в самой худшей из мук,
в муке слепоты и невежества.

Они добровольно закрывают глаза и затыкают уши,
как послушные рабы,
и поэтому господа не наказывают их.

Если они не нападают друг на друга
и не подбрасываются в воздух несчастьем,
то им позволено сидеть в земле сколько угодно.
Их клетки защищены,
их аппетиты утишены.

Спящая душа
легко удерживается в рабстве
ломтем мёртвого животного,
или куском жёлтого металла,
или парой молочных желёз.

Демоны расторопны
и не тратят сил понапрасну.

Но как только разумение души возрастёт
капля за каплей, смерть за смертью, рождение за рождением,

как только душа начнёт видеть блистающий сгусток духа,
подобно слепцу, вновь обретающему зрение,
начинающему смутно различать
свет полуденного солнца –
вот тогда демоны начинают действовать.

Пробуждающаяся душа
больше не удовлетворена куском насущного хлеба
или трением половых органов друг о друга.
Она понимает, что ей швырнули мелочь
в обмен на вселенную.

Тогда демоны сжимают руки,
подчиняя себе душу
более острыми желаниями.

Чем выше ты поднимаешься,
тем сильнее ветер,
жгучее дождь,
громче раскаты грома.

Весь мир встаёт на дыбы,
пытаясь запугать крота,
осмелившегося поднять свой нос к небу,
и загнать его обратно в грязную нору.

Этот мир отдан демонам.
Меньшие из них остаются невидимыми,
а более могущественные кажутся богами.
Те, кто их видит, наделяет их формой.

Как ужасны были мучения Иова,
когда один демон предал его другому!
Его дети были убиты,
его дом рассыпался в прах,
его скот, его имения – всё пропало во мгновение ока.
Он сам, больной, покрытый струпьями,
сидел в пыли, в грязи,
оплакивая свою судьбу
и своё краткое, бессмысленное благоденствие.
А потом демон пришёл к нему
и кичился перед ним, и оскорблял его,
и запугивал его дутыми образами.

Ведь, по словам Юнга,
Яхве чувствовал, что
«человек обладает бесконечно малым,
но всё же более насыщенным светом, чем обладает он, Яхве».

Душа Иова

поместила своё тело мудро в этом мире
и, более не отвлекаемое материальными нуждами,
начала развиваться
слишком быстро, слишком опасно для своих стражников,
вот они и набросились на неё, и попытались раздавить её тенями.

Они желали смирения Иова, поэтому он дал им своё смирение,
и подчинился им внешне, и получил обратно своё благоденствие,
и новых детей вместо убитых,
ведь у демонов нет силы восстанавливать жизнь.
Они оскорбляют скорбь дарами.

Ты только подумай, Лахес.
Между первым нападением на Иова и вторым
кто знает сколько времени прошло,
дни, недели, месяцы,
прежде чем небесные силы собрались вновь?
И всё это время бедный человек пытался держать прямо
своё тело, ещё не поражённое болезнью.

А когда Яхве дал ему новых детей,
конечно же, они не были рождены
его уже старой женой,
но другими женщинами, возможно, его служанками.
Плод брачной любви
пропал навсегда. О женщине, убитой горем,
никто не говорит, если это вообще кого-нибудь заботит.

Но всё, чего достигли демоны –
это сильнее толкнули Иова к освобождению
ведь ныне он постиг ещё глубже
истинную цену теней
и научился скрывать своё презрение.

Вспомни «Илиаду»
и других демонов, которых так славно описывает Гомер,
демонов элладских небес.

Как они играют людьми,
как тянут за нити
позвякивающих доспехами марионеток!

Они натравливают душу на душу
и сидят, забавляясь зрелищем бойни,
эти греческие демоны в белых и пурпурных хитонах,
с телами, сотканными из росы и жертвенного дыма.

Когда душа начинает обретать зрение,
она должна подготовиться к нападениям,

к искушениям, становящимся более горькими с каждым шагом,
даже к уничтожению тела.

Демоны готовы пойти на всё,
чтобы запугать пробуждающуюся душу.

Если ничего не помогает,
то они убивают её тело, стирают память души
и швыряют её в новое рождение.

Мы видели, как очень одарённые люди,
люди светлого гения,
Лермонтов, Шелли, Джорджоне, Пико делла Мирандола
и так много других
были уничтожены в ранней молодости,
потому что стали слишком опасными, слишком пронизательными.

Жизнь почти каждого гения
полна тяжких трудов и бедствий,
потому что гений плывёт против течения,
и весь материальный мир сопротивляется ему.

Если бы их оставили в живых,
то эти светлые умы освободили бы и себя, и других,
поэтому на них и была натравлена смерть,
как бешеная собака, которая не нюхает то, что кусает.

Некоторые умирают в ужасной агонии,
как Джордано Бруно,
некоторых мучает нерешительность,
как Леонардо да Винчи,
некоторые сходят с ума,
как Гёльдерлин.

Других, которым помогают выжить,
как Гёте, победившему смертельную болезнь,
терзают обязанности, и посетители,
и шум ткацких станков.

Всегда есть человек из Порлока,
приходящий к тебе в своих скрипящих ботинках
по важному делу –
погублению твоей души.

Когда разрушение больше не помогает,
когда смерть больше не стирает свет памяти,
демоны сгущаются и выползают на свет,
скрюченные, осязаемые,
как черви с человеческими головами,
или русалки, со свистом проносящиеся по воздуху,

или близнецы, поедающие друг друга при помощи вилки и ножа,
или чудовищные птицы на драконьих лапах.

Чем ужаснее они выглядят,
тем меньше вреда они могут причинить,
ведь омерзительный внешний вид – их последнее оружие.

В нашем искусстве, Лахес, возможно, самое поразительное описание последней битвы между душой и её стражниками, битвы, разыгравшейся на пороге материи – Искушение Св. Антония.

ЛАХ. Ему действительно не повезло. Я всё ещё помню, в каком я был шоке, увидев того Босха в Лиссабоне.

ГЕРМ. Когда демоны начинают приставать к тебе, это означает, что ты на правильном пути.

ЛАХ. Но неужели всем нам придётся пройти через насильственную смерть, или сумасшествие, или ужасы, испытанные Св. Антонием?

ГЕРМ. Я не знаю, Лахес. Надеюсь, что нет. Не недооценивай силу своей души. Она способна на великие вещи, потому что оживлена божественным светом.

Будь с ним, смотри на этот свет, думай об этом свете, и тьма рассеется, и демонические формы отступят в свою ревущую бездну. Мы не слабее демонов. Мы просто находимся в невыгодном положении пленников, ум которых затуманен. Лучшее в нас не может быть затронуто демонами. Над божественным в нас у них нет ни малейшей власти. Всё, что они могут сделать в большинстве случаев – это попытаться напугать нас, заставить нас замедлить свой духовный шаг и нанести вред самим себе.

ЛАХ. Гермоген, я хочу ещё что-то спросить.

ГЕРМ. Спрашивай.

ЛАХ. Если моя душа пленена в этом теле, почему я не могу убить это тело и освободить душу?

ГЕРМ. Да. Это было бы так просто, не правда ли? Немного боли, а, может быть, даже совсем без неё, а потом свобода! Я думал об этом, когда был очень молод. К большому счастью, я решил не делать этого. Нет лёгких путей, Лахес. Самоубийство не достигнет своей цели. Оно может даже ухудшить твоё положение.

ЛАХ. Но почему?

ГЕРМ. Потому что твоя память будет снова стёрта, и тебя снова бросят в другое тело. Ты можешь даже переродиться в худшей ситуации, чем раньше, вследствие того, что ты сделал. Хотя ты не будешь помнить, как убивал себя, в тебе будет жить скорбь этого убийства.

Представь себе путника,
восходящего на гору.

Тропа вьётся вверх, путник тяжело дышит и обливается потом.

Устав от восхождения, сведён с ума постоянным трудом,
он решает спрыгнуть с тропы, думая, что тогда он взлетит на вершину.
Но взлетит ли он? Конечно, нет.

Он низвергнется вниз и упадёт на более низкий виток спирали.
Раненный, покрытый синяками, он снова должен будет карабкаться вверх,

но теперь ему будет ещё труднее,
ведь пути назад нет,
и каждый путник бессмертен.

Кроме того, самоубийство ничем не отличается от убийства другого человека. Убийство есть убийство, и оно наносит душе величайший вред. Что посеет душа, то она и пожнёт. Убийство – это дело демонов. Совершая убийство, мы уподобляемся демонам.

ЛАХ. Понимаю.

ГЕРМ. Однако могут быть некоторые исключительные обстоятельства, при которых самоубийство может считаться оправданным. По крайней мере, стоики так полагали.

ЛАХ. Что это за обстоятельства?

ГЕРМ. Первое – это сумасшествие. Второе – недейственность тела из-за несчастного случая или болезни, когда тело неспособно функционировать и становится ужасным бременем, делая работу души невозможной. Третье – это когда человека вынуждают совершать поступки, которые хуже, чем самоубийство. Я должен повторить: самоубийство никогда не является хорошим делом. Его можно оправдать иногда, но твоя работа остаётся твоей работой, и ты должен будешь её сделать. Менять тела – это как менять одежды. Одни стесняют движения, другие слишком свободны. Одни красивы, другие безобразны. Но тот, кто носит их, остаётся тем же. Одевание и раздевание не меняют человека.

ЛАХ. Последние снопы лучей
развязаны ветром.

Лучи начинают исчезать, каждый со своей середины,
оставляя оба своих конца покачиваться в позднем полуденном тумане,
как согнутые стрелы, лежащие в пурпурном ручье,
когда их наконечники и оперенье выступают из воды,
а древки утоплены.

Запели цикады. Их не заботит буря.

Они поют и поют каждый вечер, будто зовут кого-то.

ГЕРМ. Может быть, тот, кого они зовут, придёт к ним однажды.

ЛАХ. Слушая тебя, я всё время думал об одной вещи. Я надеялся, что ты сам заговоришь о ней, но ты пока этого не сделал. Мой вопрос касается Бога.

Почему ты улыбаешься?

ГЕРМ. Потому что я знаю, о чём ты хочешь спросить.

ЛАХ. Тогда я спрошу.

Если искры Бога
размётаны по материальному миру
и пленены в нём,
то почему же Бог,
если Он всемогущ и всеосладевателен,
просто не соберёт их
и не принесёт их домой?

Ведь Бог способен это сделать, не так ли?

Никакой Демиург, никакие демоны Его не остановят, ведь так?

ГЕРМ. Я ждал этого вопроса. Он мучил меня самого, пока я не понял.

ЛАХ. Ну так он теперь мучит меня! Как может Бог сидеть и наблюдать, как его искры страдают в материи, разрываются демонами? Как Он может видеть это и ничего не делать? Ведь Он всемогущ!

ГЕРМ. Во-первых, Лахес, искры не страдают и страдать не могут. Ничто не может повлиять на них, ничто не может принести им вред, потому что они – Бог.

ЛАХ. Но ведь материя, если бы в ней не было этих искр, не имела бы жизни и тоже не могла бы страдать!

ГЕРМ. Совершенно верно. Что же тогда страдает?

ЛАХ. Да! Что страдает, Гермоген?

ГЕРМ. Страдает душа.

ЛАХ. Ты уже много раз говорил о душе. Я всё ждал, пока ты объяснишь, что ты называешь «душой».

ГЕРМ. Душа и есть ответ на главный вопрос, то есть, почему Бог, будучи всемогущим, просто не заберёт к себе свои искры и не закончит весь этот театр теней.

ЛАХ. Именно. Почему Он этого не сделает?

ГЕРМ. Чтобы собрать что-либо, нужно сначала это уронить. Чтобы найти, нужно потерять. Однако искры не были ни уронены, ни потеряны. Бог не может ничего потерять. Потеряно было что-то иное. Вернее, даже не потеряно, но оно изначально не было с Богом.

ЛАХ. Ты говоришь о душе?

ГЕРМ. Да, о душе.

Когда одна ладонь трётся о другую,
получается тепло. Это тепло не является ни той, ни другой ладонью.
Оно принадлежит им обоим и ни одной из них. Оно – результат трения.

Когда дух трётся о материю,
появляется душа. Она ни дух, ни материя.
Она есть и то, и другое, а также ни то, ни другое. Она – результат взаимодействия.

Душа развивается, разворачивается, как чашечка мака,
чьи лепестки – тело, а запах – разум.

Тусклая поначалу, она светлеет, поднимаясь сквозь тела,
восходя по лестнице творения,
пока не начинает постигать то, что ощущает.

Душа – это звено, связывающее тело,
машину, ходячую клетку, создание Демиурга,
с духом, искрой Бога,
совершенным светом и полнотой бытия.

У души есть чувства и эмоции, дар тела,
и есть разум, дар духа.

Души – это мы и есть,

плод трения, тепло сопротивления.
 Одна душа объединена с другими и всё же неповторима,
 и каждая личность – музыка случая,
 написанная на нотном стане необходимости.

ЛАХ. Хорошо. Но почему же тогда Бог не заберёт искры вместе с душами?
 Почему он допускает, чтобы души страдали? Где Его милосердие? Где Его сострадание?

ГЕРМ. Бог допускает, чтобы души страдали, потому что Он всеблаг и всеосстрадателен.

ЛАХ. Но я не понимаю!

ГЕРМ. Ты слишком разгорячён, Лахес. Если бы ты успокоился...

ЛАХ. Но я не хочу успокаиваться! Я хочу знать, почему Бог не забирает нас к Себе прямо сейчас, в эту самую минуту!

ГЕРМ. Ты хочешь, чтобы Бог вторгся в этот несчастный мир во главе ангельских воинств, чтобы Он раздавил этот мир и всех демонов, чтобы Он уничтожил всё это зло?

ЛАХ. Да! Почему Бог не сделает этого?

ГЕРМ. Другими словами, ты хочешь, чтобы Бог стал насильником, уничтожителем, чтобы Он стал чем-то, чем Он по самой своей сути быть не может? Бог не может убивать и не может уничтожать даже злую тварь. Что же касается тебя, то Он не забирает тебя потому, что желает тебе жизни. Если бы Он забрал тебя сейчас, твоя душа погибла бы.

ЛАХ. Почему же?

ГЕРМ. Потому что наши души слабы
 и не смогли бы выдержать шок мгновенного спасения.

Если человека, прошедшего всю жизнь в темнице,
 поставить под ослепительный свет солнца,
 он потеряет зрение.

Если человека, не умеющего плавать,
 бросить в глубокие воды,
 он утонет.

Если человека, голодавшего долгое время,
 накормить обильной пищей,
 он будет отравлен ею.

Фонарик осветил тебе в глаза,
 и ты зажмурился и отвернулся.
 Ребёнок закричал рядом с тобой,
 и ты закрываешь уши ладонями.
 Ты прочитал философскую книгу,
 и твой мозг распался до боли.

Ты можешь смотреть на восходящее солнце
 только сквозь занавеску, натянутую на окно.
 Если отодвинуть занавеску,
 ты закрываешь глаза.

В таком состоянии
как же ты выдержишь
божественный свет,
божественную гармонию,
божественную мысль?

Бог не даёт нам немедленного спасения,
потому что Он ценит нашу жизнь.

Ты должен помнить, Лахес,
что души появились не в Боге,
что они не были созданы Демиургом.

Они возникли здесь, в этом мире,
вследствие взаимодействия духа и материи,
в результате трения между ними.

Дух тянет наши души вверх,
а материя тянет их вниз.
Их разрывают эти противодействующие силы.

Чтобы занять своё место рядом с Богом,
души должны расти постепенно, жизнь за жизнью,
благодаря собственному усилию.

Они должны развить в себе понимание,
пока достаточно не окрепнут для того,
чтобы выдержать божественное.

В нас есть жемчужина,
маленькое полуденное солнце,
которое не ведаёт ночи,
не скрывается за тучами.

Твоя душа – отражение этого солнца
в тёмном, плещущемся океане материи.
Этот океан щетинится формами,
они выскакивают одна за другой,
уничтожают, заменяют одна другую
в непрерывном прибое творения.

Твоя душа – это и свет, и материя,
мерцание вечного солнца и шуршание плоти.
Твоя душа живёт между этими противоположностями,
разрываемая, порождаемая ими.

Куда влечёт её?
И к материи, и к духу.
Но чьё влечение сильнее?

В этом выборе, в этом выборе
заключается свобода твоей души, её своеобразие.

Как твоя душа живёт, как она выбирает,
на что она обращает своё внимание –
это лишь она одна может решить.

Свет искры в душе –
светлеющая тропинка, она всегда там,
она всегда зовёт душу домой.

Если душа хочет выжить,
то ей следует смотреть на этот вечный свет,
а не на игру
извивающихся теней.

ЛАХ. Но... но почему же Бог, если Он всемогущ, не сделает души сильными?

ГЕРМ. Потому что Бог не способен на принуждение, а таковая навязанная душам сила будет насилием над ними. Навязанное добро есть не добро, но зло. Мы должны сами вырасти, медленно и по-своему. Только тогда наша сила будет действительно нашей. Если душа не желает слушать дух, если она выбирает жизнь в материи и смерть вместе с ней, то она имеет на это полное право. Душу нельзя заставить спастись. Жизнь нельзя воткнуть в тебя, она не копьё.

ЛАХ. Но ведь душа может просто не знать, что является для неё благом! Если ты увидишь ребёнка, протягивающего руку к отраве, разве ты не остановишь его?

ГЕРМ. Остановлю, конечно. Наши души всё ещё живы и не уничтожены демонами именно потому, что кто-то постоянно препятствует демонам. Наши души не нужны Демиургу. Они – нежелательный побочный продукт творения. Он с радостью уничтожил бы их или хотя бы сделал их бесчувственными, если бы мог. Однако есть разница между помощью и насилием. Если кто-то хочет принять яд и не слушает уговоров, то он примет яд. Желание жизни есть выбор. Выбор жизни есть право.

Этот мир,
его хаос, его жестокое несовершенство
терпится Богом ради наших душ.
Наши души – единственная ценность во всём творении.
Всё остальное – лишь ветер и тени.

Но эти тени нельзя рассеять,
потому что тогда уничтожатся и души,
а Бог не способен на уничтожение.

Души не могут быть извлечены из мира,
потому что их корни всё ещё увязли в материи.
Вырвать их – всё равно, что разорвать их напополам.

Вот поэтому мир будет существовать,

пока все души, желающие жизни,
не пробудятся и не взойдут
сквозь наслоения теней
ко всё более тонкому свету духа,
пока последние сгустки материи не растворятся.

Сам этот мир
восходит мало-помалу
и очищается от своей грубости
в каждой вознёсшейся из него душе.

Души не пробуждаются все вместе,
но выскальзывают из этого мира одна за другой.

Душа не есть
бесмысленное сочетание духа и материи.
Если бы душа не имела значения,
то дух вернулся бы к Богу,
и маскараду Демиурга пришёл бы конец.

Душа оставляется в материи,
не получая немедленного спасения,
именно потому, что Бог признаёт её
самостоятельным существом,
которому предложено бессмертие.

Душа не спасена,
потому что она спасается.

ЛАХ. Значит, нам нужно просто ждать, пока мы не созреем?

ГЕРМ. Если ты будешь ждать, твоя душа погибнет. Ей предложено бессмертие, но это не значит, что она уже бессмертна. Вся материя будет растворена в духе. Если в это время твоя душа всё ещё увязана с материей, то она исчезнет вместе с ней.

ЛАХ. А когда это произойдёт?

ГЕРМ. Я не знаю, но это произойдёт. Этот мир не создан вечным. Он уже приближается к своему концу. После него будут новые миры, как были миры и до него.

ЛАХ. Почему ты думаешь, что этот мир завершается?

ГЕРМ. Потому что люди в свою очередь начали творить. Поскольку бóльшая часть созданного ими лишена мудрости, то началось разрушение планеты, на которой мы живём. Демиургу следовало бы остановиться на животных, однако его собственные порывы действуют против него, ведь в нём тоже есть искра, движущая его к несозданному, к совершенству. Когда появились люди, Демиург начал терять контроль над этим миром. Люди тоже начали создавать, и возникло противоречие между их трудом и трудом Демиурга. Человеческие существа уничтожают природу, животных и себя самих. Они не желают есть пищу, выращенную для них Демиургом, но создают собственные смеси, от которых начинают болеть и умирают. Наша любознательность неостановима. Ребёнок не успокоится, пока не разломает игрушку на части. Люди не

остановятся, пока не разломают свой мир. Или, возможно, Демиург более коварен, чем мы осознаём. Понимая, что, если мы будем следовать природному пути, то мы быстро вырастем и сбежим от него, он способствует росту цивилизации с её войнами, с её безумием и болезнью – всё для того, чтобы занять нас и сократить нам жизнь.

ЛАХ. Об этом стоит подумать.

ГЕРМ. Иметь дело с животным легко, оно ведь не думает или, по крайней мере, не думает с той интенсивностью, которая необходима для осознания своей ситуации. Животное проживает свою короткую жизнь, следуя инстинктам. Оно ведёт себя согласно своей программе. Затем, в результате улучшения работы Демиурга, которому способствует совершенство искры, появляются люди. Ситуация становится сложной для Демиурга и его демонов. Люди думают больше и помнят больше.

Они должны были жить, как счастливые животные, здоровые, с тусклым рассудком, приходя и уходя сообразно своей природе. Именно так оно и было вначале. Плоды росли на деревьях. Вода была чистой. Силки были не тугими, почти незаметными. Но весьма скоро Демиург понял свою ошибку. Если людям дать слишком много свободного времени, да ещё здоровье и долголетие, то они станут очень сильными, объединятся и завоюют себе свободу. Значит, нужно их чем-то занять. Демиург заморозил эту планету, покрыл её льдом. Множество фруктовых деревьев погибло, и ночь спустилась на крыльях из чёрного сатина. В отчаянии мы начали пожирать трупы животных, погибших от холода и голода. Мёртвая плоть изменила нас. Изнурительные условия изменили нас. Нам пришлось сражаться друг с другом за пищу и территорию, которых оставалось так мало. У нас просто не было времени для того, чтобы проводить свою жизнь, вглядываясь в искру внутри нас. Всё стало плотью, которая просто силилась выжить.

Наши тела, рассчитанные на растительную пищу, пропитались смертельным ядом мяса. Мы стали слабыми, постепенно, поколение за поколением, из-за непрерывных бедствий. Поэтому человеческая жизнь значительно сократилась. Забота о теле отвлекала нас от возвращения домой. Современное человечество произошло от своих несчастных и мужественных предков. Нам больше не нужно бороться за выживание, и всё же привычки предков продолжают жить в нас. То, что тогда помогло нам выжить, теперь убивает нас.

Это всего лишь теория, Лахес, но, думается, она просветляет что-то. Возможно, события происходили иначе, однако значение нашего прошлого ясно. По крайней мере, мне самому. Большинство людей находится в полном пленении, оно увязло в материальном мире и собственных изобретениях. Люди живут в тюрьме и даже не понимают этого.

ЛАХ. Не знаю даже, что и сказать...

ГЕРМ. Представь себе тюрьму, Лахес.

Тёмные камеры набиты людьми.

Снаружи,

сквозь решётчатые окна, прорезанные высоко в стенах,
падает тусклый свет,

которого хватает лишь на то, чтобы осветить мертвенно-бледные, отупевшие лица.

Никто точно не знает,
есть ли что-нибудь за пределами тюрьмы,
и кто построил её,
и почему они здесь.

Некоторые люди проводят свою жизнь в дремоте,
прижав носы к стенам.
Иногда они пробуждаются на краткое время,
чтобы проглотить еду, которую им бросают
сквозь дыру в потолке,
а потом снова поворачиваются к стене и засыпают.

Некоторые мастурбируют
или совокупаются друг с другом,
а потом отдыхают, набираясь новых сил.

Некоторые шутят
или выходят в середину камеры,
чтобы потанцевать и попеть, развлекаая других.

Некоторые сидят и болтают
без конца об этой тюрьме, в которой находятся,
потому что не знают ничего иного.

Некоторые, чтобы хоть как-то сделать свою жизнь выносимой,
рисуют на стенах изображения тюрьмы,
или напевают мелодии собственного сочинения,
или читают поэзию, описывающую камеры.

Другие, наделённые лучшим слухом,
могут различить тонкий шорох деревьев, доносящийся из окон,
или поступь дождя, идущего на своих мягких лапах
по мшистым черепицам крыши,
они даже слышат иногда
щебет воробьёв или воркование голубей,
и пытаются подражать этим таинственным звукам,
создавая песни или картины.

Большинство этих людей
полагает, что их тюрьма – это всё, что существует.
У многих есть свой излюбленный кусочек
пола, где-нибудь в углу,
и они часто сидят там,
называя этот кусочек пола своим домом.

Многие сходятся и рожают детей,
обрекая их на такое же безотрадное существование.

Если ты спросишь их, почему они приводят ещё больше людей в тюрьму, они ответят, что им необходимо почувствовать радость отцовства и материнства, радость заботы о ком-то, радость быть любимыми, чувство осуществления, которое охватывает их, когда они думают о том, что оставят кого-то после себя в этой тюрьме, в их любимой камере, кого-то, в чьих жилах будет течь их кровь, кто будет помнить о них, когда их уже не будет.

Эти люди пытаются продлить срок своего заключения косвенно, посредством своих детей.

Многие не ответят даже это. Они производят потомство бездумно, потому что так делают все, потому что «в этом смысл жизни».

Некоторые заключённые собираются в группы и притесняют других, отбирая у них пищу, насилюя женщин, расчищая для себя больше места. Они сходятся в какой-нибудь камере и называют её своей родиной, своей страной. Они мешают другим выходить из этой камеры, избивая их или заставляя их вставать на колени в углу.

Иногда между камерами начинаются войны, и одна группа пытается отнять у другой больше места на полу, или женщин, или просто излить на неё свою злобу.

Некоторые становятся проповедниками и бродят туда-сюда вместе со своими последователями, восхваляя милость создателя тюрьмы и красоту этих камер, и премудрость архитектуры здания. Воздайте ему славу, кричат они, ему, кто так хорошо заботится о нас, кто возвёл это величественное строение, создал эти комнаты, наполненные приятным сумраком, защищающие нас от ветра и дождя, воздайте ему славу, бросающему нам еду сквозь дыру в потолке, любящему нас так сильно!

Конечно же, проповедники начинают не соглашаться друг с другом о том, сколько было строителей тюрьмы, один, или трое, или трое в одном, или множество, и как нужно правильно взывать к потолку, чтобы сквозь него продолжала падать пища.

Вскоре они начинают пытаться убивать друг друга,

собирать свои банды, пытаясь истребить
всех, кто не согласен с их мнением.

Это шумная тюрьма, Лахес.
Она сотрясается от криков рождения и смерти,
звучащих одинаково жестоко.

Многие из этих несчастных
учатся ловить крыс и мышей,
или даже нетопырей, с визгом летающих в ночи по душному воздуху.
Они поедают свою добычу, и заболевают,
и умирают в мучениях.

Но всё же, несмотря на смятение
и насилие, которому эти люди подвергают друг друга,
заставляя друг друга работать, кланяться, подчиняться,
есть и блаженные создания,
ходящие со счастливыми улыбками на лицах,
говорящие, как благодарны они за то, что им дарована жизнь,
как важно ценить каждое мгновение этой чудесной жизни
и как признательны они строителям тюрьмы
за такой бесценный дар – возможность блуждать по её коридорам,
вдыхать этот воздух, есть эту пищу!

Есть и другая группа людей.
Эти борются за улучшение условий в тюрьме.
Они метут пол, моют стены,
ведут переговоры с бандами, за что часто расплачиваются жизнью,
шагают в маршах протеста по коридорам.
Это, конечно, улучшает их умственное состояние
и наполняет их жизнь значением, подобием смысла.

Когда заключённый умирает,
его труп лежит на полу и гниёт прямо там.
Никто не приходит забрать его.
Он гниёт, и разлагается, и просачивается в щели между камнями,
из которых сложен пол.

Живые накрывают мёртвых,
потому что смотреть на них слишком тошно.

Некоторые верят, что в конце их тюремного срока будет освобождение.
Они ждут его с тоской. Они считают дни.
Некоторые, более отважные,
разбивают себе головы о стены или вскрывают себе вены костями крыс.

Эти люди заблуждаются.
Так освободиться нельзя,
потому что другие,
те, что хотят испытать радость отцовства и материнства,

делают для них новые тела,
в которые они перерождаются,
чтобы влачить своё жалкое существование дальше и дальше.

Лишь немногие из заключённых
угадывают по тонкому мерцанию,
падающему сквозь решётчатые окна,
что существует иной мир,
лучащийся светом, полный безграничного пространства,
быть может, их родной мир,
с которым их разъединили так жестоко.
который отобрали у них.

Они бродят по камерам, по тёмным коридорам
в отчаянии, в тоске,
и если встретят кого-нибудь, кто понимает их,
то не хотят с ним расставаться,
и остаются вместе, создавая теории,
освобождая друг друга, по крайней мере, словами.

Некоторые из этих людей, более решительные,
трудясь долго, с огромным терпением,
учатся вить верёвку
из крохотных кусочков материи,
собранных то здесь, то там в течение многих лет,
и, наконец, один или двое
карабкаются на плечи других,
привязывают эту верёвку к решётке какого-нибудь окна,
а потом, задыхаясь, с ужасной болью в слабых руках,
подтягиваются вверх.

Иногда верёвка рвётся
и человек падает
на каменный пол,
ломает кости, а иногда и гибнет.

Но некоторым всё-таки удаётся взобраться наверх.
Они висят там на своих дрожащих руках,
задыхаясь от восхищения, потрясённые до глубины души,
с глазами, полными слёз, содрогаясь,
почти ослеплённые светом.

Они висят там
и видят тюремный двор,
высокие стены, сложенные из ржаво-красных кирпичей,
зелёные деревья, шуршащие на ветру,
и крыши, и голубое небо,
и там, над треугольной дерзостью крыш,
мягкие, девственные холмы,
а далее – море, и белые паруса, блуждающие по гавани,

и фиолетовую линию горизонта.

Другие, смотря сквозь другое окно,
видят другое – возможно, тюремные ворота,
и улицу, ведущую вниз, к пригоршне домов на равнине.

А прочие, вскарабкавшиеся ночью,
видят чёрную материю неба,
всю испещрённую дырами,
как огромный кусок замусоленной парусины,
наброшенный на что-то необычайно яркое.

Они спускаются оттуда
другими людьми. Они пытаются объяснить заключённым,
что́ они видели, рассказать им о холмах, и о море, и о белых парусах,
но никто не понимает их. Более того, их рассказы отличаются один от другого.
Иные слушатели сердятся на них, иные называют их безумцами,
иные верят им и жаждут тоже вскарабкаться на окна.

Эти последние
либо сидят и бесконечно обсуждают то, что им рассказали,
давая полную волю своему воображению,
переполняясь теориями и образами,
либо учатся тоже вить верёвки и стоять на плечах друг друга.

Когда проповедникам докладывают об этих людях,
они приходят к ним и обвиняют их в нарушении тюремных законов.
Мы не должны вить верёвки, говорят они,
это богохульство – глазеть сквозь окна,
и прельщаться видениями, и преисполняться гордыни.
Если строители поставили окна на такой высоте,
то, очевидно, они не желают, чтобы мы туда лазили.
Покайтесь, вы, грешники, пока вы не накликали их гнев
на себя и на нас,
молитесь создателям этого прекрасного места,
чтобы они послали вам веру!
Разве вы не знаете, что видения,
которые, как вы заявляете, вы видели сквозь те окна,
суть образы, насылаемые демонами,
чтобы совратить вас в нескончаемое проклятие?
Противьтесь такому искушению,
повернитесь лицом к стене, каждый в своей камере,
уважайте тех, кто издевается над вами,
потому что они – власти, ниспосланные свыше,
откуда к вам падает пища!

Если же вы не покаетесь и не забудете своё помрачение,
мы знаем, как остановить вас!

Они стоят, окружённые своими учениками,

их глаза исполнены гнева и ненависти,
и страха,
они потрясают кулаками, они брызжут слюной.
Это страшная картина,
и многие отступаются, и многие каются,
и убеждают самих себя, что их действительно совратили демоны,
и молятся создателям тюрьмы,
или, по крайней мере, делают вид, что молятся.
Но есть и такие, что отказываются повиноваться проповедникам, и тогда их убивают,
жестоко, безжалостно, с радостью и благочестием,
пока другие бедняги стоят и кивают головой.

Так и получается, что те счастливцы,
которые взобрались на окна
и обхватили ржавые решётки собственными ладонями,
а также те, кто верит их несвязным рассказам,
принуждены работать тайно,
прячась по углам, ночами,
когда бандиты и проповедники храпят,
набив себе животы дохлыми крысами и мышами,
отобранными у тех, кто их наловил.

С течением времени верёвки
становятся прочными и уже не лопаются так часто,
руки крепнут от упражнений.
Найдено несколько слабых стержней,
хрупких, проржавевших до сердцевины.
Если вынуть эти стержни,
то получится достаточно места, чтобы протиснуться наружу
тем, у кого худое тело,
не ослабленное бездельем,
не раздутое от избытка пищи.

Итак, нескольким заключённым удаётся проникнуть в тюремный двор.
Поскольку они делают это ночью,
то ночной двор – это всё, что они видят.
Ветер путает им волосы,
звёзды падают на дно их изумлённых глаз.
Некоторые пугаются и возвращаются в свои камеры,
некоторые пытаются спуститься со стены, срываются и разбиваются насмерть,
а некоторые, после долгих попыток,
всё-таки спускаются во двор, где тюремщики закалывают их копьями.
Впрочем, создатели тюрьмы не приходят
заменить прогнившие решётки новыми,
и работа продолжается.

Заключённые, осознавшие своё положение,
делятся на два вида.
Первый ненавидит тюрьму и не хочет иметь с ней ничего общего.

Всё, к чему такие люди стремятся – это перелезть через высокие стены и сбежать.

Другая группа не питает ненависти к тюрьме, но смиряется с её неизбежным присутствием, изучает её, работает вместе с ней против неё.

Эти люди осматривают стены, определяют их состав, находят все трещины, собирают сведения о дворе, и о стенах, и о крыше, и о поведении стражей, полагая, что чем больше они знают о тюрьме, тем легче будет избавиться от неё.

Так и получается, что некоторым людям удаётся сбежать из заключения благодаря своей отваге или знаниям, выскользнуть ночью, завернувшись в тьму, разукрашенную блёстками звёзд, как в чёрный плащ с золотыми пуговицами.

Они бредут и бредут в ночи, они отдыхают в траве, пока роса не начнёт набухать на стеблях и не выйдет потрясающее солнце, и они омыают свои тела в ручье, и срывают спелые плоды с деревьев, и, впервые в жизни, их жажда утолена, их голод насыщен.

Большинство этих людей исчезает навсегда, но очень немногим невыносим побег, когда столь многие мучатся в смердящих камерах, наполненных испражнениями, сотрясаемых криками горя и ярости. Эти благородные души идут назад, чтобы научить других выбираться на свободу, рассказать им о свежем воздухе, о холмах, о долинах, глядящих маргаритками и жимолостью, о бескрайних океанах, которые давят на горизонт и заставляют его звенеть от напряжения, подобно упрямой струне на голубой лютне, о чистом серебре, вырывающемся из китовых горбов, о стаях дельфинов, прыскающих по бокам белопарусных кораблей, и о многих-многих вещах, которые заставляют головы покачиваться в сомнении, а глаза взрываться слезами.

Так-то, Лахес.

Если бы заключённые были организованны, они легко бы вскарабкались на окна

и не только сняли бы несколько стержней,
но повыламывали бы все решётки.
Они вылезли бы на крышу,
а потом спустились бы вниз,
и уничтожили бы стражей,
потеряв несколько жизней, да,
но стражи не смогли бы остановить их всех.

Эти заключённые разломали бы ворота
и вышли бы на свободу,
в мир, по праву принадлежащий им,
который у них отобран.

Или они перестали бы
зачинать детей
и поумирали бы один за другим, и никогда не возвратились бы.

Впрочем, единства между людьми нет,
и общий побег невозможен.

Самое грустное то,
что почти все из них даже не понимают, где они находятся,
и не станут слушать,
даже если кричать им прямо в ухо.

Можно достичь лишь индивидуального спасения
благодаря труду, и терпению, и знанию.
Мы выскальзываем из этого мира,
как бегущие заключённые, ночью, пока дочери рассвета не начали петь.

ЛАХ. Гляди, Гермоген! Что за странный свет растекается по небу! Солнцу
пора бы уже исчезнуть, а оно всё висит за комками упрямых туч.

ГЕРМ. Есть что-то недоброе в этом свете. Золото, блестящее, как сталь.

ЛАХ. Мне грустно, в голове какая-то неусидчивость. Я не знаю, что думать.
Хочу задавать вопросы, однако они разбухают в голове визжащей массой.

ГЕРМ. Пусть повизжит.

ЛАХ. Следует похвалить тех заключённых, которые улучшают условия
жизни в тюрьме, а не думают эгоистично о побеге.

ГЕРМ. Это иллюзия помощи. Можно сидеть с другими сколько хочешь,
можно менять бинты на их ранах, можно пытаться развеселить их, но ни одно из
этих действий не изменит причины их горя. Спаси сначала сам себя, а потом
сможешь сделать что-нибудь и для других. Один заключённый бесполезен для
другого, если не знает, как выбраться из тюрьмы. Более того, улучшение
условий заключения лишь делает тюрьму более выносимой, ослабляя желание
сбежать из неё. Ты должен вскарабкаться к тем окнам сам, ты должен ломать
собственные ногти, вывихивать собственные запястья. Недостаточно знать
устройство окон, состав решёток и точную длину стен. Если ты знаешь всё, что
можно знать о месте своего заключения, но не действуешь согласно этому
знанию, то ты просто очень умный узник, сидящий взаперти так же, как и
глупейший из дураков.

ЛАХ. Значит, мы находимся в тюрьме прямо с начала нашей жизни?

ГЕРМ. Да. Мы рождаемся уже в тюрьме. Умирая и вновь появляясь на свет, мы просто перемещаемся из одного слоя материи в другой. Это подобно движению из одной камеры в другую. Одна лучше освещена, потому что в ней есть окно, другая замусолена полумраком. Одна более просторна, другая более тесна. Но это всё – тюрьма. Иногда она даже выглядит приятно, как дворец, в котором держат пленного короля – но король не может выйти.

ЛАХ. А этот мир, он дворец или камера?

ГЕРМ. Камера. Сам по себе этот мир – серое, безжизненное пространство, населённое дышащими машинами. Прошли долгие века, пока наши души наполнили его собственной красотой и чувствами, пока научились переносить его без ужаса и отвращения.

Я не знаю, Лахес,
является ли этот мир нижайшим или тягчайшим,
но я знаю, что плоть висит на нас, как свинцовая клеть.

Вновь и вновь
нас бросают в неё, и дверь запирается нашими глазами,
и наши притупленные чувства встают вокруг нас, как решётка.

Скажи мне, почему новорождённые младенцы так много плачут?

ЛАХ. Потому что они хотят есть или у них что-нибудь болит.

ГЕРМ. Детёныши животных тоже хотят есть, и у них тоже что-нибудь да болит, однако они сидят тихо в своих берлогах, боясь поднимать шум, который может услышать хищник.

ЛАХ. Птенцы щебечут.

ГЕРМ. Высоко в гнёздах, под угрозой голода. Как бы там ни было, ни одно животное не визжит так много и так долго, как дитя человека.

ЛАХ. Это правда. Некоторые дети кричат непонятно почему.

ГЕРМ. Их поведение действительно трудно постижимо. Зачем природе нужно так перегружать нежную нервную систему? Почему она не прикажет ребёнку вести себя тихо и не подзывать к себе кого-то, кто ему не мать и не отец?

ЛАХ. Действительно. Многие младенцы орут не переставая. Как ты это объясняешь?

ГЕРМ. Мне кажется, это их душа. Их душа кричит.

Лишь недавно они были духами, ничем не скованными, летавшими по неохватному небосводу, наполнявшему им грудь,
а теперь их снова швырнули в плотную клеть.

Должно быть, это сущая пытка.
Всё болит. Нельзя пошевелиться без боли.

Представь себе, Лахес,
что тебя вот сейчас поймали
и заперли в гроб, сделанный из свинца и стали,
с маленькими дырками напротив отверстий твоего тела!

Иное лицо нарисовано на этом гробе,
твоё же истинное лицо корчится под тем, нарисованным.

Ты заперт и оставлен вот так,
чувствуя, как силы уходят из тебя.

Что за панику, что за ужас чувствуешь ты,
как ты кричишь, зовя на помощь,
пока в тебе ещё остаётся рассудок,
пока он тоже не растает, не угаснет,
и ты не начнёшь считать этот гроб частью себя
и не станешь учиться в нём жить!

Вот что происходит с детьми.

Должно быть, они помнят своё прежнее бытие
и мучительно видят, как растворяются эти воспоминания.

Они не могут двигаться, они чувствуют голод и боль,
чьими рабами они оказались вновь.
Дух рвётся полететь на край вселенной,
просвистеть по небу подобно перистой комете,
но не может. Птица в клетке, и крылья птицы связаны.

Те дети, которые лишь недавно были животными,
ведут себя тише, потому что инстинкт выживания в них более силён.
И те, что были уже много раз людьми,
тоже лежат тише, потому как чувствуют, что плач бесполезен,
что придётся терпеть, пока они не вырастут и не возобновят свой труд.

Лишь те дети, что находятся посередине,
кто уже забыл своё животное состояние,
но ещё не жил достаточно как человек,
кричат больше всего, утомляя себе лёгкие, надрывая голосовые связки.

Проходит время, и память духа исчезает,
и маленькое создание научается жить со своим несчастьем.
Оно плачет меньше и меньше, оно помнит меньше и меньше.
Оно «получает» новую личность,
но всё же его прежняя жизнь
жива в нём. Она не гибнет быстро.

Вот почему малые дети кажутся нам такими невинными.
Они ещё ведут себя, как духи, и это поведение тем более явно, чем меньше
плоть, которая их отягчает.
Есть отблеск более истинного мира на их лицах,
и мы любим детей за этот отблеск,
за то, что они напоминают нам
о нашей лучшей доле.

Потом они подрастают
и видят ничтожество этого мира,
его несправедливость, его лицемерие.

Их тела окрепли
и готовы к действию, но их души ещё помнят,
хотя теперь и очень смутно,
миры лучшие, миры более тонкие.
Эти воспоминания набегают на них мучительными волнами.

Поскольку подростки
продолжают жить с памятью
жизни, прожитой в податливой, послушной, лёгкой материи,
они думают, что и этот мир может изменяться по их воле.
Конечно, мир быстро и грубо ставит их на место,
и многие подростки становятся мерзкими и тоже грубыми.
Мы так привыкли к бунтарству молодых людей,
что вид смиренного подростка вызывает в нас недоверие.

В это время жизни совершается множество безумных поступков,
творится безудержное насилие,
но этот мир сильнее, конечно,
чем надрывы одиноких бунтарей,
и, после мучительных попыток забыться
в жестокости, любви и дурмане,
почти все они пригибают шею,
вдевают её в ярмо и, как покорные ослы на мельнице,
начинают ходить кругами,
с разной степенью смиренности,
день за днём,
наполняя свою жизнь выдуманными обязанностями,
долгом перед обществом и прочим вздором,
чья цель одна – не дать ослиной голове подняться.

В скором времени они начинают плодиться,
то есть, заточать всё больше духов в кожаные гробы.
И всё же есть некое счастье в неослабном родительском труде,
ведь духи приносят на своих крыльях запах нашего истинного дома,
а забота о других возвышает нас над собой,
приближая нас к высшему бытию.

Тем не менее, это обременяет нас тяжким, нудным трудом.
Многие люди, отягчённые
своими детьми, задушенные обязанностями,
мечтают об отдыхе, или же пытаются расслабиться
при помощи таких средств, которые в конце концов их погубят.

Ты видишь нормальных людей, Лахес,
как они бегают кругами, как они окапываются в земле,
ускользающей у них из-под ног,

как они обустроиваются в своих маленьких норках,
 таская туда птичьи перья и сухие листья,
 как они размножаются в этих своих норках
 и спят, прижавшись друг к другу,
 а когда не спят, то просто лежат и жмутся.
 Они, кажется, думают, что их владения прочны
 и продлятся долго. До первой бури,
 до первой лисицы.

ЛАХ. Ты и вправду считаешь наши тела гробами?

ГЕРМ. В определённом смысле. Только вместо трупа внутри находится
 спящий. Когда-нибудь он проснётся и придёт в ужас.

Когда нас швыряют в тела,
 наши природные способности ограничиваются ими.

Наши тела притупляют, отягчают нас,
 опутывают нас свинцовыми волнами
 далеко ревущего моря.

Наши глаза низводят наше зрение до границ глаз,
 наши уши низводят наш слух до границ ушей,
 наш мозг низводит наше мышление до границ мозга,
 а наше тело низводит наши движения до границ тела.

Наши глаза – это двойной покров, натянутый на чистейшую линзу.
 наши уши – это двойной футляр, в котором заперта виола,
 наш мозг – это колпак, надетый на голову сокола,
 а наше тело – это заколоченный дом с узкими ставнями,
 лампада горит внутри, и дом рушится вокруг неё.

Душа разрывается между материей и духом,
 рождённая от них обоих.

Притяжение материи
 постоянно тянет душу вниз,
 к развращённости и тупости животного.

Душа должна двигаться день и ночь,
 чтобы противиться тяготению к смерти.

Это похоже на греблю против сильного течения.
 Чтобы просто оставаться на месте,
 нужно постоянно грести вперёд.

ЛАХ. Теперь оно пропало.

ГЕРМ. Что?

ЛАХ. Солнце. Я больше не вижу его.

ГЕРМ. А я вижу.

ЛАХ. Где?

- ГЕРМ. Оно поднимается во мне. Всегда поднимается.
- ЛАХ. А у меня в груди глубокая ночь.
- ГЕРМ. Это хорошо.
- ЛАХ. Что же тут хорошего?
- ГЕРМ. Глубокая ночь – лучшее время для души.
- ЛАХ. В самом деле?
- ГЕРМ. Да. Глубокие ночи преображаются в рассветы. Ночь – самое тихое время дня. Можно расслышать шёпот, если хорошо прислушаться.
- ЛАХ. А кто шепчет?
- ГЕРМ. Человек в гробу. Но ты не услышишь его, если твоя ночь недостаточно глубока.
- ЛАХ. Ты прав. Я и в самом деле слышу что-то. Не слова, но какое-то оживание.
- ГЕРМ. Оживание. Да, именно это и я чувствовал поначалу.
- ЛАХ. Когда это было?
- ГЕРМ. Много лет назад.
- ЛАХ. Сколько тебе лет, Гермоген?
- ГЕРМ. Слишком много, чтобы всё ещё быть здесь.
- ЛАХ. Скажи мне: души, которые не идут вперёд, что с ними происходит?
- ГЕРМ. Искра внутри нас, та самая, что даёт жизнь каждой душе, не может не двигаться. Она естественным образом стремится к Богу, если можно так о ней сказать. Стремится на самом деле душа. Когда душа находится в животных телах, она движется вперёд бессознательно, поскольку сама по себе она ещё тускла и слаба. Она просто следует за искрой, пока тела сменяются одно другим, достигая всё большей сложности. Животная душа стиснута инстинктами, лишена разума. Демоны не шепчут ей ничего, потому что она всё равно не смогла бы их понять. По мере своего развития душа приобретает разум, и ей даётся человеческое тело. Тогда-то она и начинает чувствовать, как две силы тянут её в противоположные стороны. Поначалу разум полностью совращён инстинктами и удовольствиями. В это время постижение искры очень слабо, искра душой почти не ощущается. Однако, в течение многих жизней, по мере того как разум постоянно обманывается и разочаровывается тщетностью земных устремлений, душа начинает прислушиваться к искре, и делает это со всё большим вниманием. Затем начинается сражение.
- ЛАХ. Сражение?
- ГЕРМ. Да, Лахес.

Душе предлагается вечность,
но душа в это время не бессмертна.

Бессмертие должно быть завоёвано.

Если душа льнёт к материи,
она растворится вместе с материей.

Если душа выбирает дух,
она выживет вместе с духом.

ЛАХ. Значит, такое множество людей, верящих, что они бессмертны,
пребывает в заблуждении?

ГЕРМ. Вполне возможно. Как ты выберешься из реки, если не умеешь плавать? Как ты взберёшься на гору, если не будешь двигаться? Люди так поглощены мыслью о выживании своей личности, но ведь часто нечему-то и выживать. Такое множество личностей состоит из тускнеющих воспоминаний, примитивных реакций на примитивные раздражители, из отголосков где-то почерпнутых, беспорядочных мыслей и образов, из порывов и апатий, сменяющих друг друга, из механических каждодневных действий. Чему там выживать? Вся эта каша теней просто растворяется вместе с телом. Если душа всецело поглощена заботами тела, как же она переживёт его? Она ведь выбрала тело. Она стала его составляющей. Если душа желает стать бессмертной, она должна льнуть к духу. Она должна стать как сияющее яблоко с искрой вместо сердцевины, спеющее в саду Бога.

ЛАХ. Поэтому-то мы не помним своих прежних жизней? Они все стёрты?

ГЕРМ. Либо стёрты, либо погребены под тенями. Капля за каплей разум накапливается в душе, ведь проблески истинного и вечного нельзя стереть. Лучшее из наших прежних жизней остаётся в нашей душе подобно следам позолоты на серой стене. Однако приходит время, когда душе нужно сделать выбор. Ты есть то, что ты делаешь. Если ты делаешь преходящее, то и сам становишься преходящим.

ЛАХ. Должно быть, я жил много раз прежде, но я ничего не помню...

ГЕРМ. Ты помнишь лучшее из того, чем ты был. Или, лучше сказать, ты есть лучшее из того, чем ты был.

ЛАХ. Как это так?

ГЕРМ. Если духовная душа, то есть душа, настроенная на искру, не сможет вполне создаться, то после смерти тела её приобретённая личность будет утрачена. Я не знаю, происходит ли это сразу или же какие-то телесные ощущения продолжают существовать некоторое время, как некое эхо. Низменные побуждения не могут пребывать в более высоких сферах. Значит, все эти стороны души, которые увязаны с материей, будут утрачены. Однако те элементы души, которые настроились на дух, переживут смерть. Они слились с бессмертным и сами стали бессмертными. Когда душа перерождается в новом теле, эти высшие элементы становятся основами новой личности. Чем больше их присутствует в душе, тем больше душа помнит и знает.

ЛАХ. Поэтому люди такие разные?

ГЕРМ. Да. Те, в которых обнаруживается сильная склонность к духовному, должно быть, жили уже много раз и многое в себе удержали.

ЛАХ. А что происходит потом?

ГЕРМ. С течением времени позолота копится, мазок за мазком, пока её не набирается так много, что стена остаётся преимущественно золотой. Есть ещё кое-какие серые участки, на которых видна тусклая штукатурка, однако стена всё больше и больше блистает золотом. Постепенно образовывается личность, которая переживёт смерть и утратит очень малое, ведь почти всё в ней стало духовным. Тогда душа уже не лишается своих воспоминаний, но движется между жизнью и смертью осознанно.

ЛАХ. Но это дано не всем. Ведь ты это сказал?

ГЕРМ. Боюсь, что так, Лахес. Этот мир не создавался вечным. Он завершится. Если духовная личность не образуется и душа будет продолжать соединяться с материей на момент завершения этого мира, то оба они, и душа, и этот мир, будут уничтожены.

ЛАХ. Уничтожены? А что же будет с теми элементами души, которые всё-таки успели одухотвориться? Они тоже должны будут погибнуть?

ГЕРМ. Если этих элементов недостаточно для существования в качестве духовной души, они не будут душой. Всё-таки я не думаю, что они исчезнут. Они сольются с морем духа, но не смогут образовать личность.

ЛАХ. Но у нас есть уйма времени до конца этого мира! Возможно, миллиарды лет. Времени на всё хватит!

ГЕРМ. В этом я не уверен. Космос очень разрушителен. Наша планета крошечна и расположена весьма опасно. Всё что угодно может случиться с ней в любой момент. Это шаткая лодка, подбрасываемая волнами под вспышками молний. Лодка, наполненная людьми, которые делают всё возможное, чтобы потопить её. Ты уж прости мне этот банальный образ.

ЛАХ. Но почему же некоторые души тянутся к своим искрам, а некоторые нет?

ГЕРМ. Ты всё ещё слишком взволнован, Лахес. Тебе нужно выслушать некоторые вещи несколько раз, чтобы запомнить их.

ЛАХ. Прости меня. Я действительно нервничаю. Не сердись.

ГЕРМ. Ничего страшного. Я с радостью повторю всё, что тебе нужно. Душа вольна выбирать. Сначала она неизменно совращается плотскими удовольствиями и слушает шёпот демонов. Затем она либо проникается отвращением к этой компании, либо всё больше и больше запутывается во временном, не желая или не умея оторваться от него. Душа выбирает либо жизнь, либо смерть. Трагично то, что она часто полагает, что выбрала жизнь, на самом же деле её уносит к уничтожению. Ты видишь такие души повсюду, болтающиеся в дремоте повседневности, гордых своими достижениями, получающих удовольствие от «драгоценных мгновений жизни», которые рассеиваются, не успев начаться.

ЛАХ. Я видел множество таких людей.

ГЕРМ. Гностики называли их «хили», то есть «материей». Считалось, что подобные люди безнадежно обречены, но я не согласен. Каждый начинает как хили. Каждая душа способна пробудиться и выбрать жизнь.

ЛАХ. Мне нравится это слово, «хили». Я помню его с тех времён, когда я изучал древнегреческий, но я произносил его по-другому.

ГЕРМ. Это грустное слово, для меня.

ЛАХ. Итак, хили – это необразованные, невежественные люди?

ГЕРМ. Нет. Ни образование, ни благородное происхождение не имеют к этому отношения. Человек может быть высоко образованным и знатным, и всё же быть хили. С другой стороны, человек может не уметь ни читать, ни писать, и быть трансцендентом.

ЛАХ. Тогда кто же является хили?

ГЕРМ. Хили – это человек, посвятивший себя материальному миру. Он жаждет материальных удовольствий и достатка, думает по-материальному, его мечты и устремления все материальны.

ЛАХ. Значит, хили не верит в Бога?

ГЕРМ. Это имеет лишь незначительное отношение к религии. Хили может быть глубоко религиозным, но не духовным. В самом деле, многие хили весьма набожны, то есть, у них заключён контракт с Богом, как они Его понимают. Они ходят в церковь каждое воскресенье или по каким-то другим дням, кто чаще, кто реже. Они даже молятся и пытаются следовать предписаниям той или иной книги, написанной, возможно, другими хили столетия назад. Они думают, что

Небеса у них в кармане, потому что они хорошие люди. В каком-то смысле религия помогает им, ведь они воображают, будто существует некая рука, поддерживающая их, помогающая им стоять. И они бродят по долине теней с уверенностью и даже гордостью. Хили могут интересоваться духовным и всё же оставаться хили, потому что все их интересы материальны. Эти люди хотят, чтобы дух помог им получить больше материи. Все эти усилия, впрочем, не приносят большой пользы их душам, потому что их души продолжают утопать в дремоте материального мира. Они не могут даже вообразить, что существует нечто более высокое, чем их преходящие амбиции, чего уж там говорить о стремлении к более высокому! Мы видим, как хили гордо семят по миру, устраивая свои дела, как они сидят вокруг стола, говоря о политике или о чём-нибудь столь же важном, как они плодятся и наслаждаются жизнью. Мы также видим, как они борются за выживание, как упорно трудятся, пытаясь поддержать свои стареющие тела. Бедняки, едва способные выжить сами, бездумно размножаются, подвергая детей собственному несчастью. Ни одно животное не станет производить потомство, если нет для этого подходящих условий, но люди занимаются этим постоянно. Сексуальное жало слишком горячо. Кроме того, эти люди полагают, что такова жизнь. Надо рожать детей. Вот они и плодятся, затягивая удавку на собственной шее всё туже и туже.

ЛАХ. Хили могут быть также весьма агрессивными.

ГЕРМ. О да! Они не любят, когда им угрожают или подвергают сомнению их образ жизни. Если им даётся такая возможность, они нападают на элемент, чуждый их среде.

ЛАХ. Потому что в глубине души они знают, что чуждый элемент прав.

ГЕРМ. Они могут этого не знать, но их искры не только знают, но и находятся в гармонии с ним. Это создаёт разлад внутри хили, и ему становится дурно. Каждый гений, каждая истинно духовная личность, когда-либо жившая в среде хили, знает, какое это тяжкое бремя – постоянно защищаться от их агрессии, как явной, так и скрытой.

ЛАХ. Я знаю. Я всегда был белой вороной. Никто не принимал меня. И всё же я не гений и не трансцендент.

ГЕРМ. Ты вовсе не одинок. Подавляющее большинство людей на этой планете – хили. Не все они злы. Есть добрые люди, красивые люди, набожные люди. Все они смотрят вниз, на землю, в которой когда-то будут лежать.

ЛАХ. А почему трансцендентов так мало?

ГЕРМ. Потому что очень многие уже покинули это место. Видишь ли, нет чёткого разграничения между хили и трансцендентом. Всегда есть нечто от хили в каждом трансценденте всё время, пока он пребывает здесь. Есть также что-то от трансцендента в каждом хили. Это соотношение меняется от жизни к жизни. Либо трансцендент вырастает и вытесняет хили, либо хили вырастает и завлакивает собой трансцендента. Искра всегда понуждает душу к движению вперёд и вверх. Вопрос лишь в том, насколько чутко душа реагирует на это понуждение. Даже самый закоснелый хили делает маленькие шажки вперёд, потому что в нём есть искра, и она зовёт его душу. Постепенно, если душа начинает прислушиваться к искре и следовать за ней, элемент трансцендентности возрастает, а ценности и устремления хили, какими бы грандиозными они ни казались поначалу, начинают проявляться в своём истинном свете – как демонический обман, ловушка. Такой человек продолжает жить в материальном мире, не умея полностью освободиться от него, но его сердце уже не здесь.

Представь себе, что ты стоишь
во время рассвета на берегу моря.
Появляется солнце.

Позади тебя трепещет
изношенное полотно ночи,
уже изрезанное звенящими лучами.

Ты не можешь смотреть
и на солнце, и на ночь.
Твои глаза не могут быть направленными
и вперёд, и назад.

Наступает минута,
когда ты утрачиваешь интерес к ночи,
потому что ты уже насыщен
её монотонным предательством,
и поворачиваешься к солнцу.

Тебя ещё обволакивает тьма,
твои ступни ещё пойманы
цепями,
которые корчатся на песке,
как лиловато-серые змеи.

И всё же ты смотришь на солнце.

Хотя ты и окован цепями ночи,
ты больше не принадлежишь ей,
и когда блистающий сгусток взберётся на вершину неба,
наполнит воздух своим звучным великолепием
и рассеет извивающийся сумрак,
ты не рассеешься вместе с ним.

Когда приходит это время, человек становится трансцендентом. Его сердце изменилось, хотя элемент хили может сохраняться в нём ещё долгое время, постепенно тая.

ЛАХ. Но, Гермоген, если мы чувствуем презрение по отношению к хили, не станем ли мы как они?

ГЕРМ. Кто сказал что-либо о презрении? Ты не должен их презирать. Ты сам был хили. Я был хили. В тебе всё ещё осталось нечто от хили, да и во мне тоже. Лучше быть обычным хили, чем раздуваться от высокомерия, презирая людей за то, что они в духовном отношении тебе уступают. От духовного тщеславия труднее пробудиться, чем от материальной дремоты. Хили делают то, что делают, потому что им неизвестно ничто иное. Они искренне верят, что живут правильно. Ты делаешь то, что делаешь, чтобы выжить. Хочешь ли ты чего-то большего или же проводишь своё свободное время в пьянстве, внутреннем бездельи и разврате – это выбор твоей души. В древние времена нас притесняли демоны. Мы жили в постоянном страхе. Поскольку мы лучше чувствовали

природу, то мы могли видеть этих демонов. Отсюда появились боги и прочие существа, населяющие древние мифы. Каждый человек верил, что над ним стоят высшие силы, требующие слепого повиновения. Вновь и вновь мы сталкиваемся с этими представлениями в древней литературе. С тех пор мало что изменилось. Люди больше не видят демонов так ясно, но продолжают жить по демоническому плану, навязанному им в древности. Чрезвычайно трудно освободиться от этого образа мыслей и поведения, который управляет твоей жизнью. Так что не презирай хили, Лахес, и будь благодарен за то, что твоя дремота подходит к концу.

ЛАХ. А можно разбудить хили?

ГЕРМ. Нет. Их можно встрясти ненадолго, но если в них самих не происходит пробуждение, они опять впадут в дремоту. Душа должна захотеть пробудиться, должна выбрать пробуждение.

ЛАХ. Но как можно выбрать то, чего ты не знаешь?

ГЕРМ. У души есть это знание. Им наделена искра, тёплый бурлящий ручеек в глубине души. Если душе нравится этот звук, то она начинает прислушиваться к нему и, прислушиваясь, учится слышать. Нельзя заставить нравиться. Нельзя принудить расти. Ум хили работает не так, как ум трансцендента. Последний хочет быть оставленным наедине с собой, первому же нужно, чтобы его развлекали, отвлекали от себя самого. Трансцендент жаждет одиночества, и мир, с его постоянной трескотнёй, мешает ему всё больше и больше. Такой ум страдает, когда у него нет времени сосредоточиться на себе самом. Хили, с другой стороны, не может выносить одиночества. Он начинает тревожиться, скучать. Ему нужен шум, ему нужны другие хили, чем больше, тем лучше. Поскольку его ум не может стимулировать сам себя, то он требует громких звуков, вспышек света, историй, тайн, сенсаций! Хили не может даже высидеть минуту на одном месте, не начиная поддёргиваться, почёсываться, тянуться к журналу. Если он на кухне испаривает живот какому-нибудь несчастному мёртвому созданию, то он включает радио, потому что не может выносить тишины. Если его ум не отвлечён, то он может начать замечать сам себя, однако хили до смерти боятся заглядывать в себя, потому что всё, что там, внутри, подрывает всё, что здесь, снаружи. Этот мир – дешёвый балаган, наполненный вещами, которые кажутся важными. И цель его – отвлечь тебя от настоящего действия, происходящего внутри.

ЛАХ. Но послушай, Гермоген! Ведь все эти люди просто пытаются выжить! У большинства из них нет такой роскоши, как свободное время, чтобы заняться развитием души!

ГЕРМ. Дело не в свободном времени. Многим трансцендентам тоже надо выживать, а у многих хили вагон свободного времени. Вопрос лишь в том, как ты используешь то время, что у тебя есть, на пользу своей души. Трансцендент получит больше пользы от нескольких часов, оставшихся ему от дня, чем хили за целый свободный год или даже за целую свободную жизнь. В каком-то смысле то, что большинству хили приходится быть рабами в этом мире, зарабатывать на жизнь, служит им во благо, потому что они просто не умеют пользоваться свободой. Предоставленные сами себе, они начинают вырождаться. Ошибка полагать, что хили, если освободить его от рабства и избавить от насущных забот, потянется к томику Аристотеля. Он потянется к бутылке или влагалищу. Если оставить его в бездеятельности, то он быстро превратится в свинью. Доказательства этого повсюду, стоит лишь поискать. Есть тупые и жестокие боровы, есть люди, прожигающие свою жизнь в

дебошах, кувыркающиеся в душевной грязи, потому что у них нет работы. Свара юнцов, проводящих всё своё бодрственное время на улице, не объединится в группу по изучению Платона. Она объединится в банду, чтобы сражаться с другими бандами, красть машины, пить и совокупляться. Каждая душа выбирает согласно своему положению на лестнице. Нельзя попросить жабу полетать. Нельзя пригласить жаворонка пожить в навозной куче. Таким образом, каждодневное невольничество работы и материальные проблемы идут хили во благо. По крайней мере, это рабство, эти проблемы привносят некое подобие смысла в их жизни и наполняют эти жизни так, как воздух наполняет бутылки, в которых нет вина. Большинство хили слишком занято собственным рабством, чтобы стать злодеями или дегенератами.

ЛАХ. Думаю, ты прав.

ГЕРМ. Ты видишь либо бездельников-хили, набивающих себе животы пищей, отупляющих себя мелкими удовольствиями, или же трудолюбивых хили, которые не могут сидеть спокойно, но всегда должны где-нибудь копошиться. Эти хили полют траву, строят и перестраивают ограды, рубят деревья, красят и перекрашивают стены, независимо от того, есть ли в этом необходимость или нет. Если их спросить об этом, то они всегда скажут, что подобная работа совершенно необходима, потому что без неё мир обрушится. В траве заведутся ядовитые змеи, стены попадают, а сквозь бреши в ограде протиснутся банды мародёров. В их словах есть доля правды, но, говоря в общем, вся эта кипучая деятельность вдохновляется искрой, понуждающей души этих людей к действию, к саморазвитию, только они истолковывают это понуждение в материальном смысле, начиная суетиться, организуя и реорганизуя материю. Они никогда не останавливаются, потому что их души продолжают испытывать голод по духовной работе, по созерцанию, по искусству, однако души эти неизменно получают срубленное дерево или ограду, перекрашенную в сотый раз. Ты видишь, как в более бедных странах, где толпы хили бродят без всякого занятия, они всегда впадают в насилие, преступность или скотство. Ты видишь, как более богатые страны, повинувшись инстинкту самосохранения, пытаются занять этих хили чем-нибудь, например, асфальтированием и переасфальтированием одних и тех же дорог, безжалостной рубкой деревьев, пропалыванием травы, сносом и перестройкой домов. Банда правителей хорошо знает, и это знание инстинктивно, что голодная, бездельная масса человеческих животных опрокинет власть, несмотря на всю армию и всю полицию. Значит, хили должен быть чем-то занят, даже если в его работе и нет насущной необходимости. А после работы он будет пить, совокупляться и отдыхать. На следующий день он снова пойдёт работать, и таким образом пройдёт его жизнь. Потом он постареет и перестанет быть опасным.

ЛАХ. Но ведь эти люди не знают лучшей жизни! Они не могут поступать иначе. В их глазах нет глаз.

ГЕРМ. Они могли бы знать, если бы сделали крохотное усилие.

Душа вольна выбирать,
жить ей или умереть.
Печально то,
что часто она выбирает смерть,
думая, что выбрала жизнь.

Хили не размышляет, но лишь скользит по событиям дня, по воспоминаниям и словам других людей. Всё это проносится стремительным потоком, и внимание не останавливается ни на чём. Хили может провести целые жизни, перемалывая эту ржавчину повседневности, считая себя разумным, даже мыслителем. Для трансцендента общество хили – настоящая пытка. Он не может приписывать ценность неценному. Его сердце к этому не лежит. Его ум колеблется на мелких, мутных водах, повергается в агонизирующее онемение. Вот почему трансценденты делают всё возможное для того, чтобы избегать хили, чтобы проводить с ними лишь столько времени, сколько необходимо, и ни минутой больше. Это не имеет никакого отношения ни к презрению, ни к чувству собственного превосходства. Просто общество хили выжимает из тебя все жизненные соки. Оно всасывает тебя, выкручивает из тебя всё, что можно, но ничего не даёт взамен.

ЛАХ. Я знаю.

ГЕРМ. Проблема, конечно, в том, что почти все вокруг тебя и есть хили. Даже места, предназначенные для духовного развития, наполнены хили, считающими внутреннюю работу неким развлечением. Когда твои глаза, наконец, открываются, ты начинаешь видеть, как ты на самом деле одинок. В лучшем случае, на тебя смотрят как на странность. В худшем, как на опасный элемент, который нужно уничтожить. Тебе сильно повезло, если удалось встретить другого трансцендента, и ваши умы обогащаются один другим, и вы поддерживаете друг друга, погружаясь глубоко, каждый в себя, прочь от этого мира иллюзий. Очень часто такое счастье тебе не выпадает, и ты общаешься с книгами и прочими произведениями искусства.

ЛАХ. Но послушай, Гермоген! Вот эта рубашка, которую я ношу, была сшита хили. Мой дом был построен хили. Они также вырастили овощи, которые я ел сегодня утром. Хили охраняют меня от тех, кто пришёл бы взять мою собственность или даже убить меня.

ГЕРМ. Хили охраняют тебя от других хили?

ЛАХ. Да, и разве я не должен быть благодарен им за это?

ГЕРМ. Как я сказал, ты не должен презирать хили и топить свою душу в высокомерии, но тебе не за что быть им благодарным.

ЛАХ. Это почему же?

ГЕРМ. То, что они делают, они делают не для тебя, а для себя самих. Портной шьёт рубашку не для того, чтобы ты носил её и был счастлив, но чтобы продать её тебе подороже. Фермер не проливает слёз умиления, предвкушая радость твоего желудка при переваривании его овощей. Фермеру нужны твои деньги. Это единственный мотив для его работы. Он никогда не даст тебе ни одной морковки бесплатно. Ну, может быть, морковку даст. Зависит от фермера. Правительства, полиция, всяческие организации и заведения ничего не делают ради тебя. Они работают на себя самих. Они могут делать вид, что это не так, но они лгут. Доктор не хочет, чтобы ты был здоровым, потому что тогда ты перестанешь приходить к нему и платить за его зелья. Он делает вид, что желает тебе здоровья, но в сердце своём он любит твою болезнь. Большинство людей заботится о тебе тем больше, чем больше оно хочет с тебя получить. Это мир – мир личин. Он показывает своё истинное лицо только во время войн и потрясений.

ЛАХ. Мир наполнен практичными людьми.

ГЕРМ. В практичности как таковой нет ничего плохого. Всё время, пока ты находишься в этом теле, ты должен поддерживать его, иначе оно станет для

тебя ношей или погибнет, прервав твою работу. Очень немногим трансцендентам выпадает удача родиться богатыми или, по крайней мере, независимыми. Большинство из них должно смешиваться с хили и трудиться ради выживания. Бёме, один из наших величайших философов, был сапожником. Спиноза шлифовал линзы. Нам необходимы материальные удобства, иначе наше развитие весьма затруднится, если вообще не станет невозможным. Но есть большая разница между использованием материи и любовью к ней. Тебе нужен хороший дом, чтобы в нём жить. Да, ты мог бы читать Плотина на улице, сидя под деревом. Но так ты долго не выдержишь. Были бродяги-мудрецы, это правда, но такой путь чрезвычайно труден и невозможен в странах немягкого климата. Тебе нужна комната для занятий, тихое место, где твой ум может развиваться, не обеспокоенный шумом, голодом и всяческими неудобствами. И всё же, если ты прилепишься душой к дому, в котором живёшь, то ты похоронишь свою душу в четырёх стенах и прихлопнешь её сверху крышей. Наша работа достаточно тяжела и не следует отягчать её ещё больше физическими невзгодами. Ошибка состоит в том, чтобы вкладывать сердце и душу в материальные вещи, чтобы заставлять свою жизнь вращаться вокруг них. В этом разница между хили и трансцендентом. Последний не впадает в одержимость по поводу наживы и материальной собственности, хотя может быть весьма богатым. Он не беспокоится по поводу того, чем он владеет и чем не владеет. Он видит истинную природу своих ценностей, их временность, их призрачность. Он знает, что будет обладать ими лишь краткое время. Он легко их получает и легко расстаётся с ними. Для материального же человека подобные ценности – всё, и их утрата является ужасной трагедией. Многие хили даже убивают себя, когда теряют свою материальную собственность. Представь, что кто-то утратил ноготь на пальце ноги и так расстроился, что в горе отрезал себе голову! Абсурдно, да. Но именно так поступают эти люди.

ЛАХ. О нет, это не абсурдно. Я их понимаю.

ГЕРМ. Мы не должны быть жадными, но следует брать от мира лишь необходимое для того, чтобы избежать бедствий. Вся остальная энергия должна быть направлена на внутреннюю работу. Вот это хили никак не могут взять в толк. Ты должен брать от жизни всё, что только можешь, говорят они, потому что такова жизнь. Нет, жизнь не такова. Их умы таковы и, будучи таковыми, это вовсе не умы, но лишь грязные зеркала и слабое эхо. Всё же я повторю: нет чистых хили и есть очень немного чистых трансцендентов в этом мире. Каждый хили оживотворён искрой, и есть проблески света даже в темнейшей из комнат. Каждый трансцендент, если он всё ещё здесь и не выбрал это изгнание добровольно, является отчасти хили.

ЛАХ. Но как же тогда можно провести чёткое различие между ними?

ГЕРМ. Дух накапливается в душе, капля за каплей,
как вода, падающая на чашу весов,
а на другой чаше лежит камень.

Часть воды не попадает в чашу, часть испаряется,
но вода всё-таки накапливается.

Затем, в один из дней, в одно из мгновений,
происходит качественная перемена:
камень поднимается,

больше не в силах перевешивать воду.

Камень всё ещё там,
но он больше не преобладает.

Так и духовный элемент накапливается,
пока не начинает главенствовать.
Тогда хили становится трансцендентом.

Свет разгорается всё ярче,
а туман сжимается и отступает,
выпуская душу из своих когтей.

ЛАХ. А может ли произойти обратное? Может ли трансцендент стать снова хили?

ГЕРМ. Нет. Если его глаза хоть раз увидели солнце, то он не станет больше смотреть в ночь. Конечно, над трансцендентом можно совершить насилие. Его голова может быть силой повёрнута к ночи жестокими людьми или обстоятельствами. Трансцендент может даже пытаться жить, как хили, но такая жизнь всегда приводит к оуплению и отчаянию. Хили на самом деле опасны для пробуждающейся души, потому что они легко могут утянуть её вниз, в собственное бесчувствие. Они – толпа слепцов, прожигающая свои безжизненные жизни в погоне за тенями.

ЛАХ. Ну, Гермоген! Твои слова довольно циничны. Ведь есть же и хорошие люди в этой толпе, и есть любовь.

ГЕРМ. Любовь? Нет-нет. В этом мире очень мало любви. Что есть у людей, так это самообожание, которое иногда теряет свой ориентир и перехлёстывается на других.

ЛАХ. Но мои родители любили меня! Я любил свою жену! Я люблю своих дочерей!

ГЕРМ. Я не говорю, что любви не существует здесь. Я лишь заявляю, что её очень мало. Скажи мне, знание приходит от Бога?

ЛАХ. Да, вне всякого сомнения.

ГЕРМ. А любовь, она тоже приходит от Бога?

ЛАХ. Как же может быть иначе?

ГЕРМ. Значит, знание и любовь приходят из одного источника?

ЛАХ. Разумеется.

ГЕРМ. Там, где одно, должно быть и другое?

ЛАХ. Да.

ГЕРМ. Тогда как могут люди любить, когда они не знают?

ЛАХ. Не знают чего?

ГЕРМ. Себя, конечно. Возьмём влюблённых. То, что они называют любовью, есть жар. Человек чувствует себя взбудораженным, беспокойным, он пылает, теряет рассудок. Это симптомы болезни, а не любви. Люди носятся друг за другом, прижимаются телом к телу. Сейчас к этому телу, затем к другому, а потом к третьему. Всегда в дрожи, всегда либо в восторге, либо в отчаянии. Сегодня это любовь, завтра – ненависть, презрение или безразличие. Или привычка, что ещё хуже. Многим ли удаётся сохранить первоначальный жар даже в течение одной жизни, кратчайшей из кратких? Ты встречал таких людей?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. И я не встречал. Впрочем, я верю, что такие люди, хоть их и немного, существуют. Чтобы длиться, любовь должна смешаться со знанием.

Невежественная душа гоняется лишь за ощущениями, подпрыгивает и трепещет, как лапа спящей собаки.

ЛАХ. Насчёт влюблённых я не могу с тобой не согласиться.

ГЕРМ. Очень хорошо. Мы ведь оба влюблялись. Где эти наши любви теперь? То было опьянение, помутнение рассудка, состояние, навязанное нам, а не созданное внутри нас.

ЛАХ. Навязанное кем?

ГЕРМ. Силами, которые хотят, чтобы ты совокуплялся и мастерил новые клетки для душ. Да, есть примеры того, как чувство, возникшее между двумя людьми, превосходит первоначальный жар и возносится вверх. В такой любви есть величие. Почему? Потому что теперь это любовь, а не жар.

ЛАХ. Но ведь есть и другие формы любви! Люди любят животных, например.

ГЕРМ. Нет, Лакес, большинство из них не любит животных.

ЛАХ. Почему ты так говоришь?

ГЕРМ. Потому что нельзя любить животных и есть их. Такая любовь – ещё одна проекция самообожания на другие существа. Солнце не различает, на кого светить, но поливает своим светом стебелёк травы, кузнечика, снегиря, курицу, собаку, лошадь, слона, кита, муравья. Если ты любишь людей, то ты любишь всех их. Ты не говоришь: «Я люблю белых людей, но не люблю чёрных людей». Если ты любишь животных, то ты любишь всех их. Ты не можешь любить собак, но не любить волков. Ты не можешь любить птиц, но не любить рыб. Если твоя любовь избирательна, то это не любовь, а простое проецирование твоей личности, её пристрастий и антипатий. Любовь приходит от Бога и отражает собой Бога. Это значит, что любовь не выбирает, но изливается одинаково на всех и вся. Если ты заявляешь, что любишь животных, а потом идёшь и платишь мяснику, чтобы он забил животное для тебя, и приносишь домой кровоточащий труп, и садишься, и разрываешь его своими зубами, то это не любовь к животным. Если ты кормишь одно животное останками другого, то это не любовь к животным.

ЛАХ. Но такова природа! Так устроен мир!

ГЕРМ. Вот ты и заговорил, как истинный хили.

ЛАХ. Извини.

ГЕРМ. Не нужно извинений. Действительно, природа такова. Но что ты хочешь: остаться с природой и погибнуть вместе с ней или превзойти её и выжить? Помнишь, я говорил о фотографии литератора, который прославился своими описаниями природы и даже пантеизмом. Снимок показывает его сидящим в каком-то леске, с ружьём, положенным на землю, и связкой мёртвых уток между колен. Какой великолепный пример человеческого лицемерия! Я упомянул и о другом знаменитом писателе, тоже провозглашавшем свою любовь к земным тварям, который держал в своей спальне головы диких зверей, убитых его собственной рукой. Он мог там спать, представь только!

Человеческий ум так извращён, что может оправдать всё что угодно. Он может найти тысячи причин, тысячи поводов делать то, что ему нужно.

Кровожаднейшие диктатуры находили своих идеологов, умных, интеллигентных людей, измышлявших отличные причины для пыток, тюрем и казней. Если ты будешь говорить с хили, то они несомненно забросают тебя

оправданиями своего трупоедства. Это большая тема, и давай не будем всё это перемалывать. Достаточно сказать, что ты не можешь есть смерть и надеяться на жизнь. Смерть может дать тебе только смерть. Оставь хили в покое и не спорь с ними. Пускай набивают себе рты кровью и мясом, если им этого хочется. Пускай идут и подстреливают живых тварей. Ты не можешь их остановить. Некоторые из них в конце концов проснутся и посмотрят с ужасом на свои прежние поступки. Некоторые никогда не проснутся. Смерть для мёртвых, а жизнь для живых.

ЛАХ. Ну хорошо, а как насчёт любви родителей к детям? Там ведь точно нет ни жара, ни смерти?

ГЕРМ. Родительская любовь, хоть она и сильна, тоже по большей части проекция.

ЛАХ. Да неужели?!

ГЕРМ. Родители любят самих себя в своих детях. Родители любят свою собственную кровь, которая переживёт их и будет жить в будущих поколениях. Дети – это своеобразное обещание бессмертия, по крайней мере, некое удлинение твоей собственной тающей жизни. Родительская любовь – это проецирование собственной личности на ребёнка.

ЛАХ. Но я так часто видел, какой сильной бывает эта любовь!

ГЕРМ. Да, конечно, она сильна и полна искренней привязанности. Было бы глупо это отрицать. Тем не менее, если бы можно было оценить любовь, то я оценил бы любовь одного поначалу чужого человека к другому выше, чем любовь родителя к ребёнку.

ЛАХ. Я не понимаю.

ГЕРМ. Ты подумай. Мать любит существо, которое она носила в своём чреве, кормила своим молоком и вырастила с таким трудом. Любое существо, рождённое ею, кроме, пожалуй, самой мерзкой души, поместится в золотой нише её сердца. Это не тебя она любит, но «своего ребёнка». Если вместо тебя другая душа была бы привлечена к твоему телу, то твоя мать любила бы и то, другое существо, с той же любовью, которую теперь она изливает на тебя. Родительская любовь не разбирает, потому что родителям приходится довольствоваться тем, что у них есть. Они не могут выбирать себе детей. Как часто они пытаются выплавить из ребёнка свой собственный образ?

ЛАХ. Действительно, очень часто.

ГЕРМ. Почему же они делают это? Чтобы защитить ребёнка или, скорее, создать ещё одну версию себя самих, которая насладится ещё одной жизнью и, кто знает, может быть, ещё многими жизнями, если влияние родителей окажется достаточно сильным! Даже омерзительнейшая скотина бывает любима своими родителями, потому что она – «моя кровь». Родители растрачивают себя ради существ, которых они сами чуждались бы и презирали, если бы те не были «моей кровью». Тираны носятся со своими непутёвыми отпрысками, воспитывая их для власти, которую эти слабаки не смогут удержать. Богачи оставляют свои состояния тем, кому они не дали бы ни гроша, если бы те не были «моей кровью». Ребёнок любим автоматически, потому что он «мой ребёнок». Он запрограммирован быть любимым. Не имеет значения, кто этот ребёнок, что собой представляет его душа. Он – «моя кровь», и всё тут. Он получает мою любовь. Но что у него на самом деле есть, так это моя любовь к себе, мои собственные амбиции, мои неосуществлённые мечты – всё это выбрасывается на него. И, Боже, каким предателем я считаю его, если он не выполнит моих ожиданий!

ЛАХ. Узнаю моего отца. Он никогда не простил меня за то, что я не стал дубильщиком, как он.

ГЕРМ. Медея страдала бы точно так же, если бы она убила каких-нибудь других детей, рождённых ею вместо этих. Мы знаем также интересные истории о том, как отношение к ребёнку меняется, если его принимали за сына или дочь ошибочно. Когда Креуса приезжает в Дельфы и встречает Иона, она ещё не знает, что мальчик – её сын. Они ведут приятный разговор. Когда же Аполлон объявляет, что Ион – сын её мужа, и это значит, что мальчик может присвоить её состояние, она возгорается такой горькой ненавистью к бедному созданию, что посылает своего старого слугу отравить его и почти добивается успеха! Ион, не зная, что Креуса – его мать, в отместку чуть не сбрасывает её со скалы, и только то, что она прижимается к алтарю бога, не даёт ему свершить задуманное, потому что, видишь ли, этот начинающий матереубийца очень набожен. Они обмениваются проклятиями. Потом, подумать только, Аполлон объявляет, что они – мать и сын. Как всё меняется в одно мгновение! Где прежняя ненависть, где проклятия и обвинения? Всё прошло, всё размётано дельфийским ветром! Но что же изменилось? Ион стал другим? Креуса стала другой женщиной? Вовсе нет. Они точно такие же люди, которые только что пытались прикончить друг друга, а теперь млеют друг у друга в объятиях. Они любят, видишь ли. Но что это за любовь? Простая проекция. Креуса любит «моего давно покинутого ребёнка». Ион любит «мою дражайшую матушку, которую я наконец-то нашёл». Они не любят друг друга, потому что просто не знают друг друга. Они только что встретились. Ненависть, вот она была настоящей! Нам не нужно знать то, что мы ненавидим. Достаточно того, что ненавидимое стоит у нас на пути и его нужно убрать. Но любовь требует знания.

ЛАХ. Еврипид бывает весьма язвительным.

ГЕРМ. Он знал людей и не питал иллюзий по отношению к ним. Или, например, Ифигения и Орест. Когда он прибывает в Тавриду и его ловят, она с бычьим упорством стремится перерезать ему горло в качестве жертвы Артемиде. Затем, во мгновение ока, эта убийца преобразается в любящую сестру! Она видела Ореста лишь младенцем, он тогда даже ходить не мог. Она не знает его совершенно. Абсолютный незнакомец из церемониальной жертвы превращается в объект обожания, и это происходит на основании нескольких сказанных слов. Потому что Ифигения не знает Ореста. Она любит «моего брата». Любой другой человек на его месте подошёл бы в качестве вместилища для этого изливания сестринской любви, потому что любовь эта жаждет излиться. Проекция не привязана к своей цели. Достаточно наличия того, кто проецирует. Бывали случаи, когда узнавание оказывалось ошибочным, и люди лишались симпатий так же быстро, как и получали их. А сколько людей, «любящих» друг друга, перестают это делать, как только начинают узнавать друг друга получше? Это ведь происходит постоянно.

ЛАХ. Да, да.

ГЕРМ. У хили есть сентиментальные слова типа «что бы ты ни сделал, твои родители всегда будут любить тебя», «ты мой сын, и я сделаю для тебя всё, что угодно» и так далее. Эти высказывания очень хорошо отражают тот факт, что твои родители или близкие родственники, возьмём их тоже, на самом деле любят не тебя, который меняется, но самих себя, которые не меняются. Эта одержимость мною самим в моём сыне так сильна, что заслоняет от меня всё, что мой сын может натворить. Потому что я, на самом-то деле, не вижу моего

сына и не люблю его. Я люблю самого себя в нём. Это я теку в его венах. Это я мерцаю в его глазах. Это на схожесть со мною отвечает моё сердце. Родителям очень трудно любить своих детей, потому что любить их так легко. Эта любовь – наследие животного мира. Чтобы любовь действительно стала любовью, родители должны начать обнаруживать незнакомца в своём ребёнке и видеть не своё отражение в рождённом ими зеркале из кожи и кости, но иного человека, с иной натурой, которого можно любить за то, что он есть, а не за то, что есть они.

ЛАХ. Знаешь, Гермоген, многих родителей очень рассердили бы твои слова.

ГЕРМ. Вне всякого сомнения. И тем не менее я утверждаю, что родительская любовь ниже любви между незнакомцами. Ценность первой может повыситься только с повышением в ней элемента второй. Когда встречаются два незнакомца, они не подготовлены заранее к своей любви.

ЛАХ. Однако проекция всё же присутствует!

ГЕРМ. Правильно. Она присутствует, но не так сильно, как с родителями и кругом ближайших родственников. Родители уже имеют «меня» в ребёнке, влюблённый же должен найти это «я» в объекте своей любви. В случае разочарования он покидает этот объект и пробует другой. Родители не могут этого сделать. Родители увязают в своих детях. Познание себя становится возможным благодаря взаимодействию с твоим собственным образом, отражённым в другом человеке, вследствие общения умов и сердец. Любить другого человека – это всё равно что быть погружённым в великолепную картину или роман. Это даже лучше, потому что в человеке присутствует некая взрезающая тебя непредсказуемость. Заметь, я не говорю, что родительская любовь не может быть таковой. Она может, но с трудом, потому что родителю сперва нужно удалить своего близнеца, стоящего между ним и его ребёнком и мешающего видеть.

ЛАХ. А как насчёт любви детей к родителям?

ГЕРМ. Эта любовь сильно не отличается от первой, но она свободнее, опять же вследствие привыкания. Каждое поколение устремлено вперёд, а не назад. По этой причине дети смотрят гораздо более здраво на своих родителей. Если мой отец был жестоким по отношению ко мне, я могу не любить его так сильно, как если бы он был заботливым и нежным. Если моя мать не питала ко мне таких чувств, каких, как я чувствую, я был вправе ожидать от неё, то моя любовь к ней может быть слабее. Конечно, всегда есть исключения. Но не следует воображать, что любовь в этом мире присутствует в большей мере, чем на самом деле. Почти никто из нас не выдержал бы высшего испытания любви.

ЛАХ. Что это за испытание?

ГЕРМ. Отдать жизнь за любимого человека. Люди встречаются, проводят вместе время, спят вместе, обмениваются тёплыми словами, но когда случается несчастье, каждый заботится сам о себе. Да, они могут отдать другому своё время, свой труд, свои деньги – каждый в зависимости от своих возможностей, характера и совести. Но у каждого есть предел, достигнув которого он перестаёт давать. Многие остались бы возле любимого человека, больного холерой или ещё какой-нибудь смертельной, заразной болезнью? Люди стоят вокруг умирающего, их друга или родственника, и проливают слёзы, которые даже могут быть искренними. Но если бы вдруг некое божество просочилось сквозь потолок и предложило им отдать свою жизнь, чтобы этот умирающий стал вновь здоровым, как ты думаешь, многие из них согласились бы? Если бы в дом, где идёт весёлая вечеринка, где все друзья, все целуются и танцуют,

ворвались сумасшедшие, которые сказали бы, что отпустят всех, если кто-нибудь один из гостей согласится быть убитым, многие, как ты думаешь, предложили бы себя в обмен на всех?

ЛАХ. Если бы кто-то сделал такое, это был бы героизм.

ГЕРМ. Или аффектация.

ЛАХ. В любом случае, такое сделали бы очень немногие.

ГЕРМ. Человек, так поступивший, действительно считался бы героем именно потому, что такой поступок – редкость.

ЛАХ. Впрочем, это надуманная ситуация, Гермоген. Такое может быть в кино, но не в реальной жизни.

ГЕРМ. Согласен. Подобные ситуации в самом деле надуманны, хотя и случаются время от времени. Большинство людей никогда не окажется в них и не будет поставлено перед таким выбором. И всё же, чтобы испытать прочность конструкции, нужно встряхнуть её как можно сильнее. Если ты хочешь проверить, насколько в действительности сильна та привязанность, которую люди говорят, что питают друг к другу, то эту привязанность надо подвергнуть тяжкому испытанию. История приводит множество примеров того, как люди набрасываются друг на друга, когда мир вокруг них начинает рушиться.

Следует ли вспомнить Помпеи, или Лиссабон, или Новый Орлеан?

ЛАХ. Да, но это делают незнакомцы. Люди, встретившиеся на вечеринке, не питают друг к другу никаких особых чувств. Зачем же им отдавать свою жизнь за чужих? Более того, это несправедливо. Почему я должен сделать это ради него? Каким образом он лучше меня? Почему бы ему не сделать это ради меня? Я имею полное право на жизнь, абсолютно такое же, как и он.

ГЕРМ. Превосходно, Лахес! Значит, ты сам видишь, что привязанность в человеческом обществе – это фальшивка. Её сдует первым же порывом ветра. Нам даже порыва не нужно. Достаточно легчайшего дуновения. Не обманывайся на этот счёт. Люди на самом деле не любят друг друга. Они создают видимость любви для своей же собственной безопасности, потому что боятся конфликтов. Машина общества должна работать гладко, на смазке доброй воли. Когда она ломается, то ломается. Никакая смазка не спасает её. Есть не так-то много людей во всём мире, которые могут отдать свою жизнь за другого.

ЛАХ. Родители.

ГЕРМ. Да, родители и, может быть, члены семьи. Может быть, даже ближайшие друзья или фанатики. Можно утверждать, что почти каждая мать отдаст жизнь за своего ребёнка. Но, опять же, эта жертва приносится не ради какого-то другого человека, она приносится ради «моего ребёнка». Каждая мать, если её инстинкты правильны, запрограммирована защищать своё дитя. Я не знаю, пойдёт ли она так далеко, чтобы умереть за него, но она может сделать очень многое для его защиты. У отцов, мне кажется, этот инстинкт несколько слабее, но всё равно выражен довольно ярко. Принося себя в жертву ради своего ребёнка, родитель на самом деле приносит себя в жертву ради себя самого. Это делается, чтобы «моя кровь» продолжала жить. Такая жертва обладает меньшей ценностью, чем, скажем, жертва жены, отдающей жизнь за мужа.

ЛАХ. Как Алкеста.

ГЕРМ. Да, и она заставила Адмета почувствовать всю ценность своего поступка, восхваляя саму себя до небес и тая в слезах умиления.

ЛАХ. Смирение не принадлежит к числу древнегреческих добродетелей.

ГЕРМ. Вот опять наш циничный и мудрый Еврипид! Адмет был окружён целой толпой людей, все любили его, все сострадали его несчастью, вся Фера обожала своего царя, его отец приехал, старик на пороге смерти, хор плачет, друзья пришли утешать – и ни один из них не захотел отдать свою жизнь, чтобы Адмет не погиб.

ЛАХ. Лишь Алкеста сделала это.

ГЕРМ. На самом деле она сделала это не для Адмета. Она была полна горечи. В своей длинной прощальной речи она никогда не сказала Адмету, что любит или хотя бы ценит его. Она не умерла за Адмета. Она умерла за своего супруга. Любой человек на его месте был бы удостоен этой жертвы. Тот же самый Адмет, если бы он был не мужем, а, скажем, членом семьи, участником хора или дальним родственником, не получил бы такой дар. Она также умерла за своих детей, что, я думаю, и являлось для неё основным побуждением. У неё были маленькие дети и, будучи женщиной, она не смогла бы защитить их так же хорошо, как их отец. Очевидно, что у неё была смесь мотивов.

ЛАХ. Да, понимаю.

ГЕРМ. Мы говорили о грандиозной жертве. Конечно, лишь немногие люди на неё способны. Однако и даже гораздо меньшие жертвы оказываются слишком тяжёлыми для людей. Мы можем помочь другим, но лишь так, чтобы это не ограничило наши собственные удобства. В большинстве случаев мы можем отдать лишь избыток, а не основную часть того, что имеем. Если у тебя слишком много еды, то ты можешь дать небольшую часть голодающему. Но если у тебя еды хватает лишь на себя самого, то ты не предпочтёшь голодать, чтобы кто-то другой был сыт. Давай вообще оставим жертву в стороне. Очень немногие люди смотрят на других с мыслью о том, что они смогли бы дать им. Неизменно дело обстоит как раз наоборот. Что смогу получить я? Вот главный вопрос. Если хочешь провести простую проверку, попроси своих друзей, с которыми ты проводишь время и чьим обществом наслаждаешься, одолжить тебе значительную сумму денег, без гарантии возврата, или попроси въехать к ним домой и пожить с ними месяц-другой, и ты увидишь, многие ли пойдут тебе навстречу.

ЛАХ. Это правда даже по отношению ко мне самому. Я сам не знаю, смогу ли я сделать такое.

ГЕРМ. В самом деле, единственная мера любви – это не сила эмоций, не напряжение страсти, не изливание уверений и клятв, но жертвенность. Чем больше ты любишь, тем большее ты готов принести в жертву ради своей любви. Причём принести радостно, добровольно, почитая это за радость, считая это чем-то малым. Высочайшая любовь, например, это любовь Христа, отдавшего всего Себя, ничего не ожидая взамен, потому что у Него всё уже было. Но даже Он пребывал в агонии перед своим арестом, проливая кровавый пот и умоляя Своего Отца пощадить Его. Так тяжело Ему было, что нужно было послать ангела с неба, чтобы утешать Его. Что же касается первохристианских мучеников, то я всегда относился к их мотивам с недоверием. Наверняка были исключения, но в целом всё это мученичество представлялось мне некоей сделкой, а не любовью. Большинство этих людей было беднотой, живущей в неприглядных условиях, а им были обещаны невообразимые награды в обмен на несколько минут или, если не повезёт, часов мучений. Хоть и мужественная, но это всё-таки сделка.

ЛАХ. Кто знает...

ГЕРМ. Любовь – это редкий товар, Лахес. Так много вещей блестит, так много вещей называется золотом в этом мире, а как мало здесь настоящего золота! Настоящая любовь не движима ничем, кроме любви. Она не движима ни амбициями, ни чувством долга, ни необходимостью защищать своих детей и семью, ни жаждой самовозвеличивания, ни даже самопожертвованием, ничем таким. Любовь – единственная мотивация любви. А кого, Лахес, мы любим безусловно, не нуждаясь в оправданиях, в причинах, ни в каких «потому что»?

ЛАХ. Лишь себя самих.

ГЕРМ. Лишь себя самих. Если ты не любишь себя, то ты не сможешь любить других. Если ты хочешь любить других, то полюби сначала сам себя. Сходным образом, если ты хочешь уважать других, то воспитай сначала уважение к себе самому. Повторяю, не может быть любви без знания. Ты не можешь знать другие души так же хорошо, как знаешь свою собственную. Любовь научается вместе с постижением себя, обретает силу по мере увеличения ясности в твоих внутренних глазах. Чем больше ты выучишь её вот так, тем меньше нужно будет проецировать её в качестве золотой тени на кого бы то ни было. Она будет сама обнимать всё, потому что любовь всезнающа и божественна. Любовь к другим должна исходить из того, что у тебя общего с другими, то есть от света искры. Этот свет присущ всем. Очень трудно любить душу другого человека, ведь её эманации растут во всех направлениях, перекручиваются и колются подобно кусту шиповника. Тебя будет постоянно отвлекать, ранить и обманывать отблеск твоего собственного света, отскакивающего от другой души, вспышки и потемнения этого тусклого, вторичного огня. Знай себя, люби себя, и ты будешь знать и любить то лучшее, что есть и в других людях – не грязную пену, кружащуюся на поверхности, но чистую воду под ней.

ЛАХ. Не сделаюсь ли я тогда законченным эгоистом?

ГЕРМ. Нет! Эгоизм – это невежество. Вот я, а вот мир. Я драгоценный, а мир – дрянь. Но любовь есть понимание того, что все души – одна душа, все искры – одна искра. Нет меня и нет их. Есть мы, и это я.

ЛАХ. Такого уровня совершенства очень трудно достичь.

ГЕРМ. Почти невозможно. Это уровень святых и редких гениев. На такой высоте никакой демон не сможет уловить твою душу, потому что ему нечем будет её уловлять.

ЛАХ. Значит, любовь к другим...

ГЕРМ. ...достигается через любовь к себе. Все искры идентичны, окружённые разноформными чашечками душ. Ты можешь постичь отличие другой души от твоей души через постижение сходства её искры с твоей. Твоя искра ближе всего к тебе. Чем больше ты обнимаешь её, тем больше ты обнимаешь самый драгоценный элемент в других людях, в других животных, во всём, что живёт. Это не эгоизм, Лахес. Как сможешь ты постичь различие, если ты не постигаешь сходство? Спустись глубоко в себя самого, пусть лепестки твоей души впитают золото твоего внутреннего света, пусть эти лепестки мерцают, как золотые жилы. Во внешнем мире есть лишь слабый отблеск этого золота, который и считается самим золотом, но быстро распадается и стирается напрочь, а потом его заменяет другая блистающая тень. Нам повезло, что эти золотые тени существуют, потому что они говорят нам об источнике своего огня. Однако сами по себе они имеют очень малую ценность. Не будь обманут этими тенями и не доверяй им. Люди отчуждены один от другого. Любовь и привязанность в действительности лишь мягкая оболочка, нарастающая вокруг душ, чтобы они не повредили одна другой. На поверхности нет ни настоящей любви, ни

настоящего общения душ, потому что кусты шиповника растут во всех направлениях, заслоня горизонт. Связь возможна лишь в смерти, где корни всех душ встречаются. Чтобы достичь этой глубины, ты должен погрузиться в свою собственную душу. Там ты и найдёшь других, настоящих людей, а не сбитые с толку, напуганные машины, бродящие по поверхности.

ЛАХ. Да... Если мы подвергнем любовь испытанию, то и в самом деле почти всегда будем разочарованы. А как насчёт добра? Ведь делаются же добрые дела в этом мире! Не обязательно любить кого-нибудь, чтобы делать ему добро.

ГЕРМ. Боюсь, добро в этом мире разделяет участь любви.

ЛАХ. Почему ты так считаешь?

ГЕРМ. Ты согласишься с тем, что доброе дело отражает добро?

ЛАХ. Конечно.

ГЕРМ. И что есть лишь один источник добра?

ЛАХ. Да, ведь иначе были бы разные природы добра, а это не так. Вся доброта, конечно же, приходит из одного источника.

ГЕРМ. И этот источник – Бог?

ЛАХ. Безусловно.

ГЕРМ. Есть ли что-нибудь более ценное, чем Бог?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. А добро – это Бог?

ЛАХ. Да, и любовь, и знание.

ГЕРМ. А в каждом добром деле есть ли что-либо более ценное, чем добро?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. Значит, лучшее вознаграждение любого доброго дела есть само добро?

ЛАХ. Совершенно верно.

ГЕРМ. Потому что в этом добре присутствует само ценное, что только может существовать, то есть сам Бог?

ЛАХ. Да, это так.

ГЕРМ. Но подумай, Лахес, как часто добро делается в этом мире ради самого добра?

ЛАХ. Ах, очень редко.

ГЕРМ. Чрезвычайно редко. Добро делается, это правда, но почти всегда для того, чтобы получить что-нибудь взамен, тогда как доброе дело уже несёт свою награду в самом себе, и эта награда – само добро. А люди хотят получить ещё что-нибудь сверху, что-нибудь по определению более низшего качества, потому что нет ничего ценнее добра.

ЛАХ. Чего же они хотят?

ГЕРМ. Получить некую прибыль. Обязать другого человека. Возвыситься в собственных глазах. Успокоить ту совесть, которая у них может иметься.

Загладить чувство вины за какой-нибудь проступок. Есть множество мотивов.

Очень редко человек творит добро, ничего не ожидая взамен. Говоря «ничего» я имею в виду именно «ничего». Добрый поступок может принести тебе чувство удовольствия, даже наслаждения. Ты втайне надеешься показать Богу, какой ты хороший. Ты стремишься спасти свою душу от вечного проклятия. Ты хочешь заработать себе место в Раю. Во всех этих случаях ты творишь добро не ради самого добра, но ради ожидаемой награды за него. Это не добро, а сделка.

Истинное добро ничего не ожидает взамен, никакого подарка, никакого Рая, ни даже Божьей любви. У добра уже есть награда, и эта награда – само добро.

ЛАХ. Если монахиня проводит свою жизнь, занимаясь благими делами и ухаживая за больными и бедными...

ГЕРМ. Если она делает всё это, чтобы потом сидеть у Божьего престола и купаться в неугасимом сиянии, то она трудится по контракту, заключённому с Богом. Работа грязная и тяжёлая, но впереди – великая плата. Это даёт монахине силу. Если человек протягивает монету нищему, потому что желает заработать для своей души ещё пару граммов блаженства, или показать всем, как он добр и щедр, или проникнуться к себе ещё большим уважением, то он совершает сделку. Он делает что-то и ждёт, чтобы ему заплатили.

ЛАХ. Но если мы будем смотреть на добрые дела вот так, то получится, что ни одно из них не является по своей сути добрым!

ГЕРМ. Точно! Солнце светит потому, что у него есть свет, а не для того, чтобы получить свет. Река течёт потому, что у неё есть вода, а не для того, чтобы найти воду. Душа творит добро потому, что она добра, а не чтобы обрести добро. Если ты делаешь добро, чтобы получить награду или избежать наказания, то твоё добро номинально. Твоя душа-то добра не делает. Ты не должен убивать не потому, что боишься быть наказанным или надеешься на место в Раю, но потому, что убийство отвратительно тебе. Только такое добро имеет ценность, потому что только тогда оно приближается к своему источнику, Богу. Видишь ли, легко творить добро, когда это ничего тебе не стоит. Улыбка, доброе слово, дешёвый подарок и многие подобные мелочи, которые люди делают друг для друга, полагая, что творят добро, на самом деле добром не являются. Всё это делается для того, чтобы ещё больше утеплить наше маленькое вращающееся гнездо, свернуться в нём и спать. Если кто-то улыбнётся тебе, а ты не улыбнёшься в ответ, то человек может рассердиться и посчитать тебя грубияном. Его маленькая доброта может мгновенно испариться. Если тебе преподнесли дешёвую ручку на твою годовщину, а ты скажешь дарителю, что его подарок бесполезен, то его доброта по отношению к тебе исчезнет во мгновение ока. Это происходит оттого, что люди не делают добро для тебя. Они делают его для себя. Ты улыбаешься другим, чтобы избежать их агрессивности. Ты тратишься на дорогие подарки, чтобы создать хорошие отношения. Если кто-то требует от тебя больше, чем ты можешь добровольно дать, то твоя доброта по отношению к тому человеку меняется на свою противоположность. Такие разновидности маленького добра, хоть люди и хвалят их, хоть они и могут иметь прагматическую ценность, на самом деле так же бесполезны, как действия и объекты, с помощью которых они проявляют себя. Поскольку добро не принадлежит этому миру, но находится с Богом, то для него требуется отдаление от мира, то есть жертвенность. Ты приносишь себя в жертву ради других, потому что ты достаточно вырос, чтобы видеть, что другие – это ты сам. Если ты даёшь что-нибудь пустяковое другому человеку, ты показываешь этим, насколько ты ценишь самого себя. Твоя ценность измеряется ценностью твоих даров и поступков.

ЛАХ. Но, Гермоген, надеюсь, ты не призываешь нас всех не улыбаться друг другу и не дарить открытки?

ГЕРМ. Конечно, нет. Нам следует это делать, потому что это помогает нам сосуществовать на нашем маленьком комочке из пыли и воды. Я говорю, что нам не следует обманывать самих себя, считая подобные пустяки добром. Такой самообман может быть даже опасным, ведь он создаёт для тебя ложный образ тебя самого, якобы хорошего человека, тогда как ты даже не знаешь, что такое добро. Многие люди поглощают бульварное чтиво и считают себя знатоками литературы, тогда как они в жизни своей не прочли ни одного настоящего романа. Таким же образом, многие люди совершают мелкие, дешёвые поступки,

считая себя хорошими, тогда как они ещё не сделали ничего по-настоящему хорошего.

ЛАХ. Ты вогнал меня в депрессию уже несколько раз сегодня.

ГЕРМ. Я рад.

ЛАХ. Почему моя депрессия приносит тебе радость?

ГЕРМ. Потому что в этом состоянии ты задаёшь дельные вопросы.

ЛАХ. Я думаю о моей собственной любви и о добре, сделанном мною, и должен признаться, что я никогда не был свободен от желания получить что-нибудь в обмен на моё добро. Обычно я становился неприятным, если моё добро не замечали или не ценили. Я любил жену, но не смог бы отдать за неё жизнь, или хотя бы взять её болезнь в обмен на моё здоровье. Я боялся за себя самого. Я хотел жить. Я не могу даже отдать всё моё время моим дочерям, не говоря уже о чём-нибудь более важном, чем время. И с тобой, Гермоген, я чувствую то же самое. Мы провели уже довольно долгое время за нашей беседой, и я питаю к тебе глубокое уважение, но если бы ты попросил меня, я не смог бы отдать тебе мои деньги или мой дом.

ГЕРМ. Я и не хотел бы, чтобы ты это сделал. Я научился ожидать от других людей их настоящих способностей, а не претензий. Мы ещё не встретились на глубокой глубине, Лахес. Когда это произойдёт, твои деньги и твой дом будут казаться тебе такими незначительными, что не будет иметь никакого значения, удержишь ты их или отдашь. В этом мире есть по большей части лишь отражения любви и добра, с разными степенями мутности. Настоящая любовь и настоящее добро не отсюда, но пребывают с Богом. Там их и следует искать. Там им и нужно учиться.

ЛАХ. Я наблюдал за кончиком фиолетового крыла.

Сначала это была вершина той горы.

Потом крыло отсоединилось и образовало другую вершину, тень плотнее камня.

А теперь взгляни! Кромка небесного свода стала вся фиолетовой, как перевёрнутая чаша, поставленная в мелкую, тёмную воду.

ГЕРМ. Наступил вечер.

ЛАХ. Я всё ещё вижу вспышки света над морем.

ГЕРМ. Буря отходит прочь.

ЛАХ. Надеюсь, что так. Ещё один порыв, и от города ничего не останется.

ГЕРМ. Порыва не будет. Какое-то время.

ЛАХ. Что же мне делать? Как мне жить?

ГЕРМ. Твой путь – это твой путь. Найди своё разумное, своё лучшее понимание, и держись его, не предавай его.

ЛАХ. Мне никогда не удавалось вести себя самого.

ГЕРМ. Это гораздо проще, чем следовать приказам.

ЛАХ. Но как я узнаю, что моё искреннее устремление не является самообманом или вообще злом?

ГЕРМ. Неважно, обман оно или нет. Мы все пребываем в обмане, кто больше, кто меньше. Истина начинается с обмана. Любое искреннее устремление поведёт тебя в правильном направлении. Что же до зла, то ты поймёшь свои действия по их плодам. Если твои устремления приносят вред или влекут тебя вниз, то ты увидишь это.

ЛАХ. Надеюсь.

ГЕРМ. Восхождение каждой души неповторимо. Его нельзя имитировать или превратить в окаменелый набор инструкций. Помнишь человека, о котором я раньше говорил?

ЛАХ. Кого?

ГЕРМ. Моего друга. Часовщика, который уже умер.

ЛАХ. Да. Что-то такое помню.

ГЕРМ. Он был гораздо старше меня, но мы подружились. Видишь ли, в юности я был очень агрессивным. Водил компанию с негодными людьми. Потом пережил кризис и утратил веру в Толстого на облаке. Даже подумывал о самоубийстве. Всё казалось мне безжизненным, серым. Я сильно запил. Однажды я уронил свои часы на мостовую, и они остановились. Я посмотрел на разбитое стёклышко, на неподвижные стрелки, показывающие мгновение своей маленькой катастрофы... Зачем пьянице, который к тому же хочет убить себя, чинить свои часы?

ЛАХ. И тогда ты встретил своего друга...

ГЕРМ. Да. Часы он чинил долго. Думаю, специально. Он говорил со мной. На другой день я снова пришёл, и с тех пор часто заходил к нему в мастерскую. Он обычно сидел, вглядываясь в крошечный хаос болтов и пружин. Я смотрел на его лоб, украшенный смешной лампочкой. Часто мы даже ни о чём и не говорили. Простое сидение в углу, на стуле, под разнобойные перешёптывания механизмов, приносило мне странное успокоение. Я как будто медленно пробуждался от тяжёлого сна. Птицы вставляли своё чириканье между тоненькими стуками стенных часов.

ЛАХ. Когда он умер?

ГЕРМ. Он уже был очень стар, когда мы познакомились. Я знал его около года. Как-то днём я пришёл к нему и увидел замок на дверях мастерской. Был аукцион. Продавали его часы, некоторые из них просто чудесные. Я и не знал, что у него были такие сокровища. Мне ужасно хотелось купить настольные часы в стиле рококо, с двумя позолоченными попугаями и обезьяной, хватающей их за хвосты, но у меня не хватило денег. Часы ушли к толстому зеленщику.

ЛАХ. Тому самому, за которого вышла твоя Анжела?

ГЕРМ. Да. У тебя хорошая память. Надеюсь, ты так же хорошо запомнишь всё остальное.

ЛАХ. Как звали твоего друга, Гермоген? ... Гермоген?

ГЕРМ. Прости. Я задумался. С тех пор моё высшее существо было навеки связано с моим другом-часовщиком. Он был опрятным старичком, даже красивым по-своему, очень чистым. Ты, должно быть, видел таких пожилых людей. Их старость более привлекательна, чем юность многих. Его смерть тоже была опрятной и чистой, лишённой своего обычного безобразия. Будто хорошо смазанный ставень был плавно прикрыт ветром. Как многоцветный листок, он оторвался от ветки родимой и покатился к морю.

ЛАХ. Скажи мне, что он тебе сказал.

ГЕРМ. Ты и впрямь хочешь получить инструкции, Лахес! Вот было бы здорово, если бы твоя искра прислала тебе письмо.

ЛАХ. Да, письмо от моей искры! Этого я хочу. Не смейся!

ГЕРМ. Ну ладно. Письмо от твоей искры. Представь, что она прислала-таки его. Письмо начиналось бы как-нибудь так:

«Моя дорогая Душа и дышащая машина по имени Лахес!

В ответ на твои отчаянные просьбы я решила написать тебе это письмо.»

ЛАХ. Да, да! Прошу тебя, продолжай!

ГЕРМ. «Очень трудно давать советы, ведь я божественна и не должна проходить через твои испытания, выбирать между жизнью и смертью. Ты, машина по имени Лахес, можешь пока съесть что-нибудь или поспать, а я побеседую с твоей Душой, ведь ты так и так умрёшь.»

ЛАХ. Машина испугалась.

ГЕРМ. «Впрочем, можешь остаться и послушать. Дай Душе всё, что сможешь, и твои дары переживут тебя.

Восхождение души так же сложно, как и её нисхождение, а нисхождение иногда бывает восхождением. Невозможно предугадать все взлёты и падения души, прорывающейся к жизни.

Как тебе относиться к природе? Как относиться к обществу? К другим людям? К собственному телу? К себе самой?

Природа жестока и наполнена смертью. Невозможно быть частью природы и не приносить смерть и страдания. Можно быть очень осторожным. Можно подметать тропинку, на которую готовишься ступить, и всё равно давить муравья или ящерицу, всё равно ломать крылья бабочке и уничтожать чей-то дом. Мы приносим смерть самим фактом нашей плотскости. Плоть сталкивается с плотью. Плоть убивает плоть. Даже внутри твоего собственного тела происходит так много убийств и умираний, что если увеличить всё это и показать на небе, как на огромном экране, то мир задохнётся от ужаса.

Тело приносит смерть и уйдёт в смерть. Но последует ли за ним душа? Пойдёт ли душа туда же, куда и тело? Твоя душа должна отринуть любое намерение принести боль и смерть, как другим, так и себе самой. Она должна воспитать в себе равное сострадание и к себе, и к корове, и к муравью.

Не причиняй вреда.

Если ты хочешь правил, то это должно стать твоим первым правилом. Не причиняй вреда живым существам и не плати тем, кто причиняет им вред. Твоё тело будет ошибаться, но душа не совершит тех же ошибок.»

ЛАХ. Но иногда необходимо убивать!

ГЕРМ. Ты разговариваешь с письмом, Лахес?

ЛАХ. Ну...

ГЕРМ. Какое замечательное письмо, оно отвечает на вопросы! Ну хорошо, давай представим, что оно интерактивно.

ЛАХ. Оно и должно быть таким, ведь оно написано искрой!

ГЕРМ. «Единственное исключение, о котором я могу подумать, когда можно лишиться жизни другое существо, это чрезвычайная нужда, когда не убить будет означать смерть тебе или другим. В таком случае делай всё, что нужно сделать, чтобы выжить. К счастью, подобные ситуации весьма редки, и тебе, может быть, никогда не придётся лишать кого-либо жизни. Не причинение вреда должно стать твоим ведущим принципом в общении с природой. Оставь всякое намерение приносить боль и смерть.»

ЛАХ. С этим я согласен. А как мне вести себя с людьми, письмо?

ГЕРМ. «Если ты помотришь на человеческое общество бесстрастным взглядом, то ты увидишь, что люди совершенно безумны. Это растерянная толпа, носящаяся туда-сюда весь срок своей мгновенной жизни, делающая всё возможное для того, чтобы уничтожить этот серый ком, летящий в чёрном пространстве. Люди прожигают свои краткие годы в чередѣ трудов и удовольствий, в поисках счастья, которое понимается как меньше труда и больше удовольствий. Или же они носятся с идеями всемирного порядка, которые неизменно переводятся на язык насилия и ещё насилия. Бывают проблески высшего понимания то там, то здесь, но это всего лишь проблески.

Если люди несчастны, они ноют и заставляют других платить за своё несчастье. Если они довольны, то они сидят и жиреют. Бессмысленно говорить с ними, убеждать их. Это всё равно что говорить с потерявшим сознание. Он может расслышать какие-то фрагменты слов, он даже может шевельнуться, но не более.

Оставь хили в покое, моя дорогая Душа. Не позволяй им затащить тебя в своё безумие, в своё пагубное бездействие. Пробуждающаяся душа чувствует себя как трезвый гость на пиршестве, окружённый пьяными. Лучше отдалиться от них и вовсе не соприкасаться с хили. Если это невозможно, то сведи свои дела с ними к самым необходимым.»

ЛАХ. Но как же насчёт помощи другим?

ГЕРМ. Ты спрашиваешь меня или письмо?

ЛАХ. Сначала тебя, а потом и письмо.

ГЕРМ. Тебе нужно делать другим столько добра, сколько ты можешь делать, не испытывая горечи. Не следует превышать свои возможности, потому что тогда твоё добро будет испорчено сожалением. Ты можешь отдать все свои деньги нищему, но, когда пройдёт первый восторг, ты почувствуешь горечь. Добро – это жертва. Сделать слишком много добра, не подготовившись – всё равно что поднять слишком большой груз без тренировки. Ты надорвёшься и достигнешь результата, противоположного желаемому. Сначала научись любить себя самого и не вредить другим существам, ни животным, ни людям. Затем, постепенно, учись делать добро другим, медленно, начиная с малого. Нужно долгое время, чтобы научиться позволять себе большие жертвы. Прощай себя и прощай других. Добро начинается с воздержания от зла. Не ожидай от других большего добра, чем они в состоянии сделать, а обычно это очень мало. Никто не может выйти за свои границы. Не вини себя за то добро, которое ты пока не можешь вынести.

ЛАХ. А письмо желает что-нибудь добавить?

ГЕРМ. Кажется, да.

«Многие люди хотят помочь миру, потому что не могут помочь себе. Легче думать о каком-нибудь голодающем на другом континенте, чем о собственной голодающей душе. Страдания мира слишком велики для одной пары плеч. Даже божественный Атлас застонал, когда голубой кристалл вдавил его голени в землю. В тебе не хватит слёз, чтобы плакать о человечестве. В тебе не хватит тебя, чтобы сделать человечество похожим на тебя. Великие цели выдают малость замыслившей их души. Столь многие пытались изменить мир, потому что были не по зубам самим себе!

Завоюй маленький мир
в тебе и вокруг тебя,
и оставь большой мир в покое.

Пусть не будет жестокости в твоём маленьком мире,
пусть в нём не будет насилия.
Пусть в нём не оскорбляют человека, не вредят животному.
Пусть не будет воровства ни в тебе, ни в твоём доме.
Пусть там правит любовь,
а знание указывает путь.

Ты можешь приручить лишь тех зверей, что рядом с тобой.
У тебя нет власти над саваннами, и джунглями,
и тёмными чащами мира.

Если ты можешь изменить ту малую часть,
над которой у тебя есть власть,
значит, ты изменишь и часть большого мира.

Немногие звери более ужасны,
чем те, что живут во мне самом.
Рёв, поднимаемый ими, зловоние их желаний
невыносимы.

Я – малый сосуд,
постоянно колеблемый когтистыми лапами.»

ЛАХ. Если бы каждый поступил так, то есть привёл бы в порядок малую часть большого мира в себе самом, то не осталось бы никаких проблем.

ГЕРМ. Наивная мысль, Лахес. Ты сам знаешь, что это невозможно.

ЛАХ. Да, знаю. Однако раньше я был сущим ребёнком. Я даже подумывал о том, чтобы стать политиком, «сыграть решающую роль»!

ГЕРМ. Ты всё ещё думаешь об этом?

ЛАХ. О Боже! Нет, конечно! Я пытался, но меня быстро утомила вся эта смертная галиматья.

ГЕРМ. Вот почему в мире так мало достойных политиков. Большинство достойных людей, которые совершают эту ошибку и начинают заниматься политикой, в конце концов убегают в омерзении, зажимая нос ладонями, потому что вонь действительно нестерпима.

ЛАХ. И всё-таки, если бы каждый отвернулся от политики, мир был бы порабощён насильниками.

ГЕРМ. Он уже порабощён, Лакес. Любое общество, как бы оно себя ни называло – монархией, демократией или чем-нибудь другим, основано на насилии, на угнетении. У него одна цель – держать население в повиновении и выжимать из него как можно больше соков. Эта тирания может быть открытой или же прятаться за всяческими масками. Волк притворяется зайцем, или курицей, или ангелом. Лучше, когда он не носит никакой маски, потому что тогда его хорошо видно. Банда «пастухов», которая командует овцами, называет себя правительством и усиливает своё влияние за счёт шайки палачей, называемых армией и полицией. Волк может притворяться добрым, но лишь пока овцы тупятся в землю и повинуются. Попробуй встать и воспротивиться волку, и ты мигом увидишь его белые клыки.

ЛАХ. Но волка можно убить!

ГЕРМ. Революционеры убивают волков и тут же заменяют их новыми волками, более жадными до крови. Нужно понимать, что любая политическая структура, абсолютно любая – это волк, и по-иному быть не может.

Любое общество, абсолютно любое, основано на насилии, иначе оно не смогло бы существовать.

Степени насилия бывают разными, но суть остаётся той же.

Нельзя убить волка, не убив все прочие существа на этой планете. При абсолютных монархиях волк заявляет о своём божественном праве на власть, цитируя из книги, написанной послушными священниками. При диктатурах волк наиболее откровенен. Он правит, потому что поддержан самыми сильными бандитами. В других структурах политическое и социальное насилие прикрывается красивыми, бессмысленными словами. Иногда волк и его псы становятся слишком жадными и сдавливают овец слишком сильно. Достигнув границ терпения, овцы поднимают бунт, обнаруживают среди себя волков и уничтожают тирана, вместе с его армией и полицией. Появляется новый волк и всё повторяется снова. Я не желаю критиковать общество. Это и нудно, и опасно. Если ты говоришь достаточно громко, тебя могут даже убить. Кроме того, другие уже раскритиковали всё самым удовлетворительным образом, и я радостно оставляю им заслуженные лавры. Ты, однако, должен решить вот что: как тебе нужно себя вести. Если ты дашь втянуть себя в дела мира, то ты не спасёшься из него. Тебя заморочит, замутит и всосёт неостановимый водоворот насилия и лжи. Столько душ уже пропало в нём, прожгло свои жизни, пытаюсь улучшить неулучшаемое!

ЛАХ. Но ведь мир улучшился! Раньше было рабство...

ГЕРМ. ... а теперь его нет? Не так, Лакес. Мир не улучшается и не может улучшиться. Меняется его покрытие, но сам он остаётся точно таким же, каким и был в течение столетий. Да, некоторые формы насилия исчезли, но они были тут же заменены другими формами, более тонкими, возможно, но не менее опасными. Если государство не будет жестоким, оно не выживет. Чтобы быть здоровым именно как государство, оно должно быть готовым убивать своих врагов и притеснять своих подданных, выжимая из них жизненные соки для себя самого. Если ты хочешь процветать в государстве, ты должен быть таким

же, как оно. Старинные монархии делали всё, что было нужно для своего блага, вторгались в чужие земли, убивали туземцев, объединялись с удобной для них формой религии, жгли еретиков, уничтожали без всякого сожаления любой враждебный элемент. И единственным оправданием было благо государства, иногда прикрываемое Божьей волей. Эти монархии были здоровыми и сильными, они внушали страх, заставляли считаться с собой. В этом мире нельзя преуспеть иначе. Но нужно ли твоей душе такое преуспевание?

ЛАХ. Если каждый отвернётся от мира, то кто же будет бороться с тиранией и несправедливостью?

ГЕРМ. О, такой опасности не существует. Наш маленький разговор ничуть не изменит этот мир. Он продолжит бегать, изгибаться и пыхтеть, пока хили не уничтожат его совершенно или пока он сам не закончится. То, что я говорю, относится лишь к нескольким душам, которые осознали своё положение и хотят вернуться домой.

Всегда будут борцы за справедливость. Любопытно наблюдать за тем, как раб пыжится, носится со своими свободами и требованиями, тогда как единственная причина, по которой ему позволяется всё это делать – его незначительность. Он не представляет угрозы государству. Ему даже разрешают прыгать и скакать, потому что это создаёт иллюзию демократии для других овец. Но его свободы прямо равняются терпению его хозяев. Если раб слишком заносится, его раздавливают, как насекомое, заползшее за воротник. Борьба с политическим режимом – бесплодное занятие. В худшем случае тебя замучают или уничтожат. В лучшем, один волк будет заменён другим. Ещё более злое то, что подобная борьба держит развитые, благородные души в плену мира дольше, потому что даёт им иллюзию, что они помогают другим. Нельзя помочь другим, если не поможешь себе. Нет смысла биться головой о стену.

Если ты возложишь свои надежды
на материальный мир,
то ты будешь им обманут.

Этот мир не вечен.
Он был создан во времени и завершится,
что бы ты ни делал.

Вопрос лишь в том,
завершится он с тобой внутри себя
или без тебя?

Помни, что ты – часть этого мира,
такая же ценная, как и любая другая часть.
Спаси себя самого, и ты спасёшь часть мира.

Ты не можешь спасти весь мир,
особенно если он не хочет быть спасённым.

ЛАХ. Должен признаться, я и сам думал об этом, только не очень чётко. Теперь ты выразил мои мысли ясными словами. Сумасшедший дом, управляемый волками! Что за образ!

ГЕРМ. Разительный, но правильный. Гляди, в твоём письме есть ещё одна страница!

ЛАХ. Что там?

ГЕРМ. Читаю.

«Общество людей – это растерянная толпа,
разрываемая во все стороны страстью и безумием,
она сбивается в кучу от страха одиночества.

Как ночные бабочки возле пылающей лампы,
люди летают по кругу,
пока не сожгут себе крылья
и не упадут на землю.

Как скопище сумасшедших,
они перебегают с места на место,
хватая землю, из которой сделаны,
набивая ею свои карманы,
взбираясь на навозную кучу
и сидя там, гордо ворочая головами,
пока другие не стащат их вниз.

Одна машина глядит с похотью на другую машину,
которая пытается продать себя подороже,
пока она ещё не начала распадаться на части.

Они строят здания на зыбучем песке
и кладут голову на бегущую воду.
Осаждают замки, построенные из ветра,
и ломаются в двери, ведущие в никуда.

Мы живём в сумасшедшем доме,
шумном, тупом и опасном,
наполненном сомнамбулами,
которые совокупаются друг с другом,
сражаются друг с другом,
бросают требования друг другу,
никогда не пробуждаясь, пока не свалятся на пол
и их не оттащат за ноги прочь.

Всё больше и больше животных создаётся Демиургом,
всё больше и больше из них рождается людьми.
Они люди по внешности,
но внутри они всё ещё животные,
движимые инстинктами, жертвы алчности и похоти.

Их сбивают в стада и запирают за оградой
более умные звери,
которые начали пробуждаться,
но ещё недостаточно проснулись, чтобы с омерзением взглянуть на себя.

Мы спим среди шума,
но мы пробуждаемся в тишине.»

ЛАХ. Должно быть, очень трудно отвязаться от общества.

ГЕРМ. Ты не отвязываешься. Это просто происходит.

Муж и жена живут вместе,
ссорятся, изменяют друг другу
и не могут решить, нужно ли им разводиться или нет.
Пока они не могут этого решить,
между ними остаётся что-то,
что держит их вместе, даже если они несчастны.
Когда между ними больше ничего не остаётся,
то развод уже произошёл,
даже если они и живут пока в одном доме.

Твоё тело будет принадлежать обществу так же, как тело женщины
принадлежит её грубому супругу. Когда она выйдет из своего тела, то он
больше не будет иметь власти над ней. Пусть наслаждается своей властью над
её гниющим трупом. Как только произойдёт перемена в твоём сердце, ты
больше не будешь частью дома безумных. Твоё тело может оставаться в нём
какое-то время, то жизнь тела – одно мгновение.

ЛАХ. Мне жаль моего тела. Это такая замысловатая машина. А что моё
письмо, Гермоген? Ты закончил читать?

ГЕРМ. Нет, немного ещё осталось.

ЛАХ. Воздух внизу, в долине, становится чёрным, как штора похоронной
карей, вся порванная от частого пользования.

ГЕРМ. Так много она уже скрыла от глаз!

ЛАХ. Моё тело – это тоже общество. Им управляет мозг, а его законы
навязываются нервами. Мои органы – народы. Мои конечности – армии. Мои
ногти и зубы – оружие. Мои испражнения – смерти.

ГЕРМ. Давай-ка я лучше почитаю дальше.

«Это правда, что твоё тело ограничивает тебя,
втискивает тебя в ужасно узкий футляр.

Однако твоё тело также даёт тебе
возможность действовать здесь, в материи,
которой уловлена твоя душа.

Твоё тело может стать твоим хозяином,
твоим диктатором, если ты позволишь ему это.

Твоё тело глушит и сковывает тебя.
Твоё зрение ограничено твоими глазами,
твой слух ограничен твоими ушами.

Это – великолепные органы,
которые позволяют тебе воспринимать лишь крошечную часть мира,

самую грубую часть.

Великолепие твоего тела
проявляется не только в том, что оно позволяет тебе делать,
но и в его превосходной способности ограничивать тебя.

Это своего рода спасение,
потому что, если бы ты смог видеть всё, что в самом деле окружает тебя,
миры, сжимающие друг друга подобно дрожащим ладоням,
демонов, проносащихся по воздуху,
толпу мёртвых, трущихся о тебя со всех сторон,
то ты ужаснулся бы, ты пал бы на своё лицо.

Некоторые люди, чьи тела не действуют как должно
и не ограничивают восприятие полностью,
начинают видеть и слышать по-настоящему. Их считают сумасшедшими,
их мозги одурманивают ядами,
возвращая их силой в спасительное оцепенение.

Ты должен любить своё тело и заботиться о нём.
Держи его в чистоте и здоровье.
Отдавай ему должное, и оно позволит тебе работать.

Оно было создано Демиургом,
но в нём отразился разум Бога.

Твоё тело должно подчиняться
постепенно
требованиям твоего духа,
потому что слишком много слишком скоро ошеломит тебя
и может уничтожить твою душу.

Больной человек – обуза для себя и для других.
Трудно работать в болезни или нищете.
Значит, заботься о своём теле,
чтобы не заботиться о нём.

Хорошее тело – это невидимое тело,
не преграждающее путь духу.»

ЛАХ. Моя искра выразила всё это хорошо. А ты, Гермоген? Что ты думаешь?

ГЕРМ. Насилие есть насилие, направлено ли оно на тело другого существа
или на твоё собственное тело. Невозможно творить насилие и не быть
насилыником, как невозможно красть и не быть вором или убивать и не быть
убийцей. Зверская душа будет вовлечена в насилие. Материя сурова, потому что
она кипит в море духа. Жестокая душа кипит вместе с материей.

ЛАХ. Вот как...

ГЕРМ. Насилие – это не только так называемое умерщвление плоти. Когда
разнеживаешь своё тело, даёшь ему неподходящую пищу, ослабляешь его

виной, ядами или чрезмерным соитием – всё это тоже насилие, но, возможно, ещё более жестокое, чем стегание себя кнутом по спине.

ЛАХ. Некоторые думают, что тело мерзко.

ГЕРМ. В здоровом теле нет мерзости. В природе некоторые существа источают запах для самозащиты или чтобы их заметили самки, но многие содержат себя в большой чистоте. На это есть причина, потому что запах привлекает хищников. Больное тело, напротив, начинает смердеть, потому что оно переполнено ядами. На это также есть причина. Больное тело привлекает к себе хищников, чтобы род избавился от слабого или заразного элемента. Также лучше давать хищникам именно эту пищу, чем приносить в жертву здоровых, ценных особей. Так что, да, люби своё тело, Лахес, и заботься о нём, но без сильной привязанности, ведь чем сильнее ты увязан со своим телом, тем бо́льшая часть тебя умрёт вместе с ним.

ЛАХ. В юности я хотел стать священником, но у меня не хватило терпения. Я слишком восторженный. Мою душу охватывает сильнейшее возбуждение, я бросаюсь в какие-то новые дела, а потом принуждаю себя заниматься ими, потому что мне стыдно их бросить. Когда я путешествую, то захожу в каждую церковь, каждый собор. Вхожу, и каменное небо круглится перед моими глазами. Покупаю свечку, зажигаю её. Смотрю, как янтарный цветок распускается на восковом стебле. Говорю себе, что Бог смотрит на меня и видит, как я благочестив...

ГЕРМ. И Бог берёт ручку и ставит галочку напротив твоего имени в своей учётной книге.

ЛАХ. Что-то вроде этого.

ГЕРМ. Религия – великое утешение. Так много людей вынесло невыносимое благодаря ей. Помнишь, как мы говорили, что красота этого мира есть не красота самого мира, но отражение красоты Бога в нас самих?

ЛАХ. Я помню.

ГЕРМ. Таким же образом, чувство тоски по Богу, по пребыванию рядом с Богом, ощущение его присутствия каждой клеточкой твоего тела есть чуждое чувство.

ЛАХ. Чуждое?

ГЕРМ. Да. Красота привносится в этот лишённый красоты мир извне, и так же благочестие привносится в этот мир облачений, ладана, свечек, грехов, ритуалов и бормотания молитв извне. Само по себе всё это бессмысленно. Благочестивый человек благочестив потому, что у него есть внутренняя склонность к благочестию, а не благодаря священникам, ритуалам и церквам. Они могут стимулировать, поддерживать благочестие, разумеется, но они не смогут создать её в пустой душе. Церковь – это социальная организация и служит той же цели, что и государство, только в ином обличье.

ЛАХ. А ты не смешиваешь, как это часто бывает, церковь с религией?

ГЕРМ. Смешиваю, но у меня есть на то причина. Церкви нужна религия, но религии не нужна церковь. Как только религия создаёт церковь и начинает расширять свои амбиции, разница между ними почти полностью стирается.

ЛАХ. Почти.

ГЕРМ. Государство держит своего раба в повиновении страхом наказания, и церковь делает то же самое, только наказание иное. Возможно, вечное. Вот поэтому церковь и государство действуют сообща. Они – две клешни одного и того же краба. Легко поверить тому, что чиновники, работающие в великолепных церквах, построенных другими, носящие одеяния, расшитые

другими, читающие по толстым книгам, обладают неким особым знанием. Однако священники ничем не отличаются от чиновников. Они так же запутаны в этом мире, как и все прочие люди. Некоторые из них даже и не верят ни во что, но выполняют свою работу в церкви, чтобы зарабатывать хлеб насущный.

ЛАХ. А не упрощаешь ли ты, Гермоген? Ведь существуют же мудрые, пылкие души, посвятившие себя служению другим, религии?

ГЕРМ. Эти души, Лакес, таковы вследствие того, чем они являются, а не того, что они делают. Были времена, когда ещё не существовало ни церквей, ни организованных религий. Неужели ты полагаешь, что тогда не было мудрых и пылких душ? Религия – сложная вещь. Она меняется, становясь хорошей или плохой, в зависимости от того, где находится наблюдатель.

ЛАХ. Объясни.

ГЕРМ. В мире хили религия и церковь смешаны в неделимое целое. Видишь ли, люди не могут постичь Бога, поэтому любой Бог, в которого они верят, есть Бог, вымышленный ими. Тем не менее, они приписывают абсолютные качества своему ограниченному восприятию. Хили верят, что Бог живёт в соборах, что статуи могут видеть и слышать их, что нарисованные изображения могут помочь им. У священников особые отношения с Богом, и поэтому священников надо слушаться. Это всё хорошо, но только для хили.

ЛАХ. Как же невежество может быть хорошим?

ГЕРМ. Оно хорошо для всех, потому что держит стадо в повиновении, в страхе. Многие попробовали бы перехитрить государство, многие испытывают презрение к властям этого мира. Но часто такие люди боятся Бога. В них была заложена (или вбита) мысль, что Бог видит всё и что наказание будет очень суровым. Многие насильовали бы, и убивали, и крали, надеясь избежать тюрьмы или казни, многие были бы гораздо более жестокими в тех сферах жизни, куда не простирается рука закона, если бы не было священников, говорящих им, что Бог сидит на небе, наблюдая, записывая всё в свою книгу в переплётёте из облаков, и что Бог низвергнет их в пламя вечное. Эти начинающие изверги пугаются и проводят свою жизнь в относительном подчинении. Они страшатся негасимых огней Ада, ничуть не подозревая, что они уже теперь горят и поджариваются в собственном невежестве. Религия укрощает стадо, смиряет его слепые и жестокие порывы и в этом отношении приносит пользу.

ЛАХ. Так, значит...

ГЕРМ. Когда хили превращается в трансцендента, то зазор между церковью и религией становится всё более очевидным. Такой человек замечает всё возрастающее число несоответствий между действиями церкви и учениями своей религии. Трансценденты по-разному реагируют на этот кризис веры. Некоторые винят себя за свою гордыню и учатся подчиняться, доверять какой-нибудь книге, а не голосу своего духа, некоторые вообще порывают с церковью, а некоторые...

ЛАХ. Создают собственную церковь!

ГЕРМ. Да, и всё начинается сначала. Но есть и другие, которые внешне выполняют предписанные обряды, но на самом деле развивают оккультные учения, в которых все религии объединяются в одно целое. Только таким образом трансцендент может сосуществовать с церковью, не кланяясь глупости и не впадая в гнев. Следовательно, у каждой религии есть две стороны, как ты знаешь, экзотерическая, для масс, и эзотерическая, для немногих трансцендентов. Церковь и осуждает эзотерические учения, и нуждается в них, потому что они – единственное, что может удержать лучшие умы под её

сводами. Эзотерические учения, с другой стороны, не нуждаются в церкви так сильно, как церковь нуждается в них. Если возникает непримиримый конфликт, то они покидают церковь и находят собственный путь. Для трансцендента чрезвычайно опасно следовать только экзотерической стороне своей религии.

ЛАХ. Почему?

ГЕРМ. Потому что работу над самосовершенствованием ты заменяешь обрядами и молитвами. Ты тратишь свою жизнь на бесполезные занятия. Всё хорошо, если твои молитвы глубоки, осознанны, пылки, если ты всем существом своим участвуешь в обрядах и таким образом соединяешься с глубокими учениями своей религии. Но как часто молитвы просто проборматываются, а обряды просто выстаиваются в ожидании плотного обеда, который ждёт дома? Потом ты радостно набиваешь себе рот, полагая, что твоя духовная работа на неделю сделана и что теперь можно с чистой совестью расслабиться? Вот здесь и кроется опасность. Человек может следовать предписаниям, произносить слова, выстаивать в церкви положенное количество часов и верить, что он действительно находится на пути к небу, тогда как на самом деле он не движется вовсе никуда. Добавь ещё к этому высокомерие, тайное чувство собственного превосходства над другими людьми, не такими усердными, как ты! Эта слепота поистине ужасающа.

ЛАХ. Я тоже верил, что Бог сидит где-то и ставит галочку в своём небесном журнале каждый раз, когда я проведу час в церкви или почитаю из книжки. Значит, и я тратил свою жизнь попусту.

ГЕРМ. Пожалуй, я был слишком жесток, когда назвал это тратой жизни. Это не полная трата. Хили не поймёт ничего иного. Если хили искренен, то, может быть, это и есть его работа. Он перерастёт её со временем. В самом деле, многие трансценденты знают и уважают такую жизнь. Древние римляне, например, образованные, утончённые аристократы, очень хорошо понимали, что религия полезна государству, потому что усмиряет народ и облегчает им дела правления. Они вдоволь смеялись над своими богами дома, но в общественных местах были образцами благочестия.

ЛАХ. Но как же насчёт всех хороших людей, работающих в церквях, занимающихся благотворительностью, посылающих рис в бедные страны? Неужели их работа тоже не имеет ценности?

ГЕРМ. Эти люди делают добро, потому что они добры, а не потому что принадлежат к некоей религии или церкви. Существует множество людей, которые вовсе не верят в Бога, и всё-таки делают то же самое. Атеист, помогающий другим без всякой надежды на посмертное вознаграждение, гораздо благороднее человека верующего, который зарабатывает себе на Рай. Первый поступает так потому, что он таков, а второй вкладывает свои силы и деньги в надежде получить большую прибыль. Он – вкладчик. Его любовь рассчитана.

ЛАХ. Но ведь не все же такие! Есть верующие, которые трудятся вполне искренне и не помышляют о награде! Многие даже считают себя недостойными награды!

ГЕРМ. Конечно, такие люди есть. Они были бы искренними даже если бы и не верили ни в какого Бога. Что же до вкладчика, то отними у него веру, и поставки бесплатного риса прекратятся.

ЛАХ. Так.

ГЕРМ. Нет нужды заключать сделки с Богом, потому что Бог не занимается торговлей. Нет нужды умиротворять Бога молитвами, потому что Он не может

гневаться на тебя. Чтение молитв, стояние на коленях на каменном полу, занятия благотворительностью имеют смысл только в качестве упражнения, в качестве развития власти над собой. Как средства умиловления Бога всё это хуже бесполезного. Бог не Демиург, не демон, не начальник, не палач. Бог не может гневаться, сердиться, питать к тебе злобу за какой-то твой проступок, вынашивать план мести, желать тебе страданий. Бог не может причинить тебе ни малейшего вреда. Более того, поскольку в тебе находится искра, являющаяся Богом, то Бог знает тебя гораздо лучше, чем ты сам, и ты не обманешь Его никакими словами, никакими действиями. Ты не обманешь Его, даже если обманешь себя самого. Ты кричишь, надрывая лёгкие, зовя того, кто стоит прямо перед тобой, в той же комнате.

ЛАХ. Я так часто слышал, чего Бог хочет от меня...

ГЕРМ. Так много людей берёт на себя смелость заявлять о том, чего хочет и чего не хочет Бог, будто они способны читать Его мысли. Только Бог знает, чего Он хочет. Всё прочее – либо спекуляции, либо ещё хуже.

ЛАХ. Хуже?

ГЕРМ. Если ты думаешь, что я знаю, чего хочет Бог, ты даёшь мне власть над собой. Ты думаешь, что подчинишься мне, а я поведу тебя к Богу. Вот почему священники так часто принижают человеческий разум, даже именуют его дьявольским, гнилым, падшим. Они нападают на разум, потому что его свет может раскрыть, что они есть такое, а именно люди, голодные до власти, паразитирующие на нашем страхе. Те же самые люди раньше подтирали слова в священных книгах и подделывали чудеса. Моим любимым святым всегда был Фома. Я восхищаюсь этим человеком.

ЛАХ. Легко понять, почему.

ГЕРМ. Он не испугался, не согнулся, не лёг в пыль, но попросил Христа дать подтверждение Его словам.

ЛАХ. И Христос позволил ему.

ГЕРМ. И Христос позволил ему. «Блаженны не видевшие и уверовавшие.» Возможно, это и так, однако апостолы имели дело с Христом. Мы же имеем дело с людьми, нередко говорящими неправду, чьи намерения никак не назовёшь искренними.

ЛАХ. Гермоген, но ведь не все служители церкви такие!

ГЕРМ. Конечно, не все. Везде есть исключения. Но каждая религия, которая требует слепого повиновения, принятия идей, не проверенных рассудком, каждая религия, которая отрицает разум как нечто безбожное, которая говорит тебе, что ты замаран, ущербен, потерян без священников и обрядов, которая желает, чтобы ты проводил свои дни в попытках умиловления разгневанного Бога, платил деньги церквям, называющим себя единственной тропой к Богу, каждая религия, так ведущая себя, служит не Богу, но Демиургу. Религия, которая учит тебя пребывать в печали, проводить свои дни в слезах и раскаянии, плакать по своей грязной душе, обречённой на вечное проклятие, подсчитывать свои грехи, такая религия служит Демиургу. Её цель – поставить тебя на колени, не дать подняться, заставить считать самого себя рабом. По этой причине садисты и убийцы часто становятся служителями религии. В прошлом они могли пытаться, насиловать и убивать, сжигать людей заживо, совершать любое возможное зло – и чувствовать себя прощёнными, оправданными. Если церковь теперь получит политическую власть, я надеюсь, ты понимаешь, что произойдёт.

ЛАХ. Да. Повсюду будут костры и пытки. Я даже боюсь подумать, что сделают с нами за этот наш маленький разговор.

ГЕРМ. Точно. Церковь никогда не должна иметь политической власти, потому что религиозные фанатики – это худшие из людей. Они способны на всё, потому что знают, чего хочет Бог.

ЛАХ. Люди могут извратить и перевернуть как угодно любую истину. Им это всегда очень хорошо удавалось.

ГЕРМ. У них к этому гений. «Не убивай.» Два простых слова, произнесённых Христом. Казалось бы, что может быть яснее? Не убивай. Там нет ни «если только», ни «за исключением», ни всяческих «но». И посмотри, как даже эти два простых слова были вывернуты наизнанку, извращены и перекроены, чтобы оправдывать войны, геноцид, убийство, пытки и неопишуемые преступления против животных. Люди представляют себе Бога удобным для них образом, чтобы Он служил их целям.

ЛАХ. И если они жестоки, то они создают жестокого Бога. Они даже выдумывают наказание, которое никогда не кончается, вечное наказание.

ГЕРМ. Наказание подразумевает, что некто оскорблён или как-то иначе пострадал и теперь ищет возмездия. Он хочет получить некую компенсацию за причинённое ему зло или причинить похожее или худшее зло своему обидчику. Спроси себя снова, как можно оскорбить Бога, какой можно причинить Ему вред?

ЛАХ. Никакой. Бога нельзя ни оскорбить, ни унижить.

ГЕРМ. Тогда, может быть, Бог желает причинить страдание тебе, чтобы отомстить за кого-нибудь?

ЛАХ. Это сделает его Богом-мстителем.

ГЕРМ. Можно ли любить человека и хотеть, чтобы этот человек страдал?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. Таким образом, если Бог хочет, чтобы ты страдал, Он не любит тебя?

ЛАХ. Не любит.

ГЕРМ. Значит, Бог не вселюбящ. Возможно ли такое?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. Вероятно, Бог разгневался на тебя за какой-то твой проступок и желает причинить тебе страдания, чтобы умиротворить Свой гнев?

ЛАХ. Если Бог гневается, это значит, что в Нём нет покоя и любви. Если Ему нужно было бы причинять боль, чтобы чувствовать Себя лучше, то Он был бы поистине достоин презрения, Он был бы хуже, чем многие люди.

ГЕРМ. Вот и пожалуйста. Погоня за мстостью и воздаянием, томление, гнев – всё это хорошо соответствует Демииургу, буйному существу, разрываемому внутренними противоречиями, амбициозному и ревнивому. Ничто из этого не подходит Богу. Любая религия, приписывающая Богу низменные качества, служит Демииургу. Это Демииург хочет, чтобы ты жил в страхе вечного наказания, отвергал собственный разум, проводил свои дни в плаче, бездельи, тяжком труде на благо своему тленному телу, чтобы ты оставался пленённым в этом мире теней. Это Демииург хочет, чтобы ты думал, будто тебе невозможно спастись, если ты не будешь следовать его приказам. Благочестивый человек даже называется богобоязненным. Ты только подумай об этом. Бояться Бога! Бояться самого лучшего в тебе, единственного света в этой непреходящей тьме жестокости и обмана! Бояться чего? Что Бог накажет тебя, будет пытать тебя, убьёт тебя, сделает тебя несчастным? Приносит ли Бог вред? Пытает ли, убивает ли Бог? Если религия выдвигает подобные идеи, то кому она в

действительности служит? Кто хочет, чтобы ты был рабом? Кто хочет, чтобы ты стоял на коленях перед Богом, так же, как раб стоит на коленях перед своим хозяином? Это преклонение колен, это самоуничижение есть атавизм, оставшийся нам с древних времён, когда люди думали категориями господ и рабов. Они и теперь так думают, но подчас не осознают этого. В самом деле, это самоуничтожительное поведение унизительно как для тебя, так и для твоего представления о Боге. Очевидно, что Самого Бога нельзя унижить. Если ты молишься, то не валяйся в пыли, не играй роль раба, принадлежащего деспоту. Богу не нужны рабы. Встань прямо, как делали древние персы, и пускай сердце движет твоими губами!

ЛАХ. И церкви не могут даже договориться друг с другом.

ГЕРМ. Естественно, не могут. Если бы они соглашались одна с другой, то было бы, по крайней мере, хоть какое-то подобие гармонии, не правда ли? Но не гармонии хотят они, а раздора. Они хотят, чтобы мы вгрызались друг другу в горло из-за несогласий в наших представлениях о Боге. Море никогда не бывает спокойным. В нём всегда волны, пусть самые малые, и всплески пены, и грязь на поверхности. Покой бывает лишь на глубине. Истинная религия не нуждается в убранстве. Она тиха и скрыта от глаз. Она не втирает свой образ Бога тебе в лицо. Как я сказал, на глубине, в тихой бездне, все религии сходятся, так же как в глубине каждой души одна искра встречается со всеми другими. Их много и она одна.

ЛАХ. Когда я был молод, я искал чистую религию, с непрерывной традицией.

ГЕРМ. Да, чистота. Как только религия начинает говорить о своей «чистоте», она начинает разлагаться. Люди замыкаются в маленькие сообщества, чтобы сохранить эту самую чистоту, другими словами, чтобы вариться в собственном соку.

ЛАХ. Люди отходят от мира.

ГЕРМ. И создают множество маленьких миров, точно таких же, как и покинутый ими, только меньшего размера. Это похоже на то, как заключённый отходит в дальний угол камеры и сидит там, воображая, что он теперь меньше в тюрьме.

ЛАХ. По крайней мере, его не будут постоянно беспокоить другие.

ГЕРМ. Большинство религий пытается удовлетворить этих одиночек, чтобы сохранить их в числе верующих. Аскеты не женятся и не плодятся. Хотя религия и хвалит их, она всё же приспосабливается к поведению обычных людей, к их капризам и удовольствиям, иначе она не выживет. Мани попытался воплотить аскетические принципы в массах, но был раздавлен.

ЛАХ. Мани говорил такие вещи, которые теперь кажутся глупостями.

ГЕРМ. Они кажутся глупостями, если ты не смотришь глубже поверхности. Каждая религия состоит из нескольких слоёв, от примитивной коры для хили до тёмного света оккультного знания. Мани понимал, что с массами нужно разговаривать на простом языке, обычном, но насыщенном образами, а это непременно сказки и мифы. Мани и создавал такие мифы. Он говорил, что луна нарастает и убывает потому, что нагружается светом, спасённым из материи, а потом эти искры вернутся домой, и луна вновь опустеет. Он говорил аудиторам, что избранники переваривают пищу и высвобождают свет, в ней заточённый, потому что пища – это образ, понятный аудиторам. Вещи, кажущиеся нам наивными и глупыми, могут быть полны значения для более непрехотливых

умов. Подобным же образом сказка, которая является не более как развлечением для взрослых, заставляет детей замирать от ужаса и восторга.

ЛАХ. Да, так оно и есть. В детстве я не прочёл многие знаменитые книги, написанные для детей, и теперь эти книги потеряны для меня. Я могу их прочесть теперь, но я давно уже перестал быть ребёнком. Я перерос их.

ГЕРМ. Вот этого Святой Августин и не понял. Он пробыл аудитором всего лишь девять лет и не развился достаточно для того, чтобы получить посвящение в более глубокие аспекты религии. Его критика выдаёт человека с поверхностным знанием предмета.

ЛАХ. Он не был дураком. Он должен был знать, что манихейство есть нечто большее, чем телесные газы и плоский дуализм.

ГЕРМ. Если он это знал, тогда он извратил факты и представил материал, предназначенный для хили, единственным содержанием манихейства. Незнание предмета и нечистые методы обычны для церковных полемистов. Святой Августин тут не был одинок.

ЛАХ. Совсем нет.

ГЕРМ. Итак, совершенствуйся в своей религии, если ты видишь в ней смысл.

ЛАХ. Теперь это будет сложно.

ГЕРМ. Почему же?

ЛАХ. Потому что моя религия называет Бога создателем мира. Если я не согласен с этим, то как я могу ходить в церковь? Это также значит, что всё богатое наследие этой церкви, всё то, с чем я согласен, будет для меня потеряно.

ГЕРМ. Из-за одного этого несогласия?

ЛАХ. Да, и некоторых других.

ГЕРМ. Было бы очень жаль. Если тебя тянет в церковь, то обязательно ходи туда, даже если ты не можешь принять всё, чему она учит.

ЛАХ. Но я больше не верю, что Бог создал этот мир!

ГЕРМ. Думай об этом так. Хотя Бог и не создал этот мир, без Бога мир просто не существовал бы, он просто не был бы живым. Бог даёт этому миру самое ценное из всего, что у мира есть, что делает мир возможным, то есть жизнь. Бог также даёт жизнь творцу мира. Если Бог устранился, то и творец, и творение станут абсолютно безжизненными. Если Бог не создатель, то Он, безусловно, живитель, а это самое главное.

ЛАХ. Да, такая точка зрения немного облегчает дело.

ГЕРМ. Вообще не стоит ожидать от церкви полной святости. Так можно избежать многих разочарований. Когда мы восхищаемся творениями какого-нибудь великого писателя или композитора, мы ведь часто не знаем и даже не хотим знать, что он был за человек. Многие гении, судя по воспоминаниям их современников, были совершенно невыносимы, подвержены всевозможным порокам. Ни Бунин, ни Караваджо, ни Бетховен, ни Эдгар По не были святыми. Возможно, многие из поклонников их творчества возненавидели бы их, если бы знали их лично. Очень редко появляется человек, подобный Петрарке, сочетающий в себе внутреннее и внешнее благолепие. И однако несовершенство личности наших кумиров не мешает нам черпать красоту и духовную силу из их произведений. То же самое с церковью. Она подобна человеку, который состоит из совершенного духа-искры, из души и тела. Искра церкви – это самое важное в ней, это суть её учения, это её таинства, её лучшее искусство, это прозрения её величайших представителей. Душа же церкви, как и человеческая душа, представляет собою смешение высокого и низкого, духовного и материального. Сюда можно отнести священные книги, творения

подвижников, многочисленные догматы, богословские споры, борьбу с ересями, разнообразные и часто конфликтующие взгляды – в общем, совокупность всего, созданного церковью. Многое здесь восхищает, многое даже внушает благоговение, но многое и отталкивает, вызывает протест. И, наконец, тело церкви – это сами люди, это их поведение в повседневной жизни, их добродетели и пороки. На этом уровне церковь мало чем отличается от любой другой организации. Она так же поражена жадностью денег и власти, так же корумпирована, так же нетерпима к своим противникам. Было бы неправильно пороки тела переносить на душу, а пороки души – на дух. Если глава церкви не являет собой пример благочестия, то это не значит, что вся церковь плоха и что эта религия есть заблуждение. Если многие служители религии – похотливцы и чревоугодники, то это не значит, что суть их учения есть ложь. Сходным образом, если бы все священники жили примерной жизнью, из этого не следовало бы, что их религия истинна. Некоторые неблагоприятные проявления нашего тела не являются указанием на то, что вся наша душа, а тем более дух, тоже неблагоприятны.

ЛАХ. И однако многие критики церкви делают подобные выводы.

ГЕМ. Большинство критиков уже сделало все выводы заранее и просто подгоняет предмет под выводы. Если ты ходишь в церковь, то ты должен понимать, что её здания состоят из кирпичей, а сама церковь – из людей, будь они патриархи, епископы, рядовые священники или прихожане. Не нужно ожидать от них святости, цельности и полного благочестия. Таким же образом, проникаясь преданием церкви, его так называемым духовным наследием (было бы правильнее назвать его душевным наследием), не нужно ожидать, что всё в нём будет соответствовать сути данной религии. Подобно человеческой душе, это наследие представляет собой мешанину из света и тьмы, прорывы к духу и низвержения в плоть, вдохновенные дерзания и самый низменный консерватизм, любовь к Богу и служение Демиургу. Так же, как мы ценим человека за лучшее в нём и прощаем ему всё остальное, мы должны ценить церковь за лучшее в ней, за её высочайшие мгновения, светлейшие порывы, и прощать ей её несовершенства, как душевные, так и телесные.

ЛАХ. Я постараюсь.

ГЕРМ. Чем глубже ты будешь уходить, тем меньше людей будет вокруг тебя. Церковь хочет, чтобы ты всегда был в толпе, в некоем здании, в окружении хили. Лишённый своего одиночества, ум задыхается. Люди спят вместе, но пробуждаются поодиночке.

ЛАХ. Но как я узнаю, что я пробуждаюсь?

ГЕРМ. Симптомы весьма неприятны. Ты не можешь найти общий язык с толпой, окружающей тебя. Всё, что люди говорят или делают, все их радости и печали кажутся мелкими и бессмысленными. В тебе появляется тоска, растущая день ото дня, наполняя тебя непокоем, смущением, даже паникой. Ты бежишь обратно к хили, ты ешь их пищу, совокупляешься с ними, пытаешься участвовать в их тупых увеселениях, но ничто из этого больше не захватывает тебя. Ты теряешь под ногами почву, на которой стоял раньше, гордо поглядывая туда-сюда, как олень-самец на своей забрызганной мочой территории. Непрерывная болтовня, это неизбывное перемалывание простых ежедневных фактов, из которого состоит большинство разговоров хили, становится тошнотворным. Даже прислушивание к этим разговорам вызывает рвотный рефлекс, отупляет, опустошает душу. Ты перестаёшь нравиться людям, потому что они считают тебя либо снобом, либо слабаком. Постепенно ты

превращаешься в затворника. Ты проводишь свободное время, погружённый в искусство и философию. Ты начинаешь плакать при звуках прекрасной музыки. Ты желаешь лишь одного – чтобы тебя оставили в покое.

Ворона начинает отращивать белые перья.
Карп старается выпрыгнуть из пруда
и яблоко откатывается от яблони.

Мир становится для тебя обузой. Иногда, в отчаянии, пытаюсь найти себе подобных, ты встречаешься с людьми, ведёшь беседы о спасении души или духовном пробуждении, но интересы твоих собеседников всё ещё поглощены этим миром. Они пользуются духом для того, чтобы доить материю.

Награда пробуждения – пробуждение,
не восхищение людей, не деньги,
не престиж, не расшитая мантия.

ЛАХ. Но ведь можно же встретить людей таких, как ты, и подружиться с ними.

ГЕРМ. Если ты повстречал единомышленников, то тебе действительно повезло. Обычно этого не происходит, и твоими друзьями остаются книги и живые голоса мёртвых. Боюсь, это неизбежно. Чем дальше ты уходишь, тем меньше людей вокруг тебя. Лучше быть одним, чем иметь друзей, которые висят на тебе, как жернова. Интеллектуальное неравенство в дружбе изнурительно для одной стороны и унижительно для другой. Всякий, кто тебе не помогает, замедляет твоё движение вперёд.

ЛАХ. Я уже привык дружить с произведениями искусства. Они – лучшее тех душ, перед которыми я преклоняюсь.

ГЕРМ. Что ж, Лахес, наша тропа одинока и на ней мало самоублажения и развлечений.

ЛАХ. И счастья.

ГЕРМ. Счастье часто понимается как некое великое удовлетворение. Могу сказать тебе прямо, что когда душа испытывает великое удовлетворение, это значит, что она гибнет. Она упёрлась в тупик. Это как эйфория, вызванная шоком от смертельной раны. Счастье, как, по крайней мере, я его понимаю – это постоянное движение в более и более чистый воздух. Счастье – это постоянный труд, процесс достижения поставленных целей, постановка новых целей и самосовершенствование в процессе труда. Нужно быть всегда занятым. Занятому человеку некогда страдать, ныть, печалиться. Как ты хорошо знаешь, отдых сладок лишь тогда, когда ты его заслужил. Все это понимают, но мало кому это понимание приносит пользу.

ЛАХ. То письмо, ты уже дочитал его?

ГЕРМ. Нет ещё.

ЛАХ. Тогда дочитай, пожалуйста.

ГЕРМ. Хорошо. Вот так оно кончается.

«Одна душа говорит другой:
Мы не можем учить друг друга,
потому что кувшинка души
у каждого раскрывается по-разному.

Ты можешь поведать мне о своих богатствах,
о своей тоске, о снедающем тебя отчаянии.
Всё это – твой путь, каков он есть теперь. Это твоё восхождение.

Могу ли я объяснить тебе,
как вернуться домой?
Я не могу.
И даже если бы могла, в этом знании не было бы для тебя пользы.

У нас обеих внутри одно и то же солнце,
но мы возникли в разные времена,
мы стали собой в разных пространствах.
Наш восход не может быть одинаковым.

Когда ты смотришь на искру, то пробуждается твой разум
и открываются твои глаза,
ведь её свет прожигает веки смерти,

и с ужасом, с омерзением
ты отворачиваешься прочь,
видя этот мир таким, каков он есть –
гроздью теней, разрываемых ветром.»

ЛАХ. Я в полном смятении. Солнцу пора бы уже закатиться, а оно всё
медлит на горизонте, как шар, наполненный фиолетовой водой.

ГЕРМ. Проткни его пальцем. Может быть, он лопнет.

ЛАХ. У меня руки слишком коротки. Иногда меня охватывает такая
ненависть, что хочется закричать.

ГЕРМ. Ну и кричи. Чем громче ты закричишь, тем меньше людей тебя
услышит. Самые отчаянные крики вообще беззвучны. Но я вижу, что ты ещё не
научился владеть своими эмоциями.

ЛАХ. Я искренен. Когда я ненавижу, я ненавижу.

ГЕРМ. Это опасно для тебя.

ЛАХ. Как я могу не ненавидеть Демиурга и его демонов? Как я могу не
ненавидеть весь этот обман, эту западню, в которую я угодил? Я пытался
сопротивляться твоим словам, но во мне было нечто, некая отвесная волна,
встающая из меня, и чем дольше ты говорил, тем больше мне казалось, что
говорящий – это я сам.

ГЕРМ. Не надо ненавидеть Демиурга.

Не надо ненавидеть демонов.

Ненавидя их, ты любишь их.

Не надо ненавидеть этот мир.

Ненавидя его, ты любишь его.

Ненависть – это прочные узы.

Они связывают ненавидящего с ненавидимым.

Изо всех сил старайся
не выплёскивать свои пороки в этот мир,
не посылай свой гнев и раздражение в этот мир –
чёрных наёмников, которым мир заплатит больше, чем заплатил ты,
и они вернутся, чтобы убить тебя.

Зло – это странное письмо.
Даже посланное на край света
без обратного адреса,
оно всегда возвращается к отправителю.

Избегай любого разлада.
Прощай всех и отпускай всех.
Прощай всё зло, сделанное тебе,
от всего сердца прощай его, не вдумываясь в него.

Есть разные степени рабства. Есть люди, находящиеся в полной власти демонов. Они кажутся сильнейшими, но на самом деле они самые слабые. Их души так изнурены, их искры так залапаны, что демоны не встречают никакого сопротивления, когда захватывают тела этих людей. Очень часто даже уже не сам человек совершает зверства, но демон, даже целое стадо демонов, овладевшее его телом.

Жестокие люди слабы внутри.
Их жестокость не принадлежит им,
они не могут ей противиться.

Сильные люди не жестоки,
потому что истинной силе не нужно ничего доказывать,
она знает себе цену.

Жестокость людей –
это жестокость демонов.
Она стала видимой,
управляя телами этих людей, как марионетками,
переходя от мысли и внушения
к физическому действию.

Сражайся с этими демонами-людьми,
только если они хотят лишить тебя жизни.
или разрушить твой дом, или повредить твоим близким.
Во всех других случаях уходи от них. Не будь высокомерным.
Не задирай демонов.
Не становись одним из них.

ЛАХ. Всё это очень трудно осуществить.
ГЕРМ. Трудно, но не невозможно. Чтобы избежать живущей смерти этой жизни, нужно разорвать связь с этим миром. Однако ты – всё-таки часть этого мира. Если ты развяжешь конфликт, то он либо свяжет, либо погубит тебя. Нам нужно работать с тем, что у нас под рукой, стараясь достигать гармонии, а не

противостояния. Ты существуешь во времени, но нужно развить в себе вкус к вечному. Людям нравится об этом говорить, но очень немногие это делают.

ЛАХ. Потому что цель слишком грандиозна. Вкус к вечному! Прекрасные слова, но в них нет, так сказать, мяса. Я помню, как прочёл «Заратустру» в первый раз. Глаза мои загорелись, волосы встали дыбом. С замиранием сердца я переворачивал каждую страницу, ожидая, что вот сейчас я найду инструкции о том, как стать сверхчеловеком.

ГЕРМ. Ну и что, нашёл?

ЛАХ. Никаких! И я так разозлился под конец, когда Заратустра, счастливый, воссоединился со своими священными животными, а я остался здесь, в своей одинокой комнате, всё ещё человек и совсем не сверх.

ГЕРМ. А чего ты ожидал? Списка упражнений?

ЛАХ. В общем-то, да.

ГЕРМ. Ницше – гностик. Он понимает, что ты должен выработать в себе свою собственную вечность, ту, которую у тебя никогда не отнимут. Демоны могут поймать тебя, пытаться тебя, швырнуть тебя в темницу, унижить тебя, изранить, даже убить тебя – но они никогда не смогут взять у тебя то, что ты сам, добровольно, им не отдашь. Над лучшим в тебе, что и есть истинный ты, у них нет ни грамма власти. Даже если ты умрёшь и твоя память будет стёрта, как уже случалось много раз, твоя вечность останется с тобой. Она неотъемлема и нетленна. Смотри, какие разные бывают люди! Даже те, что рождаются от одних и тех же родителей и воспитываются в одинаковых условиях, часто сильнейшим образом отличаются друг от друга. Они разные из-за прожитых ими жизней. Они не помнят этих жизней, но они изваяны ими.

ЛАХ. Я предпочитаю думать, что я ещё молод и должен просто жить и совершать ошибки. Позднее мудрость придёт ко мне.

ГЕРМ. А почему ты связываешь мудрость с возрастом? Я видел толпы старых дураков. Я также видел юных мудрецов. Мудрость не приходит благодаря возрасту. На самом деле, мудрость вообще не приходит. Как может что-то прийти к тебе, если оно уже внутри тебя? Ты мудр мудростью своего духа, своей искры, горящей в тебе, подобно грозди солнц. Пусть твоя душа дотянется до неё и станет с ней одним. Твоя искра никогда не отдаляется от Бога, потому что она и есть Бог. Мы, души, далеки от Бога, из-за нашей неспособности или нежелания дотянуться до искры. Она обращается к нам всё время, но мы либо не можем, либо не хотим её слышать.

ЛАХ. Иногда мы не слушаем потому, что боимся.

ГЕРМ. Чего?

ЛАХ. Потерять вкус к земным наслаждениям, которые мы любим. Мы думаем, что неплохо бы понаслаждаться ещё немного, а уж потом можно и приступить к внутренней реформе. Но мы тонем всё глубже и глубже, и с годами становится всё тяжелее вырваться на свободу.

ГЕРМ. Держи солнце.

ЛАХ. Что ты сказал?

ГЕРМ. Я сказал, держи солнце. То, что в тебе. Держи его всегда в руках своего ума и не роняй его.

Чувствуй, как искра горит в тебе,
как она светится ровным, немигающим светом.
Пусть твоя душа прильнёт к ней
и тоже начнёт светиться.

Не позволяй своей душе потерять
этот отражённый свет
и колебаться на ветру эмоций и событий.

Пусть твоя душа будет как чистое, спокойное озеро.
Озеро отражает изменчивое небо.
Вот небо безоблачно, вот оно темнеет,
покрываемое бегущей тучей.

Всё это временно.
Туча рано или поздно
улетит прочь или выпадет на землю дождём.
Настроения, эмоции, страсти –
пусть скользят они, как тени,
по чистой поверхности души,
никак не замутняя воду.

Некоторые тени растают скоро,
некоторые задержатся на время.
Ты лишь помни, что все они
распадутся в ничто.
Не позволяй душе ускользать в ничто
вместе с ними.

Тебе надо начать снова играть на флейте, Лахес.

ЛАХ. У меня нет таланта.

ГЕРМ. Это неважно. Играй как можешь. Безделье – медленный яд.

ЛАХ. Но я работаю постоянно. Обеспечиваю и своих дочерей, и себя. Кошек
надо кормить. А теперь ещё и дом придётся отстраивать.

ГЕРМ. Это не работа. Это выживание. Твоя работа – флейта и поэзия.

ЛАХ. Если бы мне ещё платили за них!

ГЕРМ. Хорошо, что не платят. Тогда твоя мотивация заменилась бы деньгами.
Если бы медицина не была столь доходным делом, как ты думаешь, многие бы
хотели стать врачами? Многие бы заботились о твоём здоровье? Если бы
юриспруденция не высасывала из людей последние соки, сколько будущих
законовторов приходило бы в университеты? Многие из них заботились бы о
справедливости? Эти индивидуумы притворяются, что хотят медицину, закон,
науку. В действительности они хотят денег. Убери деньги, и большинство из
них пойдёт охотиться в другие места. То же самое с искусством. Трудно хотеть
денег и делать дело. Это получалось лишь у немногих творцов. Так что работай.
Бездеятельная душа становится гнездом демонов. Она легко скатывается в
свинство и порок.

Не погружайся в безделье.
Вся тоска, печаль, отчаяние,
все виды порочности и нерадения
происходят от безделья.

Грязь накапливается
на неподвижной душе.

Будь всегда занят,
ведь каждое новое дыхание
может стать последним.

И ещё одно.

ЛАХ. Говори.

ГЕРМ. Когда ты трудишься над своей поэзией, или музыкой, или философией, или ещё чем-нибудь таким, что развивает ум и душу, ты создаёшь некую атмосферу вокруг своей жизни, которая находится в гармонии с искрой внутри тебя. Это похоже на создание подходящих условий для экзотического растения. Если условия хорошие, если воздух пропитывается твоим духом, то твоя душа, безусловно, начнёт расти, так же как и растение начнёт расти, если получит достаточно воды и солнца. В душе, как и в растении, по природе заложена способность к росту. Всё, что ей нужно – это правильные условия. Искусство, а я имею в виду искусство в широчайшем смысле этого слова, создаёт подобные условия. Ты ещё помнишь свой немецкий?

ЛАХ. Немного. Я почти не занимался.

ГЕРМ. “Denn das Studium des Vortrefflichen...”

ЛАХ. Ах, да! Это я помню. Гёте сказал эти слова Эккерману. Мы нашли их в той прекрасной главке о сгоревшем театре! Погоди-ка... “Denn das Studium des Vortrefflichen und die fortwährende Ausübung des Vortrefflichen mußte notwendig aus einem Menschen, den die Natur nicht im Stich gelassen, etwas machen.”

[Ведь изучение возвышенного и постоянная работа с возвышенным неизбежно способствует совершенствованию человека, не вовсе обделённого природой.]

ГЕРМ. Вот видишь, ты хранил это в памяти столько лет.

ЛАХ. А потом Эккерман нашёл обгорелые клочки «Тассо»...

ГЕРМ. На земле, возле всё ещё пылающего театра. Да, Лахес. Так тоже бывает.

ЛАХ. Хорошо! Завтра же начинаю играть на флейте!

ГЕРМ. Начинай. И не забудь про поэзию.

ЛАХ. Кстати, Гермоген, а я и не бросал её писать. Она ужасна, но я всё мараю бумагу.

ГЕРМ. Это не имеет значения. Надо продолжать писать поэзию. Всегда будет кто-то, кто это делает лучше тебя, и всегда будет кто-то хуже. Сравнения тут бессмысленны. Если даже никому твоя поэзия не нужна, она нужна тебе, и этого достаточно. Как только стихотворение написано, оно следует своей судьбе, отличной от тебя. Большинство стихов забывается. Лишь крошечная часть становится литературой. Архитекторы создают множество чертежей. Лишь малая их доля когда-нибудь станет зданиями. Когда ты создаёшь, ты пребываешь в истине. Если этот импульс достаточно интенсивен, он перельётся и на всю твою жизнь.

Материя очищается душами.

Звук очищается музыкой.

Линия и цвет – живописью.

Насилие – боевыми искусствами.
 Взрывы эмоций – драматургией.
 Животная грубость – уточнёнными манерами.

Так Демиург очищается Богом,
 чтобы лучшее, что есть в творении,
 могло взойти и спастись.

Кто возлагает надежды на материальный мир, будет всякий раз обманут им.
 Если ты строишь на зыбучем песке, то здание твоё, каким бы прочным оно ни
 казалось, рассыплется на части.

ЛАХ. Ты вот говоришь: «создавай». Но не призываешь ли ты тем самым
 подражать не Богу, но Демиургу? Ведь мы уже пришли к выводу, что Бог не
 создаёт ничего!

ГЕРМ. Правильно. Если бы ты не был создан, то тебе не нужно было бы и
 создавать. А так – подобное лечится подобным. Если тебя нет в реке, то и
 плавать тебе не нужно. А если ты тонешь, то лишь плаванием спасёшься.
 Притом создание созданию рознь. Демиург выискивает форму в духе, а ты ищи
 дух в форме. Тот идёт от единого ко множественному, а ты иди через
 множественное к единому. Раз ты уже угодил в материю, то ты должен
 действовать в ней и сквозь неё.

ЛАХ. Значит, дух должен действовать на материю, чтобы появилось
 произведение искусства?

ГЕРМ. Да, должен. Искусству необходимо сопротивление материи.
 Стихотворению нужна форма, ведь энергия текста вырабатывается
 преодолением сопротивления языка. Даже у вольного стиха есть внутренняя
 форма, сохраняющая его цельность. Таким же образом дух входит в материю,
 чтобы преодолеть её сопротивление. Эта энергия, этот жар двух ладоней,
 трущихся одна о другую, вливается в твою душу и становится ею.

Тело и душа
 могут оставаться вместе самое большее несколько дней.
 Они устают друг от друга
 и требуют отдыха.

Сон и есть этот отдых. А более долгий отдых – смерть.
 Душе надо выйти из своей грубой клетки,
 чтобы подышать свежим воздухом.

Телу также надо отдохнуть от души,
 иначе оно будет уничтожено ею.
 Люди, не спавшие несколько дней,
 едва живы.

Тело ранится о душу
 и должно лечиться каждую ночь.
 Душа ранится о тело
 и тоже должна залечивать раны.

Тело – это комната,

где все окна занавешены плотными шторами,
где пол пронзительно скрипит,
а воздух насыщен свинцовыми парами.

Когда душа входит в эту комнату,
она задыхается, она оглушена, ослеплена,
она мучится желанием выйти оттуда.

Если душе не позволять отлучаться,
она либо умрёт, либо создаст в комнате хаос,
разорвёт шторы и разобьёт мебель.

Смерть – это наивысшая усталость
тела от души и души от тела.
Клетка слишком потрясена, прутья повывадали,
она обрушивается на землю, и птица улетает прочь.

Материя и дух не подходят друг другу,
так же как тело и душа,
ведь в душе есть дух.
Эти противоположности держатся вместе
насильно, умом Демиурга.

Таким образом, душа – это плод насилия,
и она должна преодолеть насилие
гармонией духа.

Вот тебе ещё один парадокс: тело и душа могут быть вместе, только если они
находятся порознь.

Да, Лакес, всякий, кто возлагает надежды на этот мир, будет обманут им.

Лица людей, которых я знал,
становятся одним размытым лицом,
не озарённым, но обожжённым светом памяти.

Страны, которые я видел,
становятся одной помутневшей страной,
Францией, Россией и Португалией,
сжатые в кулак, который сложен из разломанных крыльев
ночных мотыльков.

Женщины, которых я любил,
пища, которую я ел,
музыка, которую я слушал –

все размётано бездыханным ветром.

Я вижу части себя самого
в моих воспоминаниях

крошечными ядрами,
 которые выстреливает перегретая кулеврина,
 всегда поражающими цель,
 потому что эта цель – везде.

Когда я думаю о своей памяти,
 она представляется мне такой последовательной,
 рядом ступеней, ведущих сюда, ко мне.

Когда же я вступаю в память,
 я не могу найти в ней мою жизнь,
 ведь прошлое существует, только когда настоящее думает о нём,
 в самом же прошлом прошлого нет.

Время, Лаксес, нельзя постичь в настоящем. Когда ты плывёшь в нём, оно кажется тебе таким просторным, и гибким, и быстрым, без конца простираясь в твоё будущее. Ты думаешь, что твои дни идут куда-то, далеко-далеко, а своё прошлое ты видишь чем-то вроде перевёрнутого будущего, чем-то тоже бесконечным, уходящим всё дальше от тебя, пока ты стареешь. Помнишь, как мы читали Мопассана и даже выучили несколько параграфов наизусть?

ЛАХ. Помню, конечно. Прекрасные были времена.

ГЕРМ. Помнишь то место из «Adieu»? «Elles vont l'une après l'autre, les années, doucement et vite, lentes et pressées, chacune est longue et si tôt finie! Et elles s'additionnent si promptement...

ЛАХ. ...elles laissent si peu de trace derrière elles, elles s'évanouissent si complètement qu'en se retournant pour voir le temps parcouru on n'aperçoit plus rien, et on ne comprend pas comment il se fait qu'on soit vieux.»

[Они проходят один за другим, годы, мягко и быстро, неторопливые и спешащие, каждый из них и долог, и завершается так быстро! И они накапливаются так скоро, оставляют такой лёгкий след позади себя, растворяются настолько, что, оглядываясь на убежавшее время, ничего больше не видишь и не постигаешь, как это так получилось, что ты превратился в старика.]

ГЕРМ. Да, да. Молодец. Прошлое не отдаляется от нас, но нарастает в нас, как тёмный ком. Время можно ощутить только когда оно прошло. Ты смотришь на прожитую жизнь и видишь размазанное пятно образов, лицо здесь, слово там, все спутано, беспорядочно, перекручено. Это и есть время. Это сгущение, это размазанное пятно и есть время. Мы не видим его, когда мы погружены в него. Мы обычно протягиваем его далеко в прошлое или же далеко в будущее, потому что воспринимаем настоящее как некую протяжённость себя самих. Мы протягиваем себя в мгновения, бесконечно лопающиеся на воображаемой нити. Мы представляем себе наше прошлое как ожерелье, состоящее из более светлых или более тёмных бусин. Мы также представляем себе прошлое как далёкий пейзаж, озарённый солнцем памяти. Но прошлое – не пейзаж. Это стена с нарисованным на ней пейзажем. Даже не нарисованным, а сымитированным пятнами мгновений, разбивающихся об эту стену. Ты воспринимаешь эти пятна как пейзаж, но когда хочешь пойти туда, то ударяешься о стену лбом или пальцем ноги. Это происходит не потому, что ты не помнишь своего прошлого,

но потому, что теперь, когда ты уже вышел из того времени, ты можешь ясно видеть, что оно такое. Мы уловлены иллюзией длительности, но нет никакой длительности. Ты делаешь всё, что ты делал и будешь делать. Нас всех окружает некий цилиндр, который вращается вокруг нас, и оттого, что он непрерывно вращается, мы думаем, что он простирается перед нами и позади нас в качестве прошлого и будущего, однако, если мы посмотрим с некоторым вниманием на него, мы начнём замечать, что некоторые вещи повторяются, что наше настоящее состоит из нашего прошлого, а также из нашего будущего, и что наше прошлое есть наше будущее. Нельзя прорваться сквозь этот цилиндр, потому что он – твоё тело. Единственный путь – это путь вверх, в тот фрагмент голубого неба, который ты видишь, когда задираешь голову.

ЛАХ. То, что ты сказал, ужасно. Теперь я чувствую себя в полной западне, с малой надеждой за избавление. Да и солнце, кажется, застряло там, на вершине холма, как золотое яйцо, снесённое волшебной курицей.

ГЕРМ. Прежде ты называл его фиолетовым шаром, теперь это золотое яйцо. Твои образы дорожают.

ЛАХ. Да, становится всё труднее себе их позволить.

ГЕРМ. Помнишь, как я говорил о следах позолоты на серой стене?

ЛАХ. Помню.

ГЕРМ. Эти следы позолоты – лучшее, чего достигла твоя душа. Духовные достижения нельзя стереть, поскольку они сливаются с искрой и разделяют её вечность. Так они переживают смерть твоего старого тела и рождение нового. Когда ты рождаешься вновь, то лучшее из твоей прежней жизни уже присутствует в тебе, а та часть тебя, что была хили, уже распалась. Чем больше золота ты оставишь на стене, тем более золотой эта стена будет, когда ты вновь родишься, и тем более от себя ты будешь помнить. Когда накопится достаточно золота, ты уже больше не исчезнешь, ведь всё меньшая часть тебя будет хили, а всё большая – духом. Ты будешь просто выступать из одной жизни и вступать в другую. В тебе может оставаться несколько тёмных лоскутков, но в целом твоя личность станет вечной благодаря той работе, которую ты проделал. А потом вся стена превратится в золото, и сама смерть должна будет выпустить тебя из своих когтей.

ЛАХ. И я достигну всего этого, играя на флейте и сочиняя стихи?

ГЕРМ. Ты достигнешь всего этого, работая. Твоей душе нужно работать, иначе она погибнет. Некоторые трансценденты выбирают оккультные науки, некоторые занимаются эзотерическими аспектами своих религий, некоторые создают произведения искусства, некоторые воспринимают искусство, ведь это так же сложно, как и создавать его. Некоторые делают всё вышесказанное, и больше. Все разные, и нет одного пути, который подошёл бы нам всем. Твоей душе нужно двигаться. Не имеет значения, чего ты достигнешь. Имеет значение лишь то, что ты отдаёшь всего себя своей работе. Если это приведёт к созданию чего-то прекрасного и полномысленного, хорошо. Если нет, то созданное тобой создало тебя, вынесло тебя из туманного воздуха иллюзий, спасло тебе жизнь. Земля рано или поздно исчезнет. Возникнут новые цивилизации, будут населены новые планеты. Всё наше искусство, вся наша философия исчезнут. Пока они ещё здесь, они сияют и учат нас, а души, создавшие их, уже взойшли благодаря им. Еврипид, как ты знаешь, был далеко не единственным трагиком. Были сотни других, как менее одарённых, так и более. Нам повезло, что для нас сохранилось что-то, написанное Еврипидом. Произведения прочих, наверное, не менее важные, исчезли без следа. Были ещё и другие, лишённые великого дара,

но тем не менее отдавшие себя полностью творчеству. Я верю, что все они взошли, независимо от достигнутого ими результата.

ЛАХ. Вполне может быть.

ГЕРМ. Вот почему так жизненно важно заниматься лишь тем, что даётся с трудом. Как только работа становится лёгкой, надо усложнять её. Это похоже на то, как тренируется тяжелоатлет, начиная с небольшого веса и постепенно доходя до более и более высокого, пока он не достигнет своего предела, если таковой существует. Заниматься лёгкими вещами бесполезно. Душа растёт, преодолевая сопротивление материала, над которым она трудится. Танцор преодолевает сопротивление своего тела, скульптор ваяет мрамор или металл, заставляя их соответствовать идее, поэт подчиняет себе язык, а композитор выравнивает хаос звуков. Музыкант заставляя свои пальцы, созданные для срывания плодов и швыряния камней, ткать музыку. Чем больше сопротивление, тем больше производится тепла. Это тепло – жизнь твоей души, её рост, её восхождение. Повторяю, что результат менее важен, чем полное посвящение себя работе. Выбери что-нибудь, что откликается в тебе, и занимайся этим, отдай этому всего себя. Вот так ты и будешь восходить.

ЛАХ. Трудно поверить, что я освобождаю себя, когда играю на флейте, даже если я и влагаю в игру всю свою душу.

ГЕРМ. Дело не столько в том, какое занятие ты даёшь своей душе, сколько в том, чем ты ей мешаешь заниматься.

ЛАХ. О чём ты?

ГЕРМ. Как я уже говорил несколько раз раньше, твоя душа возникла здесь, в этом мире. Она – результат трения между духом и материей. Она состоит из них обоих. Духовная часть твоей души естественным образом возносится, тогда как материальная опускается, и это тоже происходит естественно. Таким образом, твоя душа разрывается двумя противоположными силами, из которых она состоит. Мы устаём от жизни, потому что живём в постоянном напряжении между искрой, тянущейся к духу, являющейся этим тяготением, и материей, между невежеством и знанием, между похотью и чистотой. Эта боль, эта усталость подспудна. Когда мы ощущаем её, мы приписываем её усталости от тех или иных действий, от тех или иных переживаний. Нас одурманивает поток времени, череда однообразных дней и предсказуемых развлечений. Это едва тёплое онемение повседневности мы создаём сами для себя, чтобы замаслить душу и легче переносить существование в материальном мире. Мы даже наши мелкие печали и беспокойства заставляем быть частью этого гипнотизирующего нас потока. Но когда случается что-то неожиданное, очень болезненное или трагическое, оно встряхивает нас, онемение повседневности резко прерывается, и мы смотрим на мир будто со стороны, охваченные смущением и скорбью. Мы тоскуем по своему прежнему состоянию и жаждем к нему вернуться. Нам кажется, что наша теперешняя взбудораженность, израненность есть нечто ненормальное, некое исключение из обычного. Однако дело обстоит как раз наоборот. Лишь в состоянии шока, скорби, ужаса, вдребезги разбивающих накиннутый на нас стеклянный колпак, мы начинаем понимать своё истинное положение, мы начинаем осознавать, что значит быть скованным материей, мы начинаем ощущать ту боль, в которой постоянно пребывает наша душа, хотя и перестаёт чувствовать её в дурмане привычной, самоповторяющейся жизни. Если человек постоянно чувствует боль, с самого раннего детства, то он как-то привыкает к ней и думает, что это и есть нормальное состояние. Он просто не может сравнить его с иным состоянием, когда боли нет, ибо иное состояние ему

совсем неведомо. Так же и душа наша постоянно находится под бременем материального, и она уже привыкла к этому и не знает, не понимает, что это такое – быть свободной, не скованной, не раздавленной свинцовым грузом человеческой жизни. Однако в минуты шока или горя мы начинаем видеть, в каком состоянии находимся. В эти минуты наши глаза действительно открыты, наша голова поднята над поверхностью мутного пруда. А потом, иногда быстро, иногда постепенно, онемение вновь окутывает нас, и мы вновь тонем, погружаемся в грязь и водоросли, а небо вновь затягивается чёрной пеленой. Но боль, которую мы чувствуем, это и есть боль разрыва между духом и материей. Все объяснения, которые мы ей находим – печальные или трагические события, различные неприятности и прочее – всё это лишь внешние объяснения. Зло приключается лишь с той душой, которая способна воспринимать зло. Мёртвое тело ничего не чувствует. Дух, освободившийся от материи, для зла недостижим. Лишь разорванная душа может стать жертвой. Эта разорванность, это тяготение одновременно и к свету, и к тьме, и есть единственная причина страданий души.

ЛАХ. Не знаю даже, что и сказать... Наверное, то же самое происходит, когда человек, привыкший к столичному оживлению, оказывается запертым в провинции, в каком-нибудь захолустье с одной улицей и двумя церквями. Ему кажется, что жизнь остановилась, его охватывают скука и безысходность...

ГЕРМ. Его охватывает ощущение истинного состояния его души, которая в столице постоянно отвлекается шумом, развлечениями, всевозможными бегами и делами, так что не чувствует саму себя. А тут...

ЛАХ. Тишина и покой, как правдивое зеркало, направляют её взор на себя. Если я правильно понимаю, столпники вообще отказывались играть в эти игры, удалялись в глухомань, ставили своё тело на столп, не обращали на него внимания и оно буквально гноилось на них.

ГЕРМ. В этом тоже есть жестокость и отсутствие любви по отношению к живому существу, собственному телу.

ЛАХ. Думаю, они не видели иного выхода.

ГЕРМ. Я не согласен с ними, хотя и восхищаюсь их подвигом.

ЛАХ. Я тоже.

ГЕРМ. Итак, твоя душа вольна выбирать, куда ей идти: следовать за материей, запутываться в животных порывах и умереть как дух, или же следовать за духом к Богу и умереть как материя. Мы никогда не находимся далеко от Бога, потому что Бог прямо здесь, внутри нас, в искре, дающей нам жизнь. Некоторые гностики говорили, что Бог очень далеко, но это правда лишь в метафорическом смысле, и я уверен, что именно так они и понимали слово «далеко».

Расстояние от нас до Бога
есть длина нашего невежества.

ЛАХ. Если это так, тогда Бог и в самом деле далеко от меня!

ГЕРМ. Ты не высокомерен, Лахес, и мне очень нравится это твоё качество. Высокомерие – это одна из самых страшных опасностей, которые могут случиться с душой, и ещё...

ЛАХ. Что ещё?

ГЕРМ. Чрезмерное смирение. Оно хорошо смотрится, человека даже можно принять за святого, но оно замедляет твой путь так же успешно, как и высокомерие. Оба качества вдохновлены демонами. Нужно держаться середины. Знай свои недостатки, но знай также и свою лучшую сторону. Если

ты будешь всё время, так сказать, бить свою душу по голове, говоря ей, какая она никчёмная, то однажды ты можешь убедить её в этом.

ЛАХ. Продолжай.

ГЕРМ. Эти две силы, разрывающие твою душу, не равны. Как же может быть иначе, ведь за одной из них – сам Бог! И всё-таки тяга материи кажется и вправду очень сильной всё время, пока твой ум пребывает в дремоте. У животного нет никакого шанса вырваться из материи на свободу. Это становится возможным лишь когда животное рождается человеком. Тогда духовная составляющая твоей души начинает тяготеть к искре. Эта гравитация совершенно естественна, я бы даже сказал, инстинктивна. Ничто не может остановить её. Замедлить её, помешать ей – да, это возможно, именно это со всеми нами происходит. Я где-то читал, что не может быть двух гвоздей в одном отверстии. Сравнение приземлённое, но очень точное. То время, которое ты не проводишь, удовлетворяя животные аппетиты, ты проводишь, трудясь над своим восхождением. Существует лишь два лагеря. Третьего нет. Когда ты не в одном, то ты в другом. Ты не можешь быть больше нигде. Вот почему всё время, которое ты проводишь, не будучи животным, посвящено духу. Вот тут-то, вместе с твоей религией, и пригождается твоя музыка, твоя поэзия, твоё чтение и философия, даже если они ни в какое сравнение не идут с величайшими достижениями других людей. Занимаясь всем этим, ты не преграждаешь естественного влечения твоей души к искре внутри тебя. Вот почему так жизненно важно быть занятым, работать над своими духовными качествами. Чем больше ты занимаешься духовным, тем меньше ты занимаешься материальным, даже если ты и не можешь полностью преодолеть тяготение материи. В конце концов ты начнёшь чувствовать, как тиски материального слабеют, как позывы, державшие тебя так долго в рабстве, становятся незначительными, несущественными. Каждый аспект, каждая часть твоей души, очищенные таким образом, переживут смерть, ведь они сольются с бессмертной искрой. Если тебе удастся очистить достаточно большую часть себя, то и твоя личность переживёт смерть.

Ты видишь по тому, как человек умирает,
то, как он жил.

В его поведении перед смертью
проявляется состояние его души.

Личность можно также сравнить с оттиском на глине. Эта глина – то тягучее вещество, несчастная смесь духа и материи, из которой сделаны наши души. Оттиск – тоже часть глины, но если он представляет собой лишь неглубоко прорезанный рисунок, то он легко сотрётся дождём и ветром. Личности там нет. Когда материя и дух расстаются, это бессвязное завихрение линий просто растворяется. Есть оттиски поглубже, и они не могут стереться полностью. Какие-то следы остаются, когда на глине ставится новый оттиск. Есть и глубокие оттиски, с чёткими линиями, которые становятся существенной частью нового оттиска. А некоторые оттиски так глубоки, что они полностью пронизывают глину, делая всякий другой оттиск невозможным.

ЛАХ. Но ведь если материя и дух расстаются, как ты говоришь, то любой оттиск, хоть и самый глубокий, всё равно должен стереться!

ГЕРМ. Да, но это больше не будет иметь никакого значения. Суть глубокого оттиска, его связность, его внутренняя логика духовны и потому бессмертны. Если ты запомнишь картину до мельчайших деталей, если впитаешь её в себя, сделаешь её частью твоего сердца, твоего ума, а потом эта картина сгорит во время пожара, то она всё равно сохранится в тебе. Если даже слабая человеческая память может давать жизнь тому, что уничтожено, то насколько более мощной должна быть память духа, память Бога! Если тебя помнит дух, то ты будешь жить, в полном смысле этого слова, в духе, даже если первоначальный материал, из которого ты был сделан, уничтожится.

ЛАХ. И я буду жить.

ГЕРМ. И ты будешь жить. Этот смысл, пожалуй, и вложен в слова распятого разбойника Христу: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоём!»

ЛАХ. Стаи птиц слетаются на ночь в кроны каменных сосен. Что за гам! Он слышен даже на таком расстоянии. Когда солнце решится, наконец, сесть, всё в тех деревьях утихнет. Они будут стоять, как потушенные свечи, как будто в них никого и нет. А я всё падаю, Гермоген. Не думаю, что у меня хорошо получается это самоспасение. Если бы я верил в официального Бога, то мог бы надеяться на Его милость.

ГЕРМ. У тебя уже есть милость. У всех она есть.

ЛАХ. Даже у мерзейших из мерзких?

ГЕРМ. Даже у них. Где Бог, там и милость. Ты просто не был бы живым без неё.

ЛАХ. Боюсь, я снова буду уничтожен. Я недостаточно силён, чтобы противиться животному во мне.

ГЕРМ. Не надо к себе так строго относиться. Ты разгуливаешь по свету, убивая людей?

ЛАХ. Нет, конечно!

ГЕРМ. Тогда, может быть, ты убиваешь животных?

ЛАХ. Нет.

ГЕРМ. Ты вламываешься в дома и крадёшь чужое?

ЛАХ. Это немыслимо для меня.

ГЕРМ. Ты грабишь и насилуешь?

ЛАХ. Никогда!

ГЕРМ. Видишь, ты уже противишься огромной части своего животного. А жажда власти? Тебе знакомо это всепоглощающее томление по власти над другими, эта горькая страсть повелевать, внушать ужас?

ЛАХ. Я никогда и не знал таких желаний.

ГЕРМ. А ведь это – один из сильнейших животных позывов. Я тоже не замечаю его в тебе. Думается, этот демон оставил тебя.

ЛАХ. Монарх из меня вышел бы никудышный. И всё же есть несколько демонов, которые постоянно мучают меня! Боюсь, что они утащат меня вниз... Я продолжаю падать на своё лицо.

ГЕРМ. Если ты не будешь падать, то станешь чудом расчудесным, более славным, чем египетские пирамиды. Каждый падает. Это неизбежно. Время течёт вокруг нас и тянет нас за собою. Его вода может быть горькой или сладкой, но она всегда стремительна. Быстрейшая вода очищает лучше всего, даже если она то и дело сбивает тебя с ног. Когда течение уносит тебя, ты можешь не замечать, как быстро течёт река. Когда ты пытаешься устоять на слизких камушках – вот тогда поток толкает тебя со всех сторон.

Нельзя стоять в реке
и не намокнуть.

Никто этого не может.

Ты переходи через реку,
даже если ноги изранены об острые камни,
даже если вода подступает к горлу
или течёт по верх головы.

Ты продолжай пересекать реку,
пока не достигнешь другого берега.

Он не пустынен.
Там существа, которые уже совершили переход
до тебя.

Вон они стоят.
Ты видишь их сквозь струи,
брызжащие тебе в лицо.

ЛАХ. А что эти существа там делают?

ГЕРМ. Ждут тебя. Ты не утонешь, если будешь двигаться. Люди тонут,
потому что сдаются.

ЛАХ. Те люди на другом берегу, они мне помогут?

ГЕРМ. А ты как думаешь? Чего они тогда ждут? Если они увидят, что ты
выбиваешься из сил, они тебе помогут. Ведь, знаешь ли, не только демоны
наполняют собою воздух. Если бы нам не помогали, нас бы всех давно
порешили. Да, тебе помогут, если увидят, что ты искренне стараешься. Войдёт
ли кто-нибудь в воду ради тебя? Этого я не знаю. Может быть, кто-то уже и
вошёл.

ЛАХ. Ну и где это существо? Почему оно не подойдёт поговорить?

ГЕРМ. Не переживай, Лахес. Если ты будешь так заводится, то заболеешь.
Здоровый человек может достичь многого, он может быть таким свободным,
насколько ему позволяет его клетка. Больной же человек – обуза и для себя, и
для других.

ЛАХ. Да, да.

ГЕРМ. Спокойно двигайся к своей цели. Держи солнце. Отдай всего себя
любимому делу. Не причиняй вреда. Работай над разрывом связей с материей.
Эти связи – плод твоего ума. Если ты не сможешь их разорвать, по крайней
мере, ослабь их. Когда упадёшь, поднимись и продолжай идти. Даже если тебя
снова сотрут, то лучшие из плодов этой твоей жизни безусловно останутся с
тобой, станут тобой, в твоей следующей жизни. По-другому быть не может.
Доказательство тому – ты сам, каков ты теперь есть, твоя готовность к
глубокому размышлению, твоя любовь к искусству. Ты ведь не родился просто
вот таким. Ты был подготовлен своей работой в предыдущих жизнях. Ты не
помнишь эти жизни, но лучшее из них всегда в тебе. Они – ступени, по которым
ты теперь восходишь. Спасение возможно. Оно было достигнуто другими и
может быть достигнуто тобой.

ЛАХ. Благодарю тебя.

ГЕРМ. Вот это и есть тот совет, которого ты просил. Я выразился в общих словах, конечно, но я и не могу дать тебе большего. Я помню тебя, когда ты был моложе. Ты требовал слишком многого от себя, а это так же плохо, как и требовать слишком малого. Обе крайности парализуют душу.

Божье совершенство – единственное совершенство.
Наше совершенство – это процесс достижения совершенства.

Искры всегда с Богом,
и всё же они возвращаются к Богу,
а лучшее в наших душах следует за ними.

Всё рано или поздно
вернётся в свою стихию.

Ветер возвращается к ветру, огонь к огню,
жизнь ищет жизнь, дождь обнимает реку.

Всё приходит домой.

Пузырёк воздуха, погребённый во чреве океана,
обросший водорослями, прижатый затонувшими кораблями,
может оставаться на дне целые столетия,
но однажды он поднимется, сквозь всё более голубеющую воду,
и лопнет, и смешается с небом.

Говорят, что путь обратно долог и тяжёл,
что он вьётся сквозь удушающий мрак пространства,
что он тянется по острейшим лезвиям звёзд.

Но как искра может быть отделена от Бога,
если она и есть Бог? Разве Бог делится на части?
Разве Абсолют можно разорвать?

Есть лишь иллюзия разделения,
и эта иллюзия – мир,
состоит ли он из более грубой или более тонкой материи,
иллюзия, созданная могущественным существом,
державшим нас в западне вследствие нашего невежества,
вследствие той власти над собой, которую мы сами ему даём,
принимая его тени за реальные вещи, за единственные вещи,
но когда выходит солнце, тени рассеиваются,
и даже немного света делает смоляную чернь серой.

Наша жизнь скользит, как тень по глади вод.
Как слово, прощёпанное на ветру, она уносится прочь.

Всё, что может быть отнято у тебя,
будет отнято.

Что не может быть отнято,
не может быть дано,
но пребывает вовеки с тобой.

Всё, что я имею, я благодарен за это. Есть дешёвые тени, есть дорогие тени, есть живые тени, есть мёртвые тени. Все он тени. Некоторые пагубны, некоторые полезны, некоторые даже спасительны. Все они рано или поздно рассеются.

Солнце погружено в воду.
Солнце – это твоя искра. Вода – это твоя душа.
Чем ближе вода к солнцу,
тем она чище,
и чем она дальше от солнца, тем она темнее.

На поверхности
постоянно бурлит грязная пена:
мысли, воспоминания, звуки, образы.

Но если ты погрузишься дальше,
то вода очистится, звуки смолкнут,
и ты будешь слышать
лишь сладкий покой вечного светила.

Оно – не тень. Сделай его своим.
Очисти свою душу. Подведи её ближе к солнцу,
чтобы ты смог вознестись
его неподвижностью.

ЛАХ. И слушать его безмолвием.
ГЕРМ. Да, именно так. Не может быть два гвоздя в одном отверстии.
Отверстие тоже не может быть пустым. Пустоты не существует. По мере того,
как материальные пристрастия удаляются из твоей души, дух занимает их
место. Иначе и быть не может. Подходя ближе и ближе к солнцу, всё большее в
твоей душе становится бессмертным, потому что мысли, воспоминания, звуки,
образы – всё это заменяется своими бессмертными двойниками.

Ты видел когда-нибудь действительно мощный фонтан,
струи настолько сильную, что она взвивается, как серебряный шест?
Её почти можно взять в руку.

Такое сильное движение
в основании этой летучей колонны,
что не видно ни брызг, ни расхлёстанных струй.

И всё же, чем выше она поднимается,
тем больше теряет от своей первоначальной мощи,
и раздаётся вширь, и повисает
под голубым выменем неба,
как пучок увядших цветов,
наслоенных один на другой.

Небо как было далёким, так и осталось,
а струя сдаётся, и ниспровергается со своей высоты,
набирая всё больше и больше той скорости,
которую потеряла во время взлёта.

Такова материя. Чем ближе она к земле,
тем более могучей она кажется,
но она только бывает могучей, когда начинает свой подъём
или заканчивает своё падение.

Она может соперничать со светом
лишь некоторое время, а потом начинает распадаться,
и сдаётся, и возвращается в землю,
свою родную стихию.

ЛАХ. А, вот оно!

ГЕРМ. Что?

ЛАХ. Солнце! Я думал, оно пропало, но его, оказывается, заслонила туча.
Теперь туча распалась, и солнце видно снова! Потрясающе. Который час? Нет,
не говори мне. Я не хочу знать.

ГЕРМ. Час такой, что тебе пора идти домой.

ЛАХ. Да, уже становится поздно.

ГЕРМ. Тебе нужен, по меньшей мере, час, чтобы добраться до города.

ЛАХ. Если не больше, из-за темноты. Слышишь, как поёт птица дождя?

ГЕРМ. Да.

ЛАХ. Мне раньше надоедал этот крик, такой монотонный и
нев्यразительный. Этот зов был как ложка с длинной ручкой, которую всё
совали и совали мне в рот, будто насильно кормя туманом. Теперь я привык и
даже слушаю с удовольствием.

ГЕРМ. А другой зов ты слышишь?

ЛАХ. Другую птицу?

ГЕРМ. Да, другую птицу. Слышишь, как она зовёт тебя?

ЛАХ. А, понимаю! Это странное ощущение, но я действительно слышу! Звук
очень тихий.

ГЕРМ. Это может быть звук, линия, цвет, пятно света. Когда твой ум начинает
вести себя внимательно, он начинает слышать во всякое время этот
нескончаемый голос, зовущий тебя домой. Я слышу его везде, в музыке Баха, в
живописи Тициана, в каждом хорошо написанном стихотворении я слышу его.
А когда я слушаю многослойные созвучия Баха, слушаю глубоко, когда я
впитываю в себя гармонии Тициана, когда я постигаю полифонию Гомера или
Ариосто, то это мой ответ на зов. Этот ответ и есть мост, по которому я могу
пройти.

ЛАХ. Мы ещё увидимся, Гермоген?

ГЕРМ. Когда-нибудь.

ЛАХ. Наш разговор преобразил меня. Твои слова выжгли во мне глубину.

ГЕРМ. Боюсь, мы не сказали ничего нового.

ЛАХ. А может так быть, что мы с тобой всё неправильно говорили?

ГЕРМ. Конечно. Но мы говорили искренне, стремясь к истине и не лукавя
перед собой. И если мы в чём-то неправы, то, по крайней мере, право наше

стремление. Пусть каждый решает сам для себя и следует своему пониманию истины.

ЛАХ. И всё-таки я чувствую себя преображённым. Это действительно так.

ГЕРМ. Просто я напомнил тебе то, что ты позабыл. Разговоры не могут изменить душу, которая не желает меняться. Проповедника слышат лишь обращённые. Никакие доводы не произведут ни малейшего действия, если нет внутренней потребности в таком действии. Можно сказать человеку множество мудрых слов, но, если он не созрел и ещё не может впитать их, он просто проигнорирует их или же позабудет. С другой стороны, никакие разговоры не нужны тому, кто уже созрел.

ЛАХ. Теперь я полон решимости, но я-то себя знаю. Пройдёт время, и меня снова затянет в старую западню. А потом я умру, и ничего не буду помнить.

ГЕРМ. В этом случае кто-нибудь придёт и освежит твою память. Нам нужно делать это друг для друга. Свет уходит из этого мира, и нас остаётся всё меньше и меньше. Вот, возьми.

ЛАХ. Что это?

ГЕРМ. Часы, которые привели меня к близкому другу.

ЛАХ. Я не могу принять их. Они, кажется, очень дорогие. Это золото?

ГЕРМ. Да, золото, и я хочу, чтобы у тебя были эти часы. Там вмятинка на крышке. Она появилась, когда часы упали на мостовую. Я не хотел, чтобы эту вмятинку заполировали, потому что она мне напоминала о дне моего пробуждения. Возьми. Мне часы больше не нужны.

ЛАХ. Не знаю, что и сказать. Ты очень щедр.

ГЕРМ. Ты был очень щедрым. Эти часы всегда были со мной, всё это время. Я хотел показать их тебе раньше, но ты был ещё слишком молодым, ты бы не понял. А теперь... Я возьму их у тебя потом, когда уже ты будешь беседовать со мной. До свидания, Лахес.

ЛАХ. Я чувствую себя как-то странно.

ГЕРМ. Иди домой и выспись. Ты сказал, твой дом ещё стоит.

ЛАХ. А где ты теперь живёшь?

ГЕРМ. Я живу там, где я есть.

ЛАХ. До свидания, Гермоген!

ГЕРМ. До свидания!

20.07.2013-2.06.2015